

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

ქნის, ისტორიისა და მაცვრ. კულტურის ინსტიტუტი აკად. ნ. შარის სახ.
Ин-т языка, истории и матер. культуры им. акад. Н. Я. Марра

9(05)
2-362

მ ა ს ა ლ ე ზ ი

საქართველოსა და კავკასიის ისტორიისათვის

МАТЕРИАЛЫ

ПО ИСТОРИИ ГРУЗИИ И КАВКАЗА

1942

ნაკვეთი I ВЫПУСК

თბილისი

1942

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

ინის, ისტორიისა და მაცვრ. კულტურის ინსტიტუტი აკად. ნ. ჯაფარიძის სახ.
Ин-т языка, истории и матер. культуры им. акад. Н. Я. Марра

9(05)
8-362

მ ა ს ა ლ ე ბ ი

საქართველოსა და კავკასიის ისტორიისათვის.

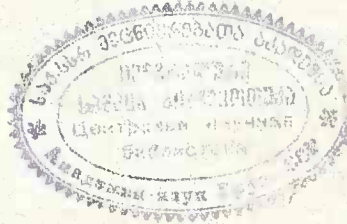
МАТЕРИАЛЫ

ПО ИСТОРИИ ГРУЗИИ И КАВКАЗА

1942

ნაკვეთი I ВЫПУСК

P-70701



თბილისი

1942

*Напечатано по распоряжению
президиума Академии Наук Грузинской ССР*

Редактор проф. Н. А. Бердзенишвили

I

ИМЕРЕТΙΑ И ГУРИЯ В ПЕРИОД 1804—1840 г.

II

ДВЕ ЗАПИСКИ ЦАРЕВИЧА ДАВИДА
«О ЛУЧШЕМ УСТРОЙСТВЕ ГРУЗИИ»

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. А. Г. Пирцхалаишвили — Имеретия и Гурия в период 1804—1840 г.	1
Приложение № 1	97
Приложение № 2	101
Приложение № 3	110
2. И. К. Ениколопов — Две записки царевича Давида «О лучшем устройстве Грузии»	121
Предисловие	123
Первая записка	127
Вторая записка	159
Примечания	166
Исправление замеченных опечаток	167

А. Г. ПИРЦХАЛАИШВИЛИ

ИМЕРЕТИЯ И ГУРИЯ В ПЕРИОД 1804—1840 г.

(Со времени вступления в подданство России до введения в них общегражданского управления по закону 10 апреля 1840 г.)

Провинции Западной Грузии: царство Имеретинское, владения Мегрельское, Абхазское и Гурийское вступили в подданство царской России без торжественных и лицемерных ламентаций, которыми царизм старался завуалировать аннексию Восточной Грузии—Карталино-Кахетинского царства и которые он так наглядно отобразил в известном манифесте Александра I от 12 сентября 1801 г.

25 апреля 1804 г., когда еще не были окончательно оформлены торжественным трактатом договорные отношения России с царем Имеретинским Соломоном II (договор этот, как известно, после присяги Соломона на подданство России 25 апреля 1804 г., был подписан одновременно с владельцем Мегрелии в сел. Сачидао 4 июня 1804 г.¹), главноначальствующий в Грузии кн. Цицианов донес императору Александру I: «Священная воля в. и. в., изъясненная в именном указе 5 февраля, ... благодарение богу, исполнена... царство Имеретинское обращено в одну из российских провинций². Что касается Гурии, то с владельцем ее кн. Цицианов попросту не пожелал разговаривать. На просьбу кн. Вахтаंगा Гуриели о принятии его в подданство России с сохранением за домом Гуриели прав автономного владельца этой страной, Цицианов поручил чиновнику Литвинову объявить просителю, что Гурия вступила в всероссийское подданство в общем трактате с Имеретией³, т. е. как составная часть Имеретинского царства, и ни о каких владетельских правах на управление этой

¹ Акты К.А.К.П., № 750 стр. 378, № 769, стр. 384.

² Там же II, № 748. Разрядка наша А. П.

³ Акты, т. II, № 1061, стр. 543.

провинцией, закрепленных договором с Россией, не может быть и речи.

Подобное упрощение принятых обычно дипломатических тонкостей, конечно, нельзя отнести на счет только смелости и решительности исполнителя царской воли—кн. Цицианова. Последний, правда, отличался чрезмерным честолюбием и несомненной храбростью. Но как бы ни был он стремителен в исполнении царских предначертаний, как бы ни старался он для увековечения своего имени форсировать события, необходимо все же признать, что захватнические акты царизма в Закавказье развивались в то время по вполне определенному плану и с использованием всех имевших тогда место обстоятельств. Об этом наглядно свидетельствуют опубликованные документы, которые не нашло нужным скрывать впоследствии само царское правительство¹. «После падения царства Карталино-Кахетинского, пишет в известном своем исследовании проф. З. Авалов, присоединение остальных грузинских владений было лишь делом времени. Мы знаем, как широки были планы, подсаказавшие инкорпорацию Грузии. В нескольких шагах от Черного моря Россия не могла остановиться, а владельцы, с упоением терзавшие друг друга, остановить ее не могли... Владения Западной Грузии постепенно лишались автономии путем отчасти добровольным, отчасти *manu militari* (вооруженной силой), притом не без «авангарда из благородных металлов»².

Более осторожный со стороны царизма подход к осуществлению первого своего шага аннексионистской политики на Кавказе, когда решалась судьба Восточной Грузии, оформление торжественными манифестами явного нарушения не менее торжественного двухстороннего трактата, заключенного в 1783 г. с грузинским царем Ираклием II, международная ситуация того времени, при которой происходила аннексия Грузии, надо полагать, послужили причиной тому, что буржуазные историки и юристы, при исследовании ими вопроса о присоединении Грузии к России, обычно ограничивались документальным освещением обстоя-

¹ Для примера можно указать опубликованные в Актах К.А.К. документы в т. II, № 443 «О соединении торговли Каспийской и Черноморской» (21 авг. 1803 г.), «О политике в отношении Турции»—№ 1799, стр. 873 и мн. др.

² Авалов. Присоединение Грузии к России. СПб. 1901 г. стр. 275.

тельство, при которых произошла инкорпорация Карталино-Кахетинского царства. Совершенно другие приемы, к которым прибегло правительство Александра I при аннексии Западной Грузии, рассматривались названными исследователями, как естественный ход событий, начало которым положено было в 1804 г. Аннексия эта представлялась им как бы неумолимой логикой вещей, а потому ей и не уделяли внимания для детального документального изучения, как это было сделано исследователями в отношении вопроса инкорпорации Карталино-Кахет. царства.

Ясно, что при подобном отношении к событиям, имевшим место в Западной Грузии накануне присоединения к России царства Имеретинского и смежных с ними владений, остаются не вполне понятными многие обстоятельства, при которых это присоединение совершалось. Точно также, ряд последующих за этими событиями фактов из истории Имеретии, Мегрелии, Гурии и Абхазии, в том числе народные движения широкой волной захватившие в первой четверти XIX в. эти провинции, становятся понятными только при детальном документальном восстановлении исторической картины инкорпорации Западной Грузии.

В настоящем своем исследовании мы поставили себе задачей, на основании имеющихся уже публикаций архивных документов указанного периода, а также сделанных нами изысканий в Ленинградском центральном государственном архиве внутренней политики, культуры и быта (фонды б. Кавказского комитета), постараться восстановить в основных чертах историю царства Имеретинского и владения Гурийского накануне присоединения их к России и в период со времени поступления их в российское подданство до введения в этих провинциях общегражданского управления по закону 10 апреля 1840 г. Этот сравнительно небольшой для исторических судеб народов отрезок времени был крайне богат весьма важными событиями в жизни Имеретии и Гурии, событиями, которые до настоящего времени остаются без детального и объективного освещения. Наша задача в известной степени будет исполнена, если своим небольшим экскурсом в историю указанного периода Имеретии и Гурии мы зафиксируем на нем внимание научной мысли и тем уже самым положим начало к восстановлению исторического хода всех событий этого периода во всем их объеме и объективной достоверности.

На основании опубликованных и имеющихся в нашем распоряжении материалов¹ в последующем изложении дается: 1) характеристика положения Имеретии и Гурии накануне вступления их в подданство России, 2) историческая ситуация, в которой развертывалась захватническая политика царизма в Закавказье после инкорпорации Карталино-Кахетинского царства, 3) краткое освещение политики царизма в Западной Грузии по вступлении Имеретинского царства и Гурийского владения в подданство России и события, последовавшие за включением названных провинций в состав Российской империи и 4) описание структуры управления Имеретией и Гурией после вступления их в российское подданство до преобразования царизмом гражданского управления в Закавказье по закону 10 апреля 1840 г.

¹ Имеем в виду публикации: а) проф. А. Чагарели. Грамоты и др. документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии, т. I, СПб 1891. б) Кавказской Археографической Комиссии в собранных ею «Актах», т. т. I—IX, Тифлис, 1866—1884 гг., в) Академии Наук С С С Р—Колониальная политика рос. царизма в Азербайджане. Москва—Ленинград 1936—1938 гг. ч. I и II, г) Тбилисского Госунта—Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615—1640 гг. Тбилиси 1937 г. д) П. Г. Буткова—Материалы для новой истории Кавказа 1722—1803 гг. т. т. 1—3, СПб 1869 г., е) Соколова—Путешествие мое по Имеретии, мое там у царя пребывание, с ним сношение и обратное оттуда путешествие в Грузию. Москва 1874 г., ж) Бурнашева—Картины Грузии по описанию политического состояния царств Карталинского и Кахетинского, сделанные полк. Бурнашевым в 1780 г. Тифлис, 1896 г. и др., а также документы, воспроизведенные и цитируемые: 1) у Н. Дубровина в его—История войны и владычества русских на Кавказе. т. т. III—VI, СПб 1886—1888 гг. 2) Чудинова в его исследовании—Имеретинские неурядицы. 1809—1810 гг. (Кавказский сборник т. т. XV—XVI, Тифлис, 1894 г.), 3) в издании штаба Кавказского военного округа—Утверждение русского владычества на Кавказе. т. т. II, III, ч. I и 2, IV, ч. I и 2 и XII, и, наконец, статистические и справочные издания об Имеретии и Гурии первой половины XIX в., как то: 1) Статистический взгляд на Гурию, статья, помещенная в Тифлисском Вестнике 1832 г. № 2; 2) Обзорение российских владений за Кавказом, СПб 1836 г. ч. I и IV, 3) Орест Евенкий, Статистические описания Закавказьяского края. СПб. 1835 г., ч. I и 2, 4) А. Лаврентьев. Статистические описания кутаисского ген.-губернаторства, СПб, 1858 г., 5) П. Гн-в, О царе Соломоне и бывшем при нем правлении. Кавк. календарь на 1853 и 1859 г.

Тяжелое положение переживала Западная Грузия на протяжении почти всего трехсотлетнего существования Имеретинского царства. Нашествие турок, имевшее в конечном своем результате потерю самостоятельности государства и подпадение под власть Османской империи; внедрение в Абхазии, Аджарии и Саатабаго ислама и окончательное завладение турками последней из названных провинций, сделавшейся с половины XVII в. форпостом Турции в борьбе ее с Ираном и стремлении завладеть Закавказьем до Каспийского моря; разлагающие факторы господствовавшего в стране феодального строя: непокорность имеретинскому царю владельцев Мегрелии, Абхазии, Гурии и др. крупных феодалов, постоянные междоусобные войны и династические усобицы, повлекшие за собой глубокое разорение страны и обеднение трудящихся масс; полное прекращение непосредственных торговых связей с западно-европейскими странами после того, как турки сделали Черное море своим внутренним озером и отмирание необходимых элементов для развития городов, образования класса городской буржуазии,—все это не могло не отразиться самым пагубным образом на положении Западной Грузии в XV—XVIII вв. За все время своей истории Имеретинское царство только в отдельные периоды, как напр., в царствование Баграта III (1510—1564 г.), Александра III (1637—1660 г.), Соломона I (1751—1784 г.), сумело еще более или менее собраться с силами, чтобы начать отражать удары внешних врагов и смирить непокорных феодалов. Но, к сожалению, эти периоды были сравнительно непродолжительны.

XVIII в. в Закавказье начала активизироваться политика царской России. Российская империя не ограничивалась в это время лишь политическими разведками здесь московских государей. Начав борьбу с Ираном и Турцией за овладение Каспийским и Черным

морями, она искала и организовывала себе для этой борьбы союзников среди закавказских государств. Если до этого времени в Закавказье соперничали между собой две державы—Турция и Иран, закавказские же государства должны были в той или иной мере против своей воли принимать участие в этом кровавом соперничестве, то в XVIII столетии в Закавказье все явственней начинает вырисовываться третья, более могущественная сила, жизненные интересы которой и слагающаяся политическая ситуация в Европе и передней Азии заставляли ее использовать удобный момент к завладению морскими путями по Каспийскому и Черному морям.

Если в XVII в. имеретинские цари и отдельные владетели Западной Грузии, ведя упорную борьбу с Османской империей, искали себе помощи у сделавшихся сильными единовверных московских царей, выражая желание поступить «под их высокую руку», а последние ограничивались лишь подарками и туманными обещаниями помощи, то в половине XVIII в., когда Россия своими стратегическими границами вплотную подошла к подножью Кавказского хребта, царизм сам стремится не упустить случая вовлечь всецело в орбиту своей политики закавказских владетелей. Начиная нелегкую и длительную борьбу с Ираном и Турцией, царское правительство тщательно изучает Восточную и Западную Грузию, как плацдарм в начинаемой им борьбе. В «рассуждении и способах, какими грузины преклонены быть могут к восприятию участия в войне с Портою Османской», составленных военным советом для императрицы Екатерины II перед первой ее войной с Турцией (1768—1774), говорится, что хотя «по трудности проездов грузинцы войском русским никаким образом подкреплены быть не могут, но некоторая сумма денег то самое заменит». При этом признавалось возможным «отправить в Грузию несколько орудий с артиллеристами» и обнадежить грузин, что «при заключении мира с Портою Османской они позабыты не будут», что «победа России выведет их из забот о будущем жребии». В результате Екатерина II считает необходимым «известить официально грузинских царей о разрыве между Россией и Портою, пригласив их принять участие в этой войне». За успех дела, по мнению военного совета, ручалось, главным образом то, что «теплота веры в грузинцах великая, отчего происходит и их к всероссий-

скому (царскому) двору усердие и доброжелательство к российскому народу¹.

Расчеты царского правительства оказались верными. И царь карталино-кахетинский Ираклий II, и имеретинский царь Соломон I охотно выступают на стороне российского самодержавия. Обеспечивая своими войсками успех экспедиции русского корпуса Тотлебена, направленного для действий на Азиатском фронте в начатой Россией войне против турок, грузины стремятся сосчитать с своим вековым врагом—Турцией и доказать верность новой грозной силе—царизму, в надежде получить через него, избавление от бед, которые причиняли им Турция и Иран. «Персидские ханы, турецкие пашы, лезгины—все это в двух шагах—все они следят за каждым словом, за каждым движением» царя имеретинского и карталино-кахетинского. Надо было вести политику на три фронта... Не имея возможности сноситься с Европой, не уживаясь в Азии с Азией, хотя всецело связаные ее рутинной, Соломон и Ираклий обращались к России. Другого исхода у них не было и они рискнули²...

Победоносные войны России с Турцией, окончившиеся Кучук-Кайнарджийским и Ясским мирными трактатами, не оправдали тех надежд, которые ледейли имеретинский и карталино-кахетинский цари, когда принимали ориентацию на могущественную Россию. Посулы царизма, «вывести эти государства из забот о своем жребии» не оправдались. В первом из названных трактатов о Восточной Грузии не упомянуто ни слова. Что касается Западной Грузии, то 23-й пункт Кучук-Кайнарджийского трактата гласил: «В части Грузии (Имеретии) и Мегрелии находящиеся крепости Багдадчик, Кутаиси и Шегорбан, российским оружием завоеванные, будут Россией признаны принадлежащими тем, кому они издревле принадлежали... Блистательная Порта обязывается дозволить амнистию всем тем, которые в том краю в течение настоящей войны каким-нибудь образом ее оскорбляли, не требовать дани (ясыря)... и податей. Все замки и укрепленные места, бывшие у грузинцев и мегрельцев во владении, оставить пакы под их собственной стражей и правлением; не притеснять веры... Но как помянутые народы находятся подданными Блистательной Порты, то

¹ Чагарели. Грамоты. Документы, № 1 стр. 6—9.

² Авалов. Присоединение Грузии к России, стр. 100.

Российская империя не имеет совсем впредь в оны вмешиваться, ниже притеснять их»¹. По Ясскому трактату «Порта обещала подтвердить, чтобы ахалцихский губернатор (паша), пограничные начальники и прочие отныне ни тайно, ни явно, ни под каким видом не беспокоили земель и жителей, владеемых царем Карталинским, о чем и отправить строжайшие указы»². В своих грамотах Соломону I и Ираклию II, Екатерина II, благодаря царей за помощь в войне с Турцией, писала им: «Порта обязалась оставить грузинский народ в покое и без всякого возмездия за принимаемое в минувшей войне участие, отказавшись и с тех, кои издавна подданными считаются, не только требовать дани отроками и отроковицами, но равным образом ни других податей какого бы то ни было рода»³.

Таким образом, в конце XVIII столетия Западная и Восточная Грузия установили окончательно свою ориентацию на царскую Россию в надежде, что это положение избавит их царства от нашествий турок и персов, упрочит престиж их у подвластных им феодалов и поможет реорганизовать управляемые ими царства. Россия, заключив мир с Турцией, предоставила фактически Западную и Восточную Грузию их собственной участи. Имеретия, избавленная от турецкой оккупации и позорной дани турецкому султану, оставлена *de jure* в подданстве Порты Оттоманской. Царю же Ираклию было указано, что отправка в Грузию российских войск после мира с Турцией «напрасно послужила бы к вящему возобновлению и умножению военного пламени». Что же касается внутренних неурядиц, набегов лезгин, то в грамоте Екатерины II указывалось, что от «неустройства и ограблений царь сам должен изыскивать средства»⁴.

В дальнейшем события, в зависимости от изменений, происшедших во внешней и внутренней политике России, развернулись несколько по иному. В отношении Восточной Грузии политика царизма, направленная после мира с Турцией на завладение закавказскими провинциями Ирана, диктовала необходимость в предстоящем наступлении России на Иран иметь на своей стороне такого преданного и полезного союзника, каким

¹ Цагарели. Грамоты, стр. 403. Разрядка шаха, А. П.

² Полное собрание Законов Рос. Имп. № 17008. Цагарели, т. II, № 83.

³ Цагарели. т. I, стр. 410.

⁴ Там же, стр. 397.

был Ираклий II. Это сыграло несомненную роль в ускорении решения вопроса о принятии Восточной Грузии в вассальную зависимость России и подписании с Ираклием трактата 1783 г. Затем чрез 17 лет, после того как в 1795 г. Карталино-Кахетинское царство, оставленное царизмом без военной помощи, понесло за измену своему бывшему сюзерену—иранскому шаху страшное возмездие, было разгромлено Ага-Магомет-Ханом и оказалось в безвыходном положении, особенно вследствие внутренних неурядиц. Судьба названного царства была решена манифестами 1801 г. Оно стало на положении окраинной губернии России. Что касается Западной Грузии, она очень скоро испытала ту же участь, но осуществление планов царизма, в силу особенных условий, проводилось здесь несколько иначе и более замедленными темпами.

Царь имеретинский Соломон I еще 4 марта 1784 г., т. е. вскоре после подписания трактата Ираклием II, отправил Екатерине II прошение о приеме в подданство российского царства. «Даруй, всемплоштивейшая государыня», писал он, «мне и преемникам моим ту же самую защиту, которая дарована табою карталинскому и кахетинскому царю Ираклию и светлейшего дома его наследникам, сохрани равно в лице моем и наследников моих права и преимущества царей имеретинских». Это прошение было подписано царем, двумя царевичами (Давидом Георгиевичом и Давидом Арчиловичем), владельцем Гурии кв. Георгием Гуриели с сыновьями Симеоном и Вахтангом, князьями, митрополитами, епископами и многими из дворян Имеретии². Внезапная смерть Соломона, разыгравшиеся вскоре после этого события в Имеретии и, в особенности, отношения России к Турции послужили причиной тому, что указанное прошение не получило движения: Имеретия не была принята в российское подданство, и трактат с имеретинским царем, аналогичный с трактатом 1783 г., заключен не был. Но царское правительство, очень осторожно подходившее к заключению этого трактата (который определенно шел в разрез с артикулом 23 Кучук-Кайнарджийского договора), не упустило все же случая вмешаться в дела Имеретии, за которыми оно все время крайне внимательно наблюдало.

² Государ. архив XXIII. № 13, карта 47. Цитир. по Дубровину—История войны и владычества русских на Кавказе, т. II, стр. 59.

Когда между двумя претендентами на имеретинский престол—царевичами Давидом Георгиевичем и Давидом Арчиловичем возник спор, кому наследовать царство, и спор грозил перейти в междоусобную войну (так как за тем и другим претендентом стояли свои партии феодальной знати и дворян), то в этот спор вмешиваются, прежде всего, царские генералы из «Екатерининских орлов». С Кавказской линии генерал Потемкин отправляет тогда в Имеретию полковника Бурнашева и поручает ему «заняться устройством дел управления Имеретинского царства». Бурнашев выполнил эту миссию: он стал на сторону провозглашенного царем (до совершеннолетия преемника Соломона I Давида Арчиловича) царевича Давида Георгиевича, примирил партий, содействовал тому, чтобы Дадиан Мегрельский и Гуриели—владелец Гурии, признали верховную власть имеретинского царя, и организовал отправку в Петербург специального посольства с ходатайством о принятии в подданство России Имеретинского царства. Это ходатайство также не получило удовлетворения. Екатерина II ограничилась присылкой новому имеретинскому царю ценных подарков, ордена Андрея Первозванного и грамоты, в которой говорилось: «Мы, сохраняя вас и всех зависящих от вас в нашей императорской милости и покровительстве, не престаем пещися о благе имеретинских народов»¹.

Крайне осторожные действия царской дипломатии все же не укрылись от признанного Россией же суверена имеретинского царя—турецкого султана. Турция не замедлила реагировать на миссию Бурнашева в Имеретию. Она тотчас же использовала имевшуюся там партию феодалов, державшуюся турецкой ориентации, и провозгласила царем Имеретии находившегося в изгнании в турецких владениях третьего претендента на имеретинский престол—кн. Кайхосро Абашидзе. Вооруженные отряды Абашидзе, подкрепленные турецкими войсками, вторглись в Гурию, разорили ее, затем перешли в Имеретию и начали грабить страну, наступая на Кутаиси. Как же отнеслось к этому Российское правительство? Генерал Потемкин счел возможным прислать царю Давиду Георгиевичу 4 тысячи червонцев, принял меры, чтобы Дадиан Мегрельский не стал на сторону Кайхосро Абашидзе, а русский посланник в Константинополе сделал в это время представление Порте о прекращении ее вмешательства во

¹ Дубровин, цит. исслед., т. II, стр. 71.

внутренние дела Имеретии. Правда, и эта крайне осторожная помощь России не была безрезультатной. Царю Давиду Георгиевичу удалось на этот раз справиться с отрядами Кайхосро Абашидзе, подкрепленными турецким войском. Но успокоения в Имеретии не наступило. Креатура царизма—Давид Георгиевич оказался совершенно неспособным справиться с теми затруднениями, которые выпали на его долю по управлению страной¹. В результате—новая усобица в Имеретии, окончившаяся торжеством партии царевича Давида Арчиловича, который в конце концов вступил на престол под именем Соломона II.

Борьба двух Давидов за имеретинский престол дорого стоила Имеретии. Помимо разорения страны, турки увели тогда в плен до 17.000 имеретин².

Воцарению последнего царя Имеретии Соломона II не мало способствовал карталино-кахетинский царь Иракий II. Заботясь об усилении Грузии и установлении тесных дружеских отношений с Имеретинским царством, этот мудрый правитель принимал меры, чтобы два феодальных царства получили прежде всего тесную родственную связь в лице своих царствующих владетелей. Оба претендента на имеретинский престол—царевичи Давид Георгиевич и Давид Арчилович были близкими родственниками Иракия, воспитывались в Восточной Грузии и, несомненно, им были не чужды те объединительные стремления, которыми был полон сам Иракий II. Разница между ними была лишь в том, что Давид Арчилович был внуком Иракия по его последней жене Дарье, женщине чрезвычайно властной и стремившейся, с помощью своих приверженцев, решить судьбу Грузии не в том направлении, какое избрал Иракий II. Когда в 1795 году умер низложенный царь Давид Георгиевич, на Соломона II легла ответственность решить судьбу Имеретинского царства, находившегося тогда в самом критическом положении.

Что представляло из себя тогда это царство, можно видеть из следующих документальных данных.

Царь имеретинский номинально считал себя тогда владетелем всей Западной Грузии. Это видно из записки дивана

¹ «По своей безграмотности, неопытности и слабости характера он не только запутывал дела»—пишет о нем Дубровин. (Там же, стр. 75—76).

² Донесение Соколова кн. Куракину 30.VII.1802 г. Арх. Мин. Ин. Дел. 1802 г. № 1. Дубровин. Закавказье в 1803—1806 г., стр. 157.

(секретаря) Соломона II—кн. Леонидзе, составленной 9 августа 180; г¹.

«Абхазия с древних времен принадлежит Имеретии и обитатели ее древнейшие подданные...», писал в своей записке секретарь Соломона II—Леонидзе. Жители ее поныне иногда повиновались имеретинскому царю, крепость Поти—наследственное его владение. Гурию, Мегрелию с Лечхумом имеретинский царь также считал находившимся в его верховном подчинении, хотя и управлялись они самостоятельными владельцами. Леван Гуриели сам писал Соломону II: «Я слуга ваш Гуриелов сын Леван, целую полу платя вашего, доношу, что Даднани хочет изменить и сдать крепость Поти русским»². «Даднани», сообщил Соломон II правителю Грузии Ковалевскому, «князь моего царства», когда он «отложился от меня и соединился с незаконными абхазцами, сванами, джыхами и аланами», я победил врагов и «присоединил к царству моему Лечхуми, который принадлежал Даднани наследственно, а в Одиши поставил дадианом Отия в повиновение мне»³.

Но для того, чтобы поддерживать свое верховенство над такими сильными вассалами, какими являлись дадиан мегрельский, абхазский и гурийский владельцы, царю имеретинскому недоставало одного: у него не было достаточной воинской силы. Что имеретинские цари нередко были не в состоянии проявить свою силу и власть не только над дадианами и гуриелями, но и над другими своими вассалами, наглядно показывает история рачинских эриставов во второй половине XVIII столетия.

Рача была одним из самых крупных феодальных владений Имеретинского края. Население ее составляло в XVIII в. до 10 тыс. семейств⁴. Оно в свою очередь делилось на четыре княжества и одну епархию, но самыми сильными из ее владельцев были Эристави. Они отняли у кн. Иашвили, Джапаридзе и Цулукидзе их владения и сделались полными хозяевами Рачи, Пригласив на помощь себе турецкие войска, рачинские Эристави

¹ Арх. Мин. Ин. Дел 1—16; 1802—1810 г. № 3, цит. по Дубровину т. III, стр. 105.

² Акты, т. II. № 704, стр. 401.

³ Там же, № 686 стр. 341.

⁴ Там же, № 794, стр. 401. По подсчетам митрополита Максима у одного только Эристави было до 5000 дворов. Цагарели. Грамоты, I, стр. 17.

захватили даже бывшие в Раче царские имения п крестьян. Установить подчинение себе Эристави Соломону I удалось только после продолжительной борьбы с ним и окончательного разгрома его владений¹.

Положение царя Имеретии в отношении своих вассалов картинно изобразил в своей записке об Имеретии и Одиши бывший впоследствии правителем Грузии, царский чиновник Литвинов. Он пишет: «Царь имеретинский и князь мегрельский суть деспоты над своими подданными: они по воле утоляют зверство свое над теми из князей, которые в руки к ним попадутся, но страшатся тех, кои по подозрению запираются в свои замки, где пренебрегают власть царя и всю его силу, защищают себя от нападений и, может быть, вредят самому царю, ибо несправедливость царя и грозящее подобное мщение каждому из князей привлекает тайных и явных сообщников к виновному или невиновному. Пограничные князья, владеющие крепостями, следуют другой системе: они предают себя попеременно власти царя или Дадиана и оттого более уважаемы»².

Чтобы составить себе представление о военной мощи Имеретинского царства накануне присоединения его к России, следует иметь в виду, что постоянного войска там не существовало. Только во время нашествий неприятеля царь собирал вместе со своими феодалами конное и пешее ополчение численностью до 25—30 тыс. человек и нанимал в помощь им небольшие лезгинские отряды. Самые значительные крепости Имеретии—Кутаиси, Шоралани, Багдади и Цуцхвати, до побед над турками Соломона I и ген. Тотлебена, заняты были турецкими гарнизонами, а потом были взорваны и уже не возобновлялись. В распоряжении царя находилось семь укрепленных пунктов (замков): Кварацихе (с вооружением в 3 пушки, 2 мортиры и 4 крепостных ружья), Минда (1 пушка, 1 фальконет и 3 крепост. ружья), Чквиши (2 пушки, 2 фальконета и 5 мушкетонов), Мухури (4 пушки, 1 мортира, 3 фальконета и 3 крепостн. ружья), Чхери (3 пушки, 3 фальконета и 10 крепостн. ружей), Чидроти (5 крепостных ружей) и Вардцихе³. Остальные укрепления (замки) были в полном распоряжении их владельцев феодалов. Главнейшими из них счита-

¹ Акты, т. IV № 109, стр. 91.

² Там же, т. II № 803, стр. 407—411.

³ Записка митрополита Максима, Грамоты, т. I, стр. 17 и 29.

лись Сапайчаво, Патара, Пагареви, Хогеви, Опи, Модинахе, Мочаицихе, Садмела, Ткачири, Свири, Тола, Ханчкари и др. Вместе с царскими замками в Имеретии насчитывалось тогда 25 укрепленных пунктов с вооружением: 9 медных и 14 чугунных пушек, 3 мортиры, 15 фальконетов, 64 крепостных ружья с запасами 212 бомб, 626 ядер, 600 чугунных картечей, 10 пудов пороху и 132 ф. селитры и серы¹. Для царства, окруженного врагами, этого, конечно, было недостаточно. Еще менее твердым мог считать свое положение на имеретинском престоле Соломон II, в распоряжении которого паходилось только 7 укрепленных пунктов из 25.

Хотя по количеству крепостей и вооружения имеретинский царь был самым крупным и самым сильным феодальным владельцем Западной Грузии, по его вассалы признавали царскую силу и власть, поскольку это соответствовало их интересам или насколько царь проявлял в отношении каждого из них в отдельности свою силу: В пределах своих владений феодалы являлись неограниченными распорядителями жизни и имущества своих подданных, и только право смертной казни считалось прерогативой царской власти.

В конце XVIII и первые годы XIX столетия население Имеретии, согласно приблизительным исчислениям русских чиновников, определялось от 113.200 до 200 тыс. человек обоего пола².

Экономическое состояние Имеретинского царства в конце XVIII ст. было крайне безотрадным. Плодородие почвы, возможность разведения ценных культур и получения обильных урожаев хлебных злаков при сравнительно небольших затратах труда не гарантировали здесь земледельцу безбедного существования. Феодальный строй и крепостное право, при которых вся земля являлась собственностью помещика, и земледелие представляло из себя ничто иное, как «угнетение и экспроприацию крестьянина», превращение его дворянством в голодающего нищего, когда не было иного земледелия, кроме мелкого,

¹ П. Гв-в. О царе Соломоне и бывшем при нем управлении, Кавк. календ. на 1859 г. В. Чудинов. Имеретинские неурядицы, Кавк. сборник. т. XV, стр. 308.

² Донесение Гормасова Александру 1 20 сентября 1811 г. Там же, стр. 161—262. Евецкий. Статист. описание Закав. края, СПб 1835 г. стр. 161—165. Акты К.А.К., т. VI, ч. I № 733 и 735, стр. 530.

либо помещик обрабатывал свои поля тем же крестьянским инвентарем,—парализовали развитие сельскохозяйственного производства¹.

Что обнищание крестьян Имеретии в конце XVIII ст. достигло своего предела, об этом говорят отзывы современников. Имеретинцы, доносил кн. Моуравов графу Панину в 1769 г., в самом бедном и жалком состоянии: князья и дворяне их носят платье из серого сукна, а подлый народ—своевольный, гордый и непослушный и большая часть босые и не имея на себе рубашек, ходят в вымоченную дождливую пору...» «Имеретинцы вообще варод бедный», пишет в 1770 г. кап. Языков в своей записке о Грузии. «Все носящие оружие и следующие за князьями в походы к проловольствию нации не служат, а живут на счет хлебопашцев, которых под разными видами грабят и разоряют»²; «угнетение народа достигло высшей степени», сообщает в своей записке в 1804 г. Литвинов³. Законы царя Вахтанга, являвшиеся писанным кодексом гражданского права в Имеретии, устанавливали, что все кроме души крестьянина принадлежит помещику. Крестьянин в Имеретии являлся по существу объектом, а не субъектом права⁴.

Тяжесть положения крестьян Западной Грузии усугублялась от постоянных междоусобий, которые вели претенденты на царский престол и цари с феодалами. В Одиши, пишет Литвинов, земля плодотворная, «винограду множество, но народ живет в бедности и только что не умирает с голоду от угнетения собственных владельцев и существующей войны царя (Соломона II) с Дадияном. Имеретинские войска, не имея возможности захватить жителей, убегающих в леса, истребляли весь хлеб на полях, подрубали виноградники и возвращались с утешением, что доводили сих несчастных до отчаяния». Торговля людьми, пленопродавство после крайне суровых мер, принятых против этого зла Соломоном I, хотя и сильно сократились в Имеретии, но в Мегрелии и Гурии в начале XIX ст. они были еще в полной силе. «Абхазцы, гурийцы и потийские жители, пишет Литвинов, не упускают захватывать поселян и

¹ Ленин, т. II, стр. 444.

² Чагарели. Грамоты, т. I, стр. 72.

³ Акты, т. II, № 803.

⁴ А в а д я н и. Крестьянский вопрос в Закавказье, т. I, стр. 32.

ребят обоего пола для продажи далее туркам. К сим несчастиям должно присоединить междоусобицы князей, которые похищают друг у друга подданных для продажи туркам, удовлетворяя сим свое мщение и корыстолюбие»¹.

Положение горожан (их было ничтожное сравнительно число, так как во всей Западной Грузии в это время единственным городом считался Кутаиси, где в 1817 г. насчитывалось 195 дворов, или не свыше 1000 душ, из них 162 двора крестьян государственных, помещичьих и церковных)² было также тяжелым и несправным. Не могла быть особенно развитой торговля, о которой в своем описании Имеретии митрополит Максим писал: «От г. Кутаиси купцы ездят судами в Батоми, Потисохоми и возят на продажу воск, шелк, хлопчатую бумагу, меха и съестные припасы, а оттуда привозят водою же турецкие товары: парчу, сукна, сахар, кофе и пр.»³. Об этом свидетельствует сравнительно небольшая сумма таможенных пошлин, собиравшихся царем Соломоном II. В 1809 г. таможенные сборы и царская красильня в Кутаиси сданы были на откуп ахалцхским и кутаисским торговым людям за восемь тысяч рублей на русские деньги. Торговая пошлина, кроме Кутаиси, взималась в Чхери и Вардцихе, но в крайне незначительных размерах⁴. В большинстве случаев торговля являлась меновой. Жители Имеретии, пишет в 1804 г. кн. Цицианов в своем рапорте Александру I, «выменивают свой хлеб у турок на соль, соленую рыбу и железо»⁵. Значительного спроса на предметы роскоши и колониальные товары в Имеретии не могло быть. Князья и дворяне, как свидетельствуют современники, носили одежду из простого серого сукна, а простота убранства царского дворца в Кутаиси, отсутствие какой-либо пышности в царском обиходе не могли содействовать усиленному спросу на указанные предметы ввоза.

Торговля в Имеретии и др. провинциях Западной Грузии не могла получить своего развития также по причине крайне несправного положения торгующего сословия. «Торговля, пишет Литвинов об Имеретии в 1803 г., производится здесь армянами

¹ Акты, т. II, № 803.

² Акты, т. VI, ч. I, № 735, стр. 531.

³ Чагарели. Грамоты, т. I, стр. 30.

⁴ Кавказ. календарь на 1859 г. В 1816—17 г. Кутаисская таможня и красильня были сданы в откуп за 10.020 р. Акты, т. VI, ч. I, стр. 532.

⁵ Акты, т. II, № 961.

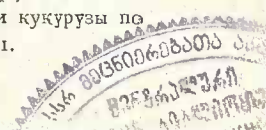
и евреями... Есть люди, имеющие капиталы, но с большим старанием их скрывают. Кутанси—столица царя и где наибольший торг происходит, до 100 торговых домов—все католического исповедания. Бедная наружность торгующими наблюдается ими для того, что всякий князь имеет право присвоить себе навсегда или на время то, что ему понравится, в доме может стоять постоем, вещи отнять без платы, одни жены и дети остаются без прикосновения. Сие разуместь должно об иностранных торгующих, но между подданными царя все божье, царское и княжье»¹.

Р-70701
Экономическому развитию Имеретии, росту благосостояния ее трудящихся масс чрезвычайно препятствовал громадный процент в ней людей так называемого привилегированного сословия—князей, дворян и духовенства, живших всецело за счет крестьянства. Камеральное описание, произведенное при Ермолове, показало, что из общего количества 12975 семейств в Имеретии числилось 1950 семейств (свыше 15%) дворян и попов, т. е. каждые шесть семейств крестьян должны были помимо себя содержать семейство попа и дворянина². Хотя духовенство в имениях княжеских и дворянских само было в крепостной зависимости от помещиков, но эта зависимость не избавляла крестьян от обязанности содержать слугителей культа. А каким тяжелым бременем ложилось на крестьян содержание феодальной знати, об этом можно судить из описаний современников

¹ Акты, т. II, № 803, стр. 407. Что положение торговли в Имеретии в конце XVIII и начале XIX в. было значительно хуже по сравнению с XVII в., об этом можно судить на основании сведений, даваемых у Толочанова и относящихся к 1650—1652 гг. В то время в Имеретии—Кутанси был оживленным торговым центром. Помимо него были небольшие торговые поселения около царских и княжеских крепостей, которых всего насчитывалось до 80. В Кутанси приезжало из Турции, Ирана, Азова, Тбилиси, Мегрелии и Гурии как армянское, так и европейское купечество. Торговля была не меновой, а производилась на деньги, что уже показывало об ее развитии. В хождении при торговых сделках были и венгерский золотой, ефимок (талер), абасы, бисты. Полюе в кт ов. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе, Тиф., 1932, стр. 50.

² Акты, т. VI, ч. I, №№ 735, 849 и 556. Иваненко. Граждан. управление Закавказьем. Тифлис 1901 г., стр. 128. Повинность на содержание священника, помимо платы за исправление треб, состоял в следующем: каждый двор должен был давать по одному стилю (1/3 ф.) шелка или 60 коп., по литре пшена или 20 к., по 2 литры пшеницы, или кукурузы по 10 к. литр и одного барана. Акты, т. VI, ч. I, № 528, стр. 401.

2. მასაღობო სპ. და ჯავ. ისტორიისათვის, 1942, 533გ. I.



образа жизни имеретинского царя и феодалов. «Князья, дворяне и духовенство пользовались такими правами и преимуществами, пишет в 1811 г. Зураб Церетели в «Записке об управлении Имеретией», что все свободно и весело жили... и имели власть в своем имении поступать как хотели, т. е. разбирать претензии крестьян, делать им милость и наказание, продавать и дарить их, кому хотели»¹. Особенно тягостным для крестьянства являлось то своеобразное «приближение» царской власти к населению, которое оно получило в Имеретии, где царь для разбора тяжёбных дел и наведения порядков в управлении страной считал необходимым вести чуть ли не кочевой образ жизни, переезжал со всей своей громадной свитой от одного феодала к другому, из одного селения в другое, причем содержание царя и всей его свиты ложилось целиком на крестьянство того селения, которое стало его временной резиденцией. «Голод и жалобы народа в насильстве и грабеже извещают царя о необходимости выехать из селения», говорит Литвинов, характеризуя способ управления Имеретинским царством при Соломоне II².

Государственное устройство Имеретинского царства представляло из себя следующую систему: во главе государства—неограниченный по имени, но фактически часто бессильный пред своими вассалами—царь. Все важнейшие государственные дела решал он лично сам или от его имени диван из поставленных царем должностных лиц. Главнейшие государственные должности носили следующие названия: 1. сардарь (военно-начальник), их было три из фамилий князей Церетели, Пулукидзе и Агиашвили, с а х л т - х у ц е с и (управляющий государственных доходами) из фамилии Церетели, б о к а у л - х у ц е с и (исполнитель царских приказов), также из фамилии Церетели, д и в а н - б е г и (судья)—их было два, д и в а н и (секретарь)—их также было два, м о р д а л и (хранитель царской печати), м о л а р е т - х у ц е с (хранитель царских сокровищ)—их также было два—из фамилии Церетели, м е г в и н е т - х у ц е с и (заведывающий сборами вина), х а б а з - х у ц е с и (заведывающий сборами гоми и зерновых продуктов), м е с т у м р е т - х у ц е с и (заведывал сбором скота), х е в и с - т а в и (розыск воров и похищенного)—их было два,

¹ Акты, т. IV, № 500, стр. 377—78.

² Акты, т. II, № 803.

та реш-хуцеси (хранитель припасов царских), кешик-хуцеси (начальник караулов), меджинибет-хуцеси (заведывал царскими конюшнями), базиерт-хуцеси и мезаглет-хуцеси (заведывал соколиной и др. охотой царя)¹.

Имеретия в административном отношении делилась на 6 округов: Вани, Окриба, Сачхеидзо, Аргвети, Рача и Лечхуми. Местное управление в принадлежавших царю имениях поручено было моуравам. По числу моуравств их было двадцать шесть². Моуравы назначались царем из местных князей и дворян, но должности их не были наследственными. Они заведывали царскими крепостями (замками) и крестьянами населенных царских земель. В поместьях, принадлежавших церкви, были свои моуравы, которые назначались высшей духовной властью, во владениях феодалов моуравами были сами же князья и дворяне.

Никто из государственных и царских чиновников жалованья не получал и за свою службу пользовался определенной частью поступившего по его ведомству дохода или сбора, или же установленным взысканием за рассмотренные тяжёбных дел. Таким образом, все должности по государственной службе являлись ничем иным, как «кормлением» князей и дворян, и произволу их в этом отношении трудно было установить какие-либо границы, несмотря на надзор за ними со стороны царя и его диван-беги.

Приведение в известность государственных и царских доходов, которые поступили при последнем царе Соломоне показало, что доходы эти были крайне ограничены и не могли дать необходимых ресурсов для покрытия самых неотложных государственных потребностей (содержание постоянного войска, государственное благоустройство, просвещение и т. д.). По всей Имеретии уплачивающих государственные подати (саури и саудиеро) числилось 2406 дворов. Остальные или были освобождены от этих податей царскими грамотами, или же уплачивали повинности только своим феодалам.

¹ Акты, т. IV, № 395, стр. 256.

² Моуравства: Кутаиси, Чкери, Лопатхеви, Хони, Сапайчаво, Саджевахо, Сачилао, Паринаканеви, Квитири, Чечути, Риони, Квачхири, Вардцихе, Симонети, Мухури, Сазано, Кацхини, Сакаро, Квара, Минда, Хидис-кари, Чадроти, Геби, Глоли, Члори и Чквиши.

Вот ведомость этих доходов, составленная первым правителем Имеретии ген. Симоновичем и его помощником кн. Зурабом Церетели.

Подать «саури» взыскивалась деньгами по 2 марчили со двора, саудиеро—натуральная подать. Ее уплачивали только сельчане в размере с каждого дыма: 15 батманов гоми или 6 батманов пшеницы (батман—20 фунт.), 40 кок или 120 туног (600 бутылок) вина и по одной голове крупного скота или определенное число мелкого (баранов) с каждых 20—25 дворов. Проживающие в Кутаиси уплачивали только «саури». Их было 110 «податных дворов и все» поступление с них составляло 220 марчил. Остальные податные дворы уплачивали по следующему расчету: царские крестьяне:

	число дымов	марчил	батманов гоми	туног вина	коров
Зап. Имеретии	681	1359	8565	68520	24
Восточн. Имеретии и Рачи	771	1102	7185	53160	26 и 190 баранов
Помещичьи	844	1688	2625	21660	9 коров
Всего	2296	4149	18375	143340	59 коров 190 баранов

В переводе на русские деньги это составляло . . . 1659 р. 60 коп. 4240 р. 19 коп. 14334 р. 506 р. итого—20.739 р. 79 к., а с присоединением сюда 8.000 р. доходов от красилен, таможенных сборов и 157 р. за рыбные ловли, общая сумма государственных доходов Имеретии (за исключением произведенных уже отчислений из них $\frac{1}{10}$ части, которая принадлежала сахлтухесу) составляла 28.896 р. 79 к.¹

Если учесть, что значительная часть показанных доходов собиралась продуктами (главным образом вином и гоми) и реализовалась в массе на содержание и веселую жизнь царской свиты и др. феодальной знати², то станет ясным, как незначителен был государственный доходный бюджет Имеретинского царства и как, с другой стороны, нерационально, верней, даже расточительно и с полным забвением неотложных нужд государства, он расходовался там.

¹ Акты, т. IV, № 564. В 1817 г. доходы по Имеретии составляли еще меньшую сумму, так как расценка податных натуральных повинностей производилась по русским казенным ценам. Общая сумма доходов определялась тогда в 16.735 р. 93½ к. Акты, т. VI, ч. I, № 737.

² Записка Зураба Церетели об управлении Имеретией. Акты, т. IV, № 500.

Положение Гурийского владительства перед присоединением его к России было едва ли еще не более плачевным. Здесь оно осложнилось тем, что Гурия непосредственно граничила с турецкими владениями, и все нашествия турок на Западную Грузию происходили через это владительство. Чтобы отуречить Гурию, Османская Порта прилагала особые старания. Для создания здесь преданного султану населения, она усиленно внедряла в Гурии ислам. Так, в конце XVIII столетия целая епархия Гурии Хинойская была закрыта за переходом населения ее в магометанство¹. В памяти народной живы были еще сказания о Гурии, в которую входили Хопа и Вице, крепость Гония, Кахабери, с. Батуми и сел. Чаква, Кобулет и Хино², но все эти части страны к концу XVIII в. были уже отуречены и являлись форпостом для турецких войск во время их нашествий на Западную Грузию. Не менее, чем от турок, Гурия страдала от постоянных междоусобий, как между членами ее владетельного дома, так и непокорявшимися им феодалами. В 1804 г. Литвинов доносил кн. Цицианову: «Междоусобия братьев гурийского владетельного дома, разбой и грабительства их, даже на Мегрелию распространявшиеся, были причиной разных до меня доходивших жалоб и требований вспомоществования одному против другого...»³.

В конце XVIII столетия Гурия насчитывала 5000 крестьянских дворов, след., общее ее население, считая и др. сословия, было не свыше 25—30 тысяч жителей⁴. В тридцатых годах XIX в., когда Гурия была окончательно присоединена к России, население ее исчислялось в 36,7 тыс., а все доходы от уплачиваемых населением податей, по определению русских чиновников, в переводе на деньги составляли 3.502 р.⁵.

Как и в Имеретии, крестьяне несли здесь на себе всю тяжесть содержания членов владетельного дома, князей и дворян, а также многочисленного духовенства. На 36,7 тыс. человек населения Гурии имелось два архиерея, 29 монахов, 133 священника, 87 диаконов. Только Джуматский и Шемокмедский монастыри владели 368 дворами крепостных крестьян.

¹ Акты, т. VIII, № 314.

² Там же, т. II, № 1055, стр. 540.

³ Акты, т. II, № 1064, т. V, № 133.

⁴ Нагарелин. Грамоты, стр. 73.

⁵ Акты, т. VIII, № 317.

Отрезанная от Черного моря владениями Турции (Кобулеты, Хипо), разоренная постоянными нашествиями и междоусобиями, Гурия не могла развить в значительных размерах ни транзитной, ни внутренней торговли. На всем ее пространстве не было ни одного города, и резиденциями ее владетелей являлись укрепленные пункты (замки) в селениях Нагомари и Озургети (явше город Махарадзе). Последнее из названных селений в тридцатых годах XIX в. насчитывало около 300 жителей. В административном отношении Гурия делилась на два муравства—Нагомарское и Озургетское¹. Из феодальных владетелей, не принадлежавших к дому Гуриели, здесь имели большие населенные поместья и укрепленные замки князья Накашидзе (крепость Гуриахта), Мачутадзе, Эристами, Тавдгиридзе и др. Порядок внутреннего управления в Гурии был в общих чертах такой же, как и в Имеретинском царстве, но соответственно с меньшим количеством должностных лиц и свиты у владетеля.

Гуридское владительство, как мы уже говорили, номинально входившее в состав Имеретинского царства, управлялось своим владетелем, который в грамотах и актах также, как и имеретинские цари, именовался хелмципе и батони, а те из них, которые безоговорочно признавали власть Порты, называли себя ханами, общий же титул владетелей Гурии—был Гуриели². До Кутук-Кайнарджийского трактата владетели Гурии в своем звании утверждались Портою и получали в том грамоты султана. После 1774 г. царское правительство считало себя вправе вмешиваться во взаимоотношения владетелей Гурии с имеретинскими царями, а сами владетели оказались в орбите внешней политики России. Когда после смерти Соломона I, без содействия полковника Бурнашева, на престол имеретинский был возведен двоюродный брат Соломона Давид Георгиевич, которому покровительствовала Екатерина II, Бурнашев принял все меры, чтобы Гуриели признал верховную власть имеретинского царя. При Соломоне II отношения Гурии к Имеретинскому царству снова осложняются. Соломон II стремится к утверждению владетелем Гурии покорного ему представителя владе-

¹ Орест Еяенкии. Статистич. описание Закавказского края, СПб. 1835 г., стр. 16.

² Лаврентьев. Стат. описание Кутаис. генерал-губернаторства, СПб. 1858 г., стр. 205.

тельного дома Гуртели князя Симсода, но в это время политика царизма в Закавказье особенно активизируется и планы Соломона II воссоздать единую Имеретию терпят фиаско.

Чрезвычайно тяжелое экономическое состояние Имеретии и Гурии, крайняя неустойчивость положения этих провинций в внешнеполитическом отношении, извны феодального строя, разьедавшие их государственный организм—все это не могло не отразиться на культуре этих стран. При постоянных войнах с врагами внешними и непрекращающихся междоусобиях между собой владельцам и феодалам Имеретии и Гурии было, конечно, не до забот о культуре и просвещении народа.

В конце XVIII в. небольшими культурными очагами в Западной Грузии, где еще сохранялось и поддерживалось культурное наследие Грузии XII в., проявлялись заботы о распространении грамотности среди хотя бы вступающих в духовное сословие и желающих быть служителями культа в столь многочисленных церквях Имеретии и Гурии, являлись монастыри и существовавшие при них школы. В Имеретии насчитывалось 11 монастырей, в Гурии—два, имевших не одну сотню монашествующего духовенства. В монастырях были хранилища древних рукописей, печатных книг, велись летописи происходивших событий, переписывались как церковно-богослужебные книги, так и произведения грузинской светской литературы. Особенную известность, как очаги культуры, приобрели монастыри Гелатский—в Имеретии и Шемокмедский—в Гурии. Монахи—книжники этих монастырей могли не только обучать грузинской грамоте, но некоторые из них были по тому времени настолько образованы, что были в состоянии преподавать греческий, латинский языки, классическую литературу и др. предметы. Получивший образование в Гелатском монастыре Кайхосро Гуртели считался одним из образованных людей своего времени во всей Западной Грузии. Он знал древние языки и классическую литературу изучал в подлинниках, что свидетельствовало о наличии в Гелатском монастыре монахов, знавших эти предметы¹. Шемокмедский монастырь, по записям его отрядом русских войск в 1820 г., поразил русских офицеров богатством своего книгохранилища

¹ Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч. II, стр. 514.

и собранных в нем рукописей¹. Внимательное изучение содержания и стиля официальных документов того времени, главным образом, писем и записок владетельных князей, феодалов и митрополитов, составленных ими на имя представителей русского правительства, показывает, что авторы их были не только простыми грамотеями, но и искусными дипломатами и очень хорошими стилистами. Такие лица и среди феодалов были, конечно, редким явлением. В лучшем случае — большинство из них знало только грамоту.

Распространению просвещения и грамотности в Западной Грузии немало препятствовало позднее, сравнительно, появление здесь печатных книг. Книгопечатание в Имеретии получило свое начало только в 1785 г., когда имеретинским царем, при содействии некоего Романоса Зубашвили, была устроена в Кутаиси первая типография для печатания церковно-богослужебных книг. Корректором в этой типографии был архимандрит Захарий, а заведывал типографией царский сахлтуцес Зураб Церетели. В связи с происшедшими в Имеретии событиями (чума, междоусобная война) типография эта из Кутаиси была вскоре перенесена сначала в сел. Сачхери, а затем в с. Цеспи, где и были окончены печатанием начатые в Кутаиси книги. Как показывают изданные этой «странствующей» типографией богослужебные книги, типографское дело было поставлено в ней очень хорошо: прекрасный шрифт, изящество издания служат тому ясным доказательством.

До открытия этой типографии Имеретия снабжалась печатными книгами, главным образом, изданными в Риме и привозимыми сюда католическими миссионерами. Еще в 1625 г. в Риме была основана грузинская типография. В ней была напечатана первая на грузинском языке книга «Молитвенник», а затем вышли грузинско-итальянский словарь, грузинская грамматика и др. Но как кутаисская типография, так и римская (а равно существовавшие в XVIII в. типографии в Тбилиси и Москве) ограничивались исключительно изданиями церковных книг или же таких, как словари и грамматика. Что касается произведений светской литературы, в том числе произведений грузинских писателей и поэтов: Шота Руставели, Мосе Хонели, Чахрухадзе, Саргис Тмогвели, Шавтели, Бесика, царей Вахтанга и Геймураза

¹ Там же, стр. 530—531.

и др., то они распространялись исключительно в рукописях и ходили по рукам, как библиографические редкости, сохраняясь в большинстве в замках феодалов¹. Народу эти рукописи были недоступны, и он знал творения бессмертного Руставели и др. своих писателей и поэтов, главным образом, из уст народных сказателей и певцов.

Таково в общих чертах было состояние Имеретинского царства и Гурийского владения накануне присоединения их к России. Крайне неустойчивое и тяжелое экономическое положение страны, а также непрекращающиеся усобицы ставили в то время пред сознательными умами Имеретии и Гурии неотложный вопрос: о необходимости коренного изменения условий жизни государства. Как решали этот вопрос правители Имеретии и Гурии и как он разрешен был фактически, об этом нам красноречиво повествует история присоединения к России провинций Западной Грузии и первые десятилетия пребывания их под властью «единоверной» и могущественной державы — царской России.

¹ Хаханов. Очерки по истории груз. словесности, вып. 3. Москва 1901 г.; Газета «Кавказ», 1876 г., № 76. О ходе народного образования в Грузии.

II

В самом начале XIX ст., когда в середине Закавказского края вместо Карталино-Кахетинского царства на лицо оказалась «губерния» Российской империи, планы царизма по завладению побережьем Каспийского и Черного морей резко меняются по сравнению с тем, какие были спроектированы в конце XVIII в. Если тогда для своего продвижения в Закавказье и захвата побережья названных морей царизм считал возможным ограничиться (хотя бы на первое время) созданием в Закавказье послушных себе вассалов, организацией из закавказских царств и владений более или менее жизнеспособных подмандатных России федеративных государств (грузинского и армяно-айсорского)², которые при соответствующей финансовой и военной поддержке России могли бы не только отстаивать свое существование от посягновений на них Ирана и Турции, но и защищать интересы Российской империи, то теперь он считает эти планы совершенно нежизнеспособными и не соответствующими создавшейся реальной обстановке. Инкорпорировав Карталино-Кахетинское царство и сделавши его плацдармом для своей наступательной политики на Иран и Турцию, царское правительство должно было воочию увидеть, что при единственной коммуникационной линии, связующей российские владения с Закавказьем через Дарьяльское ущелье (и находившейся к тому же под постоянной угрозой перерыва сообщения вследствие выступлений отстаивавших свою свободу кабардинцев, осетин и др. народов), положение его во вновь приобретенном Закавказском владении будет крайне неустойчивым. Войскам, оккупировавшим Грузию и начавшим предпринимать отсюда походы для покорения ханств, не желав-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. т. XVI, ч. II, стр. 7.

² Бутков. Материалы по истории Кавказа, т. II, стр. 131, 145, 148. Приложение № 3, стр. 1023—1024 и 1029 по указателю Броссе. Дубровин. III, стр. 34—35.

ших «добровольно» вступить в российское подданство, грозила явная опасность быть отрезанными от своей базы и даже уничтоженными, как это едва не случилось в 1804 г., когда кн. Цицианов предпринял поход для покорения Еревана. Чтобы как можно скорей обезопасить в Закавказье свои военные силы от возможного разгрома, царское правительство спешит с устройством для них по Каспийскому и Черному морям более надежных фланговых коммуникаций с своей Кавказской военной линией¹. С этой целью, между прочим, принимаются решительные меры к покорению Бакинского ханства. Кн. Цицианову еще 19 дек. 1802 г. Александр I дает твердое указание, что «на море Каспийском должен господствовать исключительно флаг российский»². По этим же соображениям ему же в секретном порядке («для единственного его сведения») было предложено о «приобретении» в подданство российское Имеретии с княжеством Дадиановским и Гуриельским, как только удобный случай тому представится³. Без владения в Закавказье побережьем Черного и Каспийского морей и без устройства здесь гаваней для причала судов своих Черноморской и Каспийской флотилий царизм не мог бы организовать названных фланговых коммуникаций и, следовательно, Россия не только не могла развивать свою агрессию против Ирана и Турции, но и сохранить только что присоединенное к империи Карталино-Кахетинское царство. Создавшееся положение повелительно диктовало царизму откинуть составленные в XVIII в. планы о создании закавказских подмандатных федераций и сохранении здесь послушных марионеточных правителей из владетелей и ханов и приступить к фактическому завладению подвластными им территориями.

Ускорению событий по скорейшему захвату царизмом территорий, расположенных на запад и восток от бывшего Карталино-Кахетинского царства, по пути к Черному и Каспийскому

¹ Рескрипт на имя кн. Цицианова от 31 июля 1804 г. В нем предлагалось немедленно установить сообщение с Кавказской линией по Черному морю, для чего считалось необходимым занять Поти для высадки десанта. Акты, II, № 1916. В отношении кн. Цицианова 21 июля 1808 г. № 1607 (Акты, II, № 443) прямо сказано, что развитие сношений по Каспийскому и Черному морю «сколь ни желательно» для увеличения торговых оборотов, но более полезно для утверждения в здешнем крае российского владычества.

² Акты, II, № 1622.

³ Там же, № 688.

морям, несомненно, способствовали также ставшие тогда, благодаря хорошо поставленной разведке, известными царской дипломатии те политические комбинации, которые сначала XIX ст. проводили против нее соперничавшие между собой и с Россией европейские державы—Франция и Англия, которые всеми силами старались помешать продвижению России в переднюю Азию через Закавказье. Основная цель планов Наполеона I и английского кабинета сводилась к тому, чтобы не дать утвердиться России в Закавказье, для чего Франция и Англия попеременно вооружали Иран и возбуждали иранского шаха на войну с Россией, и это, конечно, было известно петербургской дипломатии и главнокомандующим в Грузии¹. Ждать, пока при помощи английского золота и опытных военных инструкторов реорганизуется иранская армия, пока Иран и Турция, заключивши между собой оборонительно-наступательный союз², усилятся настолько, что будут в состоянии воспрепятствовать стремлениям России, являлось совершенно нецелесообразным. И как реальный политик, учитывающий все обстоятельства создавшейся конъюнктуры, царизм, откинув свои ламентации о чуждых ему стремлениях расширять пределы «обширнейшей в свете империи» и действуя, где уговорами, где угрозами военной силой, где подкупам и всякими другими средствами, а где беспощадной вооруженной рукой, стремится в возможно короткий срок твердо закрепить свои позиции в Закавказском крае.

Вот почему, если в мае 1803 г. главнокомандующий кн. Цицианов имел директиву, чтобы «течение Куры и Фаза (Риона) означало порубежную черту владений России, за которую переступать не следует»³, то не далее как через десять месяцев (5 февр. 1804 г.) тот же Цицианов получает рескрипт императора: «Чем быстрее будет течение происшествий, имеющих покорить Российской империи страны, орошаемые Курой и Араксом, тем благонадежней успех сих предприятий наших—поставить на западном берегу Каспийского моря твердую ногу, прежде нежели Баба-хан в состоянии будет поставить тому

¹ Акты, т. II, №№ 1799, 1800, 1808, 1809, 1814, 1816 и др., а также «История XIX в.» под редакцией проф. Лависсо и Рамбо. ОГИЗ. Москва 1938 г., т. II, стр. 439—444.

² Такой союз был заключен в 1810 г. Там же, стр. 443.

³ Акты, т. II, № 1855, стр. 907.

препоны. Войска и деньги будут доставлены безотлагательно»¹. Также форсированно видоизменяются и затем реализуются планы и намерения царизма в отношении Западного Закавказья, где проведение этих планов затрагивает прежде всего интересы Османской империи и получает свое отражение в отношениях России с Турцией в период с 1801 по 1829 г.

В 1802 г. Россия очень осторожно подходила к вопросу о захвате Имеретии, стоя на той точке зрения Кучук-Кайнарджийского трактата с Турцией и «союзного» с нею же Константинопольского договора 1798 г., по которому «обе договаривающиеся стороны давали взаимное ручательство на все владимые ими земли»². Когда Кнорринг на посредничество царицы Грузии Дарии и ходатайство имеретинского царя Соломона II о приеме Имеретии в покровительство России ответил им, что «ведая, что Имеретия считается под зависимостью Турецкой империи, он ничем не может на это отозваться»³, император Александр I 20 авг. 1802 г. дал знать главнокомандующему в Грузии, Кноррингу: «Я нахожу основательным ответ ваш, сделанный царю Имеретинскому, отклоняющий искание его покровительства России. Если бы искренно оно было, я никак не желаю дать сим поступком Порте-Османской повод к притязаниям или остуде (охлаждению к России, А. П.) и поручаю вам на будущее время в поведении вашем против царя (Соломона) держаться сего правила»⁴. Но уже в 1803 г., когда разведка царизма показала, что удобный момент для вмешательства во внутренние дела Имеретии наступил, что Соломон II ведет двуличную политику и «верным вассалом русского императора не будет», тот же Александр I 23 февраля посылает следующую директиву сменившему Кнорринга кн. Цицианову. «Подвиги ваши (по вмешательству в дела Имеретии и освобождению из крепости заключенного Соломоном царевича Константина, А. П.) должны быть начаты убеждением царя имеретинского, но если не добьетесь, то не возбраняю и употребления в действие совсем иных способов, лишь бы исполнение оное было приличным образом. Чем больше старания приложите, тем вящее приобретете

¹ Акты, т. II, № 1186, стр. 594.

² Бутков, II, стр. 434—435 и 539.

³ Акты, т. I, № 707.

⁴ Акты, т. I, № 743, стр. 571.

от меня благоволение¹. 15 сентября того же года Цицианов получает от государственного канцлера Воронцова следующее отношение: «Двоякость поведения царя Соломона, обнаруживая замыслы и недоброжелательство к нам, соделывают более необходимым приобретение Имеретии, чрез которую занятие Мегрелии легко учинится, а не менее нужно оно и к утверждению спокойного владения нашего в Грузии»². В октябре того же года Цицианову предложено: «Если можете выделить отряд для занятия Кутанси и крепости (Имеретии), исполните это безотлагательно, если Соломон не исправит поведения своего»³. И кн. Цицианов доносит Александру I, что «счастливым бы себя почел, если бы осенью того же года он мог бы привести к окончанию это дело, дабы поставить твердую ногу на Восточном берегу Черного моря и возможно было бы будущей весной принимать корабли в своей гавани»⁴.

Поставленная срочность выполнения этих директив говорила определенно, что царское правительство хорошо учитывало слагающуюся конъюнктуру и спешило с проведением в Закавказье своих планов. На этот раз оно решает пренебречь договорными отношениями с Турцией и своей традиционной репутацией «покровителя и защитника единоверных малых государств», лишь бы не упустить удобного момента для достижения заветной цели «стать твердой ногой» в Закавказье.

С Турцией Россия теперь не так уже считалась в виду состояния, в котором находилась тогда Оттоманская империя. «Последние две войны наши с Портою, писал канцлер Воронцов кн. Цицианову в 1803 г., открыли слабость сил ее: внутренние раздоры, неповиновение нашей султану, беспорядки во всех частях государственного управления соделывают обращение к прежнему блеску империи сей невозможным»⁵. Что же касается традиционной репутации России, как защитницы единоверных малых государств, то эта репутация к началу XIX столетия в глазах закавказских государей и подвластных им народов была

¹ Акты, т. II, № 687.

² Акты, т. II, № 716. Разрядка наша, А. П. О необходимости захвата Имеретии особенно настаивал Мусин-Пушкин. См. письмо его к Трошинскому 20 авг. 1802 г. Акты I, № 502.

³ Там же, № 719 и 720.

⁴ Там же, № 714.

⁵ Акты, т. II, № 1799.

уже достаточно скомпрометирована и заботиться о поддержании ее было бы для царизма делом и безнадежным, и нецелесообразным.

Оставление на произвол судьбы своего вассального государства—Карталино-Кахетинского царства во время нашествия на него полчищ Ага-Магомет-хана, самая форма помощи и забот о спасении «единоверного» народа грузинского, в которую облек их царизм, объявив Грузию «губернией» России и, откровенное указание Александра I Кноррингу, что «безопасность границ империи, собственные пользы России» (а не заботы о грузинском народе) заставляли, между прочим, царское правительство «помышлять с давних времен о присоединении Грузии и желать этого события»¹,—все это в корне подрывало репутацию России даже среди расположенной к нему феодальной знати Грузии. «Легко себе представить, пишет царский историк Иваненко, сколько волнений и неудовольствий вызвало на первых порах введенное в Грузию русское управление. Мы уже не говорим о царевичах, которые, забыв личные распри, дружными усилиями поднимали все и всех на борьбу с правительством, обратившим их в простых князей Грузии; многочисленные князья и дворяне, имевшие наследственные должности и наследственные доходы, теряя и положение, и власть, и средства к жизни, были вынуждены подчиняться «какому-то» капитану-исправнику и довольствоваться небольшой пожизненной пенсией... Народ, привыкший к суду близкому, скорому и решительному, увидел перед собой: целую вереницу судебных инстанций с массой непонятных формальностей»². Если добавим к этому крайне суровые меры взыскания государственных податей и неимоверную по тяжести «подводную» повинность, введенную царским правительством по поставке вьючных лошадей и ароб, и исправлению дорог, необходимых для постоянных закавказских военных экспедиций, то причин для недовольства Россией и повсеместного против нее ропота в Грузии было более, чем достаточно. Начавшиеся выступления царевичей и преданных им феодалов, возглавляемые бежавшим в Иран к Аббасу-мирзе сыном Ирак-

¹ Акты, т. I, № 534.

² Гражданское управление Закавказьем. Тифлис, 1991, стр. 38. О тяжести «подводной» повинности. См. записку А. Чавчавадзе «Краткий очерк Грузии с 1801 г. по 1831 г.», напечатанная в сборнике Исарлова «Письма о Грузии», Тифлис 1899 г., стр. 297—334.

лия II Александром¹, переросавшие затем в массовые народные восстания против военно-колониального гнета царизма, как это случилось в 1804 г., когда вся северо-восточная часть б. Карталино-Кახетинского царства была охвачена восстанием мтиулинцев и осетин—все это показывало, что широкообещательные манифесты «о кротком и милостивом правлении» потеряли свое обаяние и должны смениться теперь другими мерами воздействия.

Преемник Кнорринга по управлению Грузией—кн. Цицианов по иному уже решил поддерживать престиж царского правительства. «Вы, верно, думаете, что я грузин, заявлял он в своей прокламации джархам, я родился в России и душу русскую имею... Дождетесь вы моего посещения и тогда не дома ваши я сожгу, вас сожгу, из детей ваших и жен ваших утробу выну»². Восставших мтиулинцев он приказал привести в повиновение «силою оружия, колоть, рубить, жечь их селения, словом при вступлении в их жилища и с ними истребить мысль о пощаде, как к злодеям и варварам»³. Отношение к народным массам «единоверной Грузии» этого представителя «кроткого и милостивого» царского правительства лучше всего видно из его собственных слов в рапорте Александру I. «Они, мтиулинцы, рассуждением нимало не рознят со скотом, в чем я лично уверился, говоря с ними», доносил Цицианов после подавления восстания⁴.

Применявшиеся Цициановым методы управления, весть о которых быстро распространялась по всему Закавказскому краю, вызвали возмущение, ропот и негодование не только среди членов царского дома, феодальной знати и народных масс захваченного царизмом Карталино-Кახетинского царства. Они навели ужас на население смежных провинций и прежде всего на владельцев их. Особенно страшились имеретинский царь и закавказские владельческие особы той участи, которая была предопределена Цициановым членам владельческих и царствовавших домов. «Для блага Грузии и для спокойствия в стране, волнуемой непрестанными замыслами неприятельских покушений»

¹ Акты, т. I, №№ 194, 196, стр. 228—231, № 313.

² Акты, т. II, № 1397, стр. 691.

³ Там же, № 670—671. Дубровин. Закавказье, стр. 359.

⁴ Дубровин. Закавказье, стр. 371.

и внутренних мятежей» он, как известно, не постеснялся уже даже выдворить из Грузии всех членов дома царя Ираклия¹. Эта же участь, несомненно, готовилась и другим владетельным домам по вступлении их в подданство России, как сообщил об этом Цицианов Александру I².

Понятной становится поэтому та перестройка отношений к России, которая проявилась у царя имеретинского, ханов и др. владетелей Закавказья после захвата Россией Карталино-Кахетинского царства. Если многие владетели до этого времени искренно искали покровительства России и стремились стать подданными российского императора, то теперь они начинают оглядываться назад, обращая взоры к своим старым сюзеренам³.

Создавшиеся настроения не замедлили, конечно, использовать помышлявшие о реванше России Иран и Османская Порта, действовавшие, конечно, не без внушения Франции и Англии. Шахское и султанское правительства смелее начинают организовывать отпор агрессии России, надеясь, что царь имеретинский, закавказские ханы и владельцы легко включатся теперь в орбиту их политики и станут исполнителями их воли.

Особенное внимание Турции и Ирана должна была привлечь тогда Имеретия, отделявшая новые закавказские владения России от Черного моря. В лице вступившего на имеретинский престол Соломона II, воспитанника и внука царицы Дарьи, эти государства видели склонного к ориентации на них правителя. Обстоятельства, при которых утвердился на имеретинском престоле Соломон II и принятые им меры к пресечению всяких попыток завладеть этим престолом со стороны креатуры российского царствующего дома, — вдовствующей имеретинской царицы Анны и ее малолетнего сына Константина, — должны были наглядно показать, что намерения Соломона не совпадают с планами царизма. Когда же из Карталино-Кахетинского царства прибыли в Имеретию родственники Соломона и связанные родством через своих жен с имеретинскими феодалами грузинские царевичи Юлон и Парнаоз, Имеретия сразу сделалась центром,

¹ Акты, т. II, № 111, стр. 69.

² Акты, т. II, № 1186, стр. 594.

³ Подданства России до этого времени искали даже подвластные Турции Ахалцихский и Трапезундский паши, а также Омар-хан Аварский. Бутков, ч. II, стр. 456.

3. მახლობი საქ. და კავკ. ისტორიისათვის, 1942, ნაკვ. I.

где стали накапливаться средства и силы, чтобы свергнуть в Грузии русское правление и восстановить престол царя Ираклия II¹.

Чтобы замаскировать свои планы, Соломон, как мы знаем, еще в 1802 г., при посредничестве грузинской царицы Дарьи и используя дипломатические способности своего секретаря князя Леонидзе, возбуждает лицемерное ходатайство о принятии Имеретии в российское подданство. Свой нелояльный в отношении русского правительства поступок, выразившийся в укрывательстве бежавших из Грузии царевичей, он пробует тогда объяснить исключительно родственными отношениями к ним. В письме к правителю Грузии Коваленскому Соломон не без иронии просит не винить его, что «дал приют дядям своим—царевичам, потому что невозможно с его стороны зверство и безжалостное отношение к дому Ираклия, но что он предоставляет царство свое мудрому и благочестивому управлению Российского правительства»².

Соломон II, последний царь имеретинский, личность, несомненно, незаурядная. Во всяком случае, его совершенно нельзя сравнивать с его предшественником Давидом Георгиевичем, безвольным, малограмотным и совершенно неопытным правителем, который довел страну до такого состояния, что сам царь, обкрадываемый своими приближенными, нередко пуждался в насущ-

¹ В письме своем Тамазу Орбелиани царевич Александр писал: «В Имеретии ты же мне говорил: только перейди туда (в Персию), а затем я уже знаю. Вот я и перешел и целый Иран веду за собой... (Акты, т. II, 287). Царевич уверял грузинских князей, что если бы русских было в Грузии 60.000, то и тогда персияне истопчут их всех копытами своих лошадей. Александр и Теймураз приглашали князей оставить Тбилиси и соединиться с войсками Аббас-Мирзы. Они прислали Фирман шаха к тбилисским гражданам, а царевич Александр послал своих эмиссаров в Ахалцх и Ереван, чтобы те пробрались в Имеретию к находившимся там царевичам и затем, отправившись в разные районы Грузии, побудили грузинских князей содействовать Александру, когда он с иранскими войсками перейдет Аракс. (Акты, т. II, № 1096. Дубровин, т. III, стр. 293—295). С Юлоном и Парнаозом в Имеретию бежало 296 человек карталинских князей и дворян. (Акты, т. I, № 229).

О царевиче Александре и его борьбе за независимость Грузии, начатой в 1797 г., после смерти Ираклия II, и выступлениях его против царизма на стороне воевавших с Россией Ирана и Турции см. у А. Ерицова—Последний потомок грузинского царского дома, газета «Ардзачанк» № 12, в русском переводе сборник «Весь Кавказ», I. 1903 г. стр. 45—47.

² Акты, т. II, № 686, стр. 341. Разрядка наша, А. П.

ном хлебе¹. Утвердившись в 1795 г. на имеретинском престоле, Соломон II быстро ориентировался в той политической обстановке, которая создавалась тогда здесь. Принадлежа к партии царицы Дарьи и царевича Александра, он не смотрел так беззащитно на положение Карталино-Кахетинского царства, как расценивали его преемник Ираклия II—Георгий XII и стоявшая за ним руссофильская партия феодалов, считавшая единственным выходом для спасения народа присоединение Грузии к России. Ближайшим советником Соломона являлся его мдивани (секретарь) кн. Леонидзе, показавший себя, несомненно, талантливым и опытным дипломатом. Когда в 1801 г. Карталино-Кахетинское царство обращено было в провинцию Российской империи, и русские войска заняли главнейшие стратегические пункты страны, а организованное Кноррингом управление с первых же дней возбудило всеобщее недовольство, Соломон, находясь в Кутаиси, куда прибыли царевичи Юлон и Парнаоз, и имея постоянную связь с царевичем Александром, не без внушения Леонидзе, решился на смелое предприятие—избавить Карталино-Кахетинское царство от оккупации его русскими войсками. Трудно теперь судить, как мыслил Соломон дальнейшее существование реставрированного царства, лелеял ли он мечту объединить его с Имеретией, но одно несомненно: усиление власти имеретинского царя и подчинение себе владетелей Гурии и Мегрелии, особенно последнего, который настойчиво искал покровительства России, он начал осуществлять с первых же дней своего царствования, используя для этого и помощь ахалцихского паша, и наемные лезгинские отряды².

В отношении своих подданных Соломон проявил много умения и такта, чтобы привлечь прежде всего на свою сторону крестьянские массы. Даже чрезвычайно критически настроенный к нему царский чиновник Литвинов и полковник Симонович должны были признать, что «единство власти и некоторый порядок в правлении наблюдались в Имеретии», что царь здесь стоял еще ближе к народу, чем в Восточной Грузии, еще чаще являлся судьей своих подданных и, несмотря на патриархальную простоту взаимных отношений, народ питал к нему преданность,

¹ Дубровин. 1802 г. в Грузии, стр. 74—75.

² В 1797 г. им была разорена Гурия. Бутков, ч. II, стр. 437.

соединенную с каким то «религиозным благоговением»¹. Что касается его дипломатической изворотливости, умения быстро ориентироваться в обстоятельствах, высоко ценить свое достоинство в сношениях с главноуправляющими в Грузии и командированными для переговоров с ними петербургскими и тбилискими царскими чиновниками, то об этом красноречиво свидетельствуют составленные названными лицами и опубликованные ныне рапорты их, записки и др. документы².

С смелым, несомненно, наиболее талантливым из сыновей Ираклия II и воинственным царевичем Александром, ставшим непримиримым врагом России, Соломон был связан с 1794 г. Это Александр с отрядом грузинского войска помог ему покончить междоусобицу в Имеретии и упрочиться там на престоле³. Но трудно установить теперь, как распределены были роли между Соломоном и Александром в задуманной ими борьбе с царизмом, и кто кому давал здесь окончательные директивы. Надо полагать, что обязанности, принятые на себя каждым из них, соответствовали прежде всего той реальной обстановке, в которой оказались оба этих недюжинных человека. И если царевич Александр связал свою судьбу с Ираном и главные свои расчеты строил на помощь войск Аббас-Мирзы, то Соломон возлагал надежды на Турцию и ближайшего своего соседа — ахалцихского пашу.

Еще в августе 1802 г. командированный в Имеретию петербургский чиновник Соколов доносил министру внутренних дел кн. Куракину, что Соломон успел отправить царевича Александра к Баба-хану, снабдив его баратом к ханам Ереванскому,

¹ Акты, т. II, № 803 и т. IV, № 342, 343, 469.

² Имеем в виду опубликованные в Актах Арх. Ком. т. т. II—IV документы, а также составленное А. Соколовым описание под заглавием «Путешествие мое в Имеретию, мое там у царя пребывание и обратное путешествие в Грузию». Москва 1874 г. Правда, донесения кн. Орбелиани (т. IV, № 284), Симоновича и Могилевского (№ 311, стр. 231) характеризуют Соломона, как исполнителя воли феодалов, всецело подчинявшегося влиянию своего министра Леонидзе, на самом же деле являвшегося «человеком слабым, легковерным и легкомысленным», но эта характеристика, несомненно, пристрастна и она противоречит всем подробностям борьбы Соломона за сохранение Имеретинского царства, его готовности пожертвовать свою жизнь за спасение своей страны от владычества в ней иноземцев (русских).

³ А. Ерицов. Ист. исслед. Сборник «Весь Кавказ», стр. 45.

Ганджинскому, Шушинскому и владельцам Дагестана. Он просил в них поднять оружие против русских войск для изгнания их из Тбилиси, восстановления царства и возведения на престол царевича Юлона. К ахалцихскому паше Соломон писал, прося его содействия лезгинскими отрядами. Последний не только обещал это, но снабдил царевича Александра фирманом с печатью султана (как потом оказалось подложной), адресованным ко всем ханам по пути следования царевича. Фирман гласил, что если ханы будут содействовать изгнанию русских, то султан окажет им свое содействие войсками. В Восточную Грузию Соломон отправил своего мдивани Леонидзе, снабдив его письмами ко всем князьям кахетинским и, хвалясь своим успехом у ханов, приглашал их к совместному действию. Исполняя миссию Соломона, Леонидзе одновременно, чтобы отвести от себя и Соломона всякое подозрение, уверял правителя Грузии Коваленского, что Соломон желает передать свое царство в подданство русского императора¹.

В декабре 1802 г., тогда еще подполковник Симонович, занимавший с своим отрядом границу между Вост. Грузией и Имеретией, доносил генералу Лазареву в Тбилиси, что Соломон окончательно сломил сопротивление Дадияна Мегрельского, и тот принужден искать убежища в Потии, что владельцы Гурии, Абхазии и Сванетии с Соломоном в союзе, что совместно с ахалцихским пашой им разработан план нападения на Тбилиси и окружения русских войск². Для изыскания средств на содержание бежавших к нему царевичей Юлона и Парнаоза³ Соломон установил специальный сбор с имеретинских крестьян.

Но как ни замаскировывал свои планы Соломон, царская разведка была в то время настолько хорошо поставлена, что, когда главноначальствующим в Грузии был назначен кн. Цицианов, действия Соломона были уже известны даже в Петербурге. Это обстоятельство, надо полагать, окончательно убедило кабинет министров Александра I и кн. Цицианова, что для немедленного и беспрепятственного занятия Черноморского побережья и соединения его транзитным путем с Тбилиси необходимо, не теряя времени, вмешаться в дела Имеретинского царства, не обращая уже

¹ Дубровин. 1802 г. в Грузии, Акты, т. I, № 380.

² Акты, т. II, № 683, стр. 340.

³ Дубровин. История войны и владычества рус. на Кавказе, т. IV, стр. 98.

внимания на возможный из-за этого конфликт с ослабленной Турцией.

Первоначально Цицианов рассчитывал «приобрести в подданство России» Имеретию столь обычным в истории этой страны дворцовым переворотом. Он надеялся при содействии подкупленной им группы недовольных Соломоном имеретинских феодалов свергнуть последнего с престола и посадить на его место сына б. царицы Анны--Константина, которого Соломон держал в заключении в Мухурской крепости. Но к этому способу прибегнуть не пришлось, хотя Константин при помощи подкупов, по настоянию Цицианова и непреклонной воле самого Александра I был освобожден в то время Соломоном и поселен в Тбилиси (впоследствии он, не желая, видимо, быть марионеткой в руках царизма, бежал в Имеретию)¹.

Александр I не одобрил этого плана Цицианова, тем более, что Соломон в это время сделал новый дипломатический ход. Он заявил повторное желание принять подданство России и с этой целью спарядил в Петербург своего уполномоченного кн. Леонидзе вести переговоры. При этом он выставил свои условия подданства, которые явно не соответствовали видам царского правительства. Сделано это было, надо полагать, намеренно, чтобы выиграть время и выяснить позицию Порты в вопросе об Имеретии. Одновременно Соломон отправил посольство в Турцию и просил у султана помощи против России. Но этот маневр своевременно был раскрыт царской разведкой (не без участия Порты), и после Соломона Леонидзе предложено было оставить Петербург².

Канцлер Воронцов сообщил Цицианову (23 декабря 1803 г.): «Владельца Имеретии в его вероломствах добрыми средствами исправить нельзя, а хорошенько его по азиатски постращать, то и будет гладко, в чем мы на вас и полагаемся»³. Рекомендовать Цицианову этот метод обращения в покорность — не было надобности. Он только что штурмом взял тогда Ганджу и разгромил ганджинского хана. Это, несомненно, удручающе подействовало на Соломона, так как ганджинский хан в планах имеретинского

¹ Акты, т. II, № 795. Освобождение Константина стоило Цицианову 173 червонца и 2291 р. с. (Рапорт его Александру I 27—VI—1803 г.). Дуровин, т. IV, стр. 100—107.

² Акты, т. II, №№ 705, 706 и 733, стр. 352 и 364.

³ Там же, №№ 719, 720 и 726, стр. 360—362.

царя был не последним союзником. Окончив ганджинскую операцию, Цицианов мог двинуть войска к границам Имеретии. Чувствуя опасность военной силы, Соломон прибегает к посредничеству пред Цициановым ориентировавшихся на Россию имеретинских феодалов с Зурабом Церетели во главе¹ и через последнего в третий раз заявляет желание принять подданство России. На этот раз дипломатический ход Соломона оказался более удачным. Цицианов, поставив ему условием «закреть уши от грузинских беспокойных вестников и не ставить себе грузинских царевичей примером», сделал представление о полученном заявлении Соломона министру иностранных дел Чарторыйскому. Цицианов писал в Петербург, что выгодней для России миролюбиво присоединить Имеретию, оставив Соломона царем и не завоевывая его царства силою оружия. «Оставляя царей, при мнимом их царстве в совершенном подданстве России, на условиях выгоды ей доставляющих, империя ограждается от издержек, требуемых введением российского правления»².

Переговоры кн. Цицианова с Соломоном, в ходе которых имеретинскому царю, под угрозой военной силы России и в виду измены ему части имеретинских феодалов (на подкуп которых Цицианов не поспешил издержать 10 тыс. руб.)³, пришлось делать одну за другой уступки, закончились собственноручной его подписью унижительного акта, по которому Соломон II «предал себя со всем своим законным потомством и царством в вечное рабство и подданство российской державе»⁴.

Если раньше Соломон в своих условиях подданства требовал от царского правительства: 1) «обнародовать во всех государствах» акт о принятии его под покровительство России, т. е. сделать этот акт документом международного значения, а не внутренней политики России, 2) иметь право непосредственного сношения чрез своего посланника с императором российским, 3) обязать главнокомандующего в Грузии по первому требованию имеретинского царя давать ему в помощь тысячу человек российских войск, 4) вернуть из Восточной Грузии всех переселившихся туда

¹ Дубровин. т. IV, стр. 154—155.

² Там же, стр. 156.

³ Дубровин. т. IV, стр. 159. Акты, т. II, № 748.

⁴ Там же, стр. 163. Дубровин. Закавказье, стр. 252—253. Соломон сначала не хотел подписывать этого акта. Он думал ограничиться приложением печати, причем, чтобы эта печать в дальнейшем не могла связать

имеретинских подданных, 5) не давать веры доносам об Имеретии со стороны главнокомандующего без предварительного объяснения на этот донос имеретинского царя и, наконец, 6) чтобы Лечхуми, в это время силою завоеванный Соломоном у Далиани, остался за Имеретией, то теперь все перечисленные условия пришлось оставить. Лишь относительно Лечхуми Соломону было обещано, что лечхумские крепости останутся у него до тех пор, пока не будут рассмотрены представленные царем документы на право владения ими¹.

Соломону ничего не оставалось, как принять требование Цицианова и подписать предложенный ему трактат. Согласно трактата царь имеретинский, между прочим, 1) предавал себя со всем своим потомством и царством в вечное и верное рабство и подданство российской державы, 2) суд и расправа попрежнему сохранялись в его власти, 3) имеретинский царь обязывался повиноваться во всем русскому правительству и, в первую очередь, главноуправляющему Грузией, как верноподданный римператора (п. 7), 4) не иметь никаких притязаний на владения Далиани, а захваченные у него крепости очистить, 5) содержать в исправности и отвечать за безопасность проезжающих по дорогам от границ Грузии до Кутаиси и оттуда в Одиши и в Поти, 6) не облагать пошлинами товары, провозимые чрез Имеретию в Грузию от Черноморских пристаней и обратно, 7) отпускать бесплатно России лес для кораблестроения².

Условия, принятые Соломоном, ясно показывали, что даже от номинального суверенного Имеретинского царства не осталось и следа. Продолжавший именовать себя царем Имеретии был теперь в лучшем случае наследственным моуравом Имеретинской провинции Российской империи, находившимся в полном подчинении главноначальствующего Грузии.

Пойти на такие уступки Соломона заставили следующие неблагоприятно сложившиеся для него в то время обстоятельства. Далиан Мегрельский, которого он привел было в покорность

сму рук, он изготовил для этого специальную печать, не желая, чтобы на ответственном акте фигурировала его царская законная печать. Эта «азиатская» хитрость не удалась Соломону и Цицианов потребовал от него собственноручной подписи.

¹ Дубровин. Закавказье, стр. 168.

² Трактат этот воспроизведен у Дубровина в приложении под № 20, стр. 525—528.

тебе силою оружия и захватом почти всей Одиши, в 1802 г. стал любой ценой добиваться подданства России и заступничества главноначальствующего в Грузии¹. В 1803 г. он был принят в подданство России и «в знак крепчайшей верности» по местному обычаю послал Цицианову для отправки в Петербург своего сына в аманаты². При этом, как сообщил канцлер Воронцов Цицианову, «известие о поступлении Мегрелии в подданство принято Портою без всякого оскорбления», и что он надеется достигнуть того же в отношении Поти³. Вслед за владельцем Мегрелии подданства России, как писал о том Цицианов Воронцову 27 окт. 1803 г., стал искать и его сосед владелец Абхазии Келеш-бек, а в самом начале 1804 г. Цицианову прислал просьбу о том же Вахтанга Гуриели. Последний писал: «Умоляем вас, дабы над нами была помощь и милость»⁴. Таким образом, самые могущественные вассалы имеретинского царя, защищаясь от его наступательной политики и решительных мер для приведения их владений в покорность Имеретии, прибегли к посредничеству Цицианова, и просили его, чтобы тот защитил их от Соломона и искодатайствовал покровительство русского императора. В начатой борьбе за восстановление Карталино-Кахетинского царства и недопущение оккупации Россией Имеретии Соломон оказался, таким образом, совершенно обессиленным: его оставили не только окружающие владельцы, считавшиеся номинально его вассалами, но и значительная часть феодалов Имеретии во главе с Зурбом Церетели, а также высшее духовенство — митрополиты⁵.

26 апреля 1804 г. Цицианов не без гордости доносил в Петербург: «Соломон имеретинский после продолжавшейся около двух месяцев с ним негоциации, наконец, 25 апреля совершил в

¹ В т. II Актов под №№ 897, 901—908, стр. 452—460 опубликованы те унизительно-просительные письма Григория Далиани, с которыми он обращался, прося искодатайствовать ему «рабство и подданство рос. государя», к грузинскому паревичу Давиду, чиновнику Соколову, кн. Цицианову. Последнему он звывал несколько раз и 29 июля 1803 г. писал ему: «Я пожертвовал мою голову тебе, как покорнейший сын и слуга и, как подобает благоразумнейшему управителю, так меня помилуй» (стр. 458).

² Акты, т. II, № 910.

³ Акты, т. II, № 909.

⁴ Акты, т. II, № 911 и № 1056.

⁵ Митрополит имеретинский из фамилии Церетели получил в 1803 г. от Александра I ценную награду (папагию, усыпанную алмазами). Акты, т. II, № 707.

присутствии моем обще с князьями присягу на верноподданство», а в июне того же года Цицианов добился, что в сел. Сачилао царь имеретинский и владетель Мегрелии подписали совместный договор о вступлении в русское подданство и дали подписку, что обязуются принимать всякое высочайшее повеление, жить между собой в мире, «дать стране мирное состояние и правосудный путь, дабы рабы их или народы жили в добром положении»¹. И хотя Цицианов считал, что ему необходимо занять теперь Потю, Батуми и Анаклию, «без чего все новые приобретения должны служить к обременению империи издержками», но достигнутые успехи давали ему основание писать Александру I: «Священная воля, изъясненная в именном указе 5 февраля 1804 г., чтобы по совершении присоединения царства Имеретинского к Российской империи и устройства чрез побережье Мегрелии сообщения с Тавридой, чрез что весь край связан кратчайшим узлом с метрополией, богу благодарение, исполнена... Царство Имеретинское обращено в одну из провинций российских; как видно по определению правителя судеб, царство грузинское, разделенное Александром I царем грузинским, Александром I императором все-российским соединено было паки воедино»².

Так окончилась первая стадия в сравнительно продолжительном пути, который прошла Имеретия прежде чем стать провинцией России. Отстаивавший всеми способами включая и соглашение с исконным врагом страны — турецким султаном свободу своего царства от надвигавшегося колониального угнетения царизма, Соломон II на этот раз временно признал себя побежденным и на время сложил оружие. Но это, как мы увидим далее, было с его стороны передышкой, собиранием сил для новой схватки, которую он готовился начать, но уже не только совместно с феодальным сословием своего царства, а развернув борьбу глубже и шире, с участием в ней народных масс, которым очень скоро пришлось испытать тяжесть гнета царизма, легшего на народ с первых же дней после вступления Имеретии в подданство России.

Что касается владательства Гурийского, то ходатайство владетеля его, кн. Вахтанга о поступлении в подданство России кн. Цициановым на этот раз было признано не подлежащим

¹ Там же, №№ 750 и 769.

² Акты, т. II, № 750, стр. 378 и № 748, стр. 374.

особому рассмотрению. Он не считал Гуриели суверенным владетелем и расценивал его, как вассала царя имеретинского, почему считал ниже своего достоинства лично отвечать Вахтангу Гуриели. На упомянутое уже нами письмо кн. Гуриели и поступившее вслед за ним прошение гурийских князей об утверждении владетелем их кн. Вахтанга, Цицианов поручил командированному тогда в Гурию, чиновнику Литвинову, передать просителям: «Гурия вступила в всероссийское подданство в общем трактате с Имеретией»¹.

Правда, в дальнейшем обстоятельства заставили царское правительство отказаться от этой точки зрения кн. Цицианова на инкорпорацию Гурии. Борьба, которую пришлось еще долго вести царизму, чтобы окончательно сломить сопротивление имеретинского царя, за которым теперь шли народные массы, испытавшие тяжесть нового ярма, заставила царское правительство действовать по правилу римлян «divide et impera». Это правило определенно рекомендовано было Александром I для применения в отношении кавказских народностей². И когда, для ослабления сил Имеретии, царизму понадобилось отделить от нее Гурию, а владетелей ее поощрить и подвинуть на совместную с русскими войсками борьбу с восставшими имеретянами, царизм очень охотно признал за князем Гуриели владетельные права и особым от Имеретии трактатом связал Гурию с Российской империей.

¹ Там же, № 1061, стр. 543.

² «Что касается горских народов, то едва ли не лучше или не коренною политикой нашей, пишет Александр I Цицианову 26 сент. 1802 г., существовать должно, дабы отвращать между ними всякое единомыслие». Акты, т. II, № 5, стр. 9.

III

Соображения кн. Цицианова, что «оставляя царей при мнимом их царстве (т. е. при призрачности царской власти) в совершенном подданстве России, на условиях выгоды ей доставляющих, империя ограждается от издержек, требуемых введением российского правления», нашли полную поддержку в кабинете министров Александра I. На этом основании условия подданства России, которые были продиктованы Цициановым царю имеретинскому Соломону и владельцу Мегрелии и присяга последних, данная совместно «с знатнейшими вельможами» в верность российскому императору, утверждены были царским правительством без каких-либо возражений. Первоначальный петербургский проект, согласно которому предполагалось, напр., именовать Дадлиана не владельцем Мегрелии, а только наследственным «начальствующим», назначить ему жалованье и лишить права сбора в свою пользу каких-либо податей и вообще не придавать значения усвоенным в Закавказье традиционным титулам владетельных особ, так как эти титулы могли бы в дальнейшем составить формальные препятствия для проведения царской политики в присоединенных к империи областях¹, по настоянию Цицианова был отклонен «во имя политических соображений» и до того момента, пока русские войска прочно не займут присоединяемые провинции².

При указанной организации «суд и расправа» в них оставались в распоряжении существовавшей до присоединения их к империи власти, и царизм не нес почти никаких расходов на управление, снимая с себя в тоже время всякую ответственность за могущие быть неполадки в этом управлении и возможное народное недовольство им. Финансовое положение России в то время было крайне напряженным. Непрерывные войны, которые вела Россия, требовали громадных расходов, и царское правительство было довольно тем, что Имеретия и др. области Западной Гру-

¹ Акты, т. II, № 918, стр. 467.

² Там же, № 923, стр. 472.

зии, согласно осуществляемому кн. Цициановым методу инкорпорации их, не будут вызывать излишних расколов государственного казначейства, а ханства восточного Закавказья будут даже пополнять доходы Закавказского края установленными ежегодно «данями» с этих ханств¹.

О таком отношении царского правительства к форме правления в областях Западной Грузии особенно красноречиво свидетельствует секретный запрос министра внутр. дел кн. Кочубей, который получил кн. Цицианов вскоре по вступлении в подданство России Имеретии и Мегрелии. «По случаю доставленных пунктов о принятии царя имеретинского в подданство, равно как и вследствие тех неудобств, которые найдены кн. Цициановым в управлении Грузии², Александр I, как о том пишет Кочубей, имел мысль, что может быть в Грузии можно было бы учредить правление некоторым образом соответственное существующему и Имеретии и Мегрелии», т. е., что может быть и там был бы поставлен «владслец, влияние которого не распространялось свыше того, которое предоставлено» царю имеретинскому и владельцу Мегрелии, а русское правительство «не менее сохраняло бы там все те выгоды, какими ныне пользуется». Это «поставило быть может на более верную ногу все новые владения, привязав к России грузин, и уничтожило бы беспокойство владельцев, уже подвластных России или могущих ей подчиниться, отняв повод к заключениям, что мы все присвоить себе желаем». Цицианову предлагалось поэтому представить свой план, каким образом такое правление могло бы быть осуществлено в б. царстве Карталино-Кахетинском, и кого из членов грузинского царствующего дома «владельцем или другого звания начальником» можно было бы туда назначить³.

Сохранившиеся документы не дают сведений, как реагировал на этот запрос кн. Цицианов. Нужно полагать, что его отношение к члену грузинского царствующего дома было настолько отрицательным, что он не мог остановить своего выбора на ком-

¹ Акты, т. II, №№ 1142, 1342, 1431, 1453, 1458 и др.

² Как известно, Цицианов по вступлении в должность главноначальствующего Грузии открыл здесь массу беспорядков и злоупотреблений в управлении. Свои соображения о необходимых мероприятиях к изжитию этих беспорядков он представил Александру I в рапорте 13 февраля 1804 г. (опублик. в Актах, т. II, № 65, стр. 45—48).

³ Акты, т. II, № 74, стр. 51.

либо из царевичей, который, по его мнению, способен был бы заменить в деле управления Грузией—его, кн. Цицианова¹. Но в отношении Имеретии и др. провинций Западной Грузии, повторяем, Цицианов твердо держался того мнения, что царь имеретинский и др. тамошние владельцы должны остаться при своих званиях и править своими владениями так же, как управляли они до принятия российского подданства.

Пользы и выгоды для России от непосредственного владения Имеретией и Мегрелией представлялись Цицианову тогда в значительной мере проблематичными. Царское правительство интересовало тогда больше вопрос об устройстве безопасного транзита через Западную Грузию и скорейшем занятии для этого восточного побережья Черного моря с находившимися в руках Турции укрепленными портовыми пунктами: Поти, Анаклия, Батуми.

«Мегрелия без Поти ничего не значит». «Я нахожу пристань Поти столь нужною, что почитаю выгоднейшим приобретением для России сего одного пункта, нежели всей Мегрелии, коей зависимость определяется зависимою от Поти», писал Цицианов². Это мнение всецело разделяли и в Петербурге. Александр I предлагает Цицианову «изыскать для приобретения Поти такое средство, которое, не подавая Порте повода к явному негоднованию на Россию», могло бы утвердить за последней этот важный стратегический и торговый пункт. А министр иностранных дел Чарторыйский дал по этому вопросу следующее конкретное указание: «Не желая огорчать Порту, если она не согласится на уступку Поти, Анаклии, Батуми, ограничьтесь получением согласия на беспрепятственный провоз через них необходимых для занятых областей и вывоз оттуда тамошних произведений. В виду того, что в Турции много действуют деньги, и подарки, вы можете эти средства употребить для достижения намеченных целей»³.

¹ Когда в июне 1804 г. Цицианову удалось задержать бежавшего из Имеретии царевича Юлова—одного из главных кандидатов на грузинский престол, Цицианов писал Александру I: «Сие изловление я почитаю важнее взятия крепости, ибо доколе рол сей аспидов пребудет в Грузии, доколе Грузия не будет наслаждаться тишиною по глупому легковерию нации, а потому должен повторить, что и жен их вывести из Грузии есть мера необходимая». Акты, т. II, № 220.

² Гр. Воронцову и Александру I. Дубровин, т. IV, стр. 168—169.

³ Акты, т. II, № 232, стр. 477. Дубровин, т. IV, стр. 171.

Удастся тогда Цицианову план получить (дипломатическим или иным каким-либо путем) названные выше черноморские гавани, положение России в Закавказье сразу же определилось бы настолько, что вопрос об отношении к новым вассальным приобретениям в Западной Грузии был бы для нее сравнительно второстепенным. Царь Имеретии и владетель Мегрелии, разобщенные окончательно с Портой Оттоманской, и находясь с востока под угрозой русских войск, оккупировавших Грузию, и военно-морского флота России—с Запада, должны были бы естественно оставить всякие мечты о возвращении себе даже номинальной независимости. По выражению Цицианова, они в лучшем случае могли быть «царями при мнимом (призрачном) их царстве».

Но проект занятия Поти посредством подкупа турецкого пашы—начальника гарнизона этой крепости (на что были ассигнованы необходимые суммы командированному в Западную Грузию для политических разведок чиновнику Литвинову), не осуществился¹. Оттоманская Порта, обнадеживаемая Наполеоном I, не только не проявляла каких-нибудь признаков уступчивости России в вопросе о гаванях на восточном берегу Черного моря, но настойчиво стала заявлять свои претензии на суверенитет над Имеретией и Мегрелией. Под давлением Порты Цицианову, по распоряжению из Петербурга, пришлось даже оставить занятую было русскими войсками Анаклию и возместить за эту операцию причиненные Турции убытки².

Внешняя обстановка на Ближнем Востоке складывалась для России в то время так, что впереди неминуемо было вооруженное столкновение с Турцией. Поти и др. восточно-черноморские порты могли перейти во владение России только силою оружия. Все это совершенно по иному должно было поставить решенный было вопрос об отношении к Имеретии, где лояльность царя Соломона II с первых же дней подписания им трактата о подданстве была взята под подозрение.

Соломон не скрывал своих чувств к России, особенно после того, как Цицианов не возвратил ему Лечхуми, а оставил последний во владении Дадиана. Он открыто заявил, что подданным

¹ Дубровин, т. IV, стр. 171—172. Его же—Закавказье в 1803—1806 гг., стр. 283.

² Акты, т. II, №№ 1806—1807, стр. 884. Лависс и Рамбо, т. II, стр. 154. Примеч. Дубровин, V, стр. 103.

России не останется, если не получит Лечхуми. Недовольство Соломона II своим новым сюзереном, конечно, не могло укрыться ни от внимательных взоров Порты Оттоманской, желавшей воспользоваться этим случаем, чтобы втянуть имеретинского царя в орбиту своей противороссийской политики, ни тем более от того строгого наблюдения, которое было организовано за ним со стороны царского правительства в лице находившегося в Имеретии, несомненно, талантливого, крайне обстоятельного и предприимчивого чиновника Литвинова. С охраной в пятьдесят человек гренадер Литвинов в июне 1804 г. был послан Цициановым в Западную Грузию и в течение почти двух лет проживал то в Имеретии, то в Мегрелии, то в Гурии. О каждом шаге имеретинского царя он считал необходимым сообщать Цицианову. Ему же направлял он свои обстоятельные разведывательные записки об Имеретии и владениях Западной Грузии, о «пользе и выгодах, которые извлечь из них Россия может»¹.

Литвинов очень скоро вскрыл бесповоротную ориентацию Соломона на Турцию, сношения его с ахалцихским пашей и замыслы против русских, согласованность в действиях с поднимавшимися восстание против России грузинскими царевичами Александром, Юлоном и Парнаозом, наконец, предпринятые им шаги по исходатайствованию для Имеретии подданства у Порты². Чтобы быть в курсе происходивших в Западной Грузии событий Литвинов не жалел денег, использовал недовольство против Соломона со стороны отдельных имеретинских князей и больше всего со стороны владетелей Мегрелии и Гурии. Он сумел привлечь на свою сторону представителей высшего духовенства Имеретии и Мегрелии, и все они являлись добровольными корреспондентами Литвинова. Литвинов отчетливо сознавал, на сколько серьезна была тогда для России обстановка в Закавказье. Начавшаяся фактически война с Ираном, готовившаяся война с Турцией, назревавшие события в Имеретии и разрознившиеся народные восстания в Восточной Грузии и Осетии, при немногочисленности и разбросанности русских военных сил за Кавказом, грозили опасностью поголовного истребления не только малочис-

¹ Все рапорты и записки Литвинова опубликованы в т. II, Акт. Кавк. Арх. Ком., разд. XV, стр. 347—545.

² Дубровин. Закавказье, стр. 267; Лаврентьев. Статист. описание кутаис. ген.-губернаторства, стр. 17; Акты, т. II, № 823, стр. 497 и др.

ленного отряда гренадер, составлявших личную его охрану, но гибелью отдельных русских войсковых частей и всех предприятий царизма в Закавказье. Понятно поэтому самоотверженная работа Литвинова, как по организации приема прибывших морем из Крыма в устье реки Хопи продовольствия для русских войск и войсковых подкреплений, назначенных для расквартирования в Имеретии и Мегрелии, так особенно по вскрытию недружелюбных к России замыслов Соломона.

«Приход кораблей все¹ переменил, писал Литвинов Цицианову, и царь (Соломон) более не опасен не только вам, но и мне»². Размещение же прибывших морем частей Белевского полка по одному батальону в Мегрелии, Лечхуми и Кутаиси являлось по существу началом военной оккупации Имеретии. «В народе имеретинском, писал Цицианов, верность еще не утверждена; силе надо быть в сердце одного или в столицах, откуда добро и зло во все концы владения выходят»³. Вообще Цицианов мало доверял трактатам и обещаниям верности не только разоблаченного в сношениях с врагами России Соломона II, но и казавшегося Литвинову лояльным владетеля Мегрелии. «Верьте, писал Цицианов Литвинову, что имеретинский царь и Дадиян одинаковой верности, но последний от слабости покорнее»⁴.

Расценивая так своих новых вассалов с первых же дней поступления их в подданство России и совершенно не считаясь с ними, когда дело касалось выполнения данных им обещаний, как это наглядно показал вопрос о Лечхуми, царское правительство, как только его разведка установила, что в ожидаемой войне с Турцией Соломон может перейти на сторону последней, приняло решение, которое должно было предопределить судьбу Имеретинского царства. Когда на место убитого под городом Баку кн. Цицианова главноначальствующим в Грузии был назначен Гудович, Литвинов не замедлил сообщить ему: «При малейшем разрыве с турками царь имеретинский воспользуется случаем и не оставит предаться неприятелю; тогда всякое сообщение (с Крымом) прекратится». По мнению Литвинова «потеря Имеретии для России неизбежна, если не удалить царя Соломона и некоторых его приближенных»⁴.

¹ Донесение 14 сент. 1804 г. № 99. Дубровин. Закавказье, стр. 266—267.

² Там же, стр. 271.

³ Рапорт Гудовичу 28 июля 1806 г. Дубровин, т. V, стр. 143.

⁴ Там же.

4. მასალები საქართველოს ისტორიისათვის, 1942 წ. ნაკვ. I.

Такая мера, несомненно, призывалась единственно правильной, как главноначальствующим в Грузии, так и в Петербурге. Но прозвести ее немедленно царское правительство пока не решилось. Во-первых, ему еще казалось крайне зазорным (да и рискованным) перед европейским общественным мнением так скоро и бесцеремонно разделаться со своим вассалом и аннексировать Имеретию, когда не улеглись еще толки о захвате Россией Карталино-Кахетинского царства. Во-вторых, такая мера сразу бы раскрыла пред Османской Портой явно агрессивную политику России в Западном Закавказье и вызвала бы с ее стороны усиление контр-мер, чем осложнила бы затруднительное положение России, которой в это время приходилось вести военные действия против Ирана¹. В третьих, царизм учитывал, что принятие столь решительной меры против царя Соломона повлечет за собой немедленно восстание в Имеретии и увеличит еще более число недовольных царской политикой в Грузии, где смуты и волнения не прекращались, несмотря на поимку и высылку в Россию царевичей Юлона и Парнаоза. В четвертых, и самое главное, царское правительство ясно сознавало слабость своих военных сил для таких решительных действий, какие так настойчиво советовал предпринять против имеретинского царя Литвинов. Хотя Цицианов и называл укрепленные замки Имеретии и Мегрелии не иначе, как «курятниками», а войска царя Соломона «курами»², но все же последние в общей сложности давали значительные военные соединения.

Необходимо было поэтому выиграть время, чтобы собрать в Западной Грузии военные силы в большем количестве. Необходимо было утвердиться в надежных пунктах на восточном побережье Черного моря, так как гавань в устье Хопи (Редут-Кале) совершенно не гарантировала безопасности остановки там военных судов³. Учитывая все это, царское правительство решает вести временно выжидательно-примирительную политику в отношении Соломона. Командующий отрядом расквартированных в Имеретии русских войск ген. Рыкгоф получает от преемника Цицианова, гр. Гудовича, предписание «склонить царя Соломона не нарушать условий трактата с Россией», добиться от не-

¹ Турецкая эскадра в это время крейсировала уже вдоль восточных берегов Черного моря. Акты, т. III, № 905. Дубровин, т. V, стр. 99.

² Дубровин. Закавказье, стр. 270—271.

³ Акты, т. III, № 918.

то отправки в Петербург посольства из знатных князей для принесения рос. императору благодарности за принятие Имеретии в подданство и т. д. Аналогичные предложения о гарантиях верности и отправке посольства Соломон получает затем в 1809 г. от назначенного на место Гудовича ген. Торماسова¹. Но Соломон также учитывал затруднительное положение России и ставил условием, чтобы правительство прежде, чем предъявить к нему требования безусловной верности, выполнило бы свои обещания. «Исполните присягу, подписку и слово кн. Цицианова, отвечал Соломон ген. Тормасову, отдайте Лечхуми, напишите новые условия подданства и выведете войска из Кутаиси, тогда отправлю депутатов в Петербург»². Переговоры с Соломоном, таким образом, затягивались. Но эта затяжка шла, конечно, на руку царскому правительству, так как в конечном своем результате она только ослабляла силы его несговорчивого вассала и ничем не изменяла принятых решений о судьбе Имеретинского царства.

Вместо того, чтобы исполнить просьбу Соломона о выводе войсковых частей из Кутаиси (Соломон в виде протеста оставил тогда Кутаиси и проживал в Варцихе), правительство посылало в Имеретию все новые военные силы. Оно спешно приводило в порядок военную дорогу из Тбилиси в Кутаиси и Редут-Кале, всячески старалось углубить разногласия в Имеретии между царем и недовольными им феодалами, поощряло враждебные к Соломону отношения со стороны гурийского владетеля, Дадияни и мегрельских князей. Наконец, когда были собраны достаточные военные силы, оно двинуло их к Поти и при содействии гурийского и мегрельского отрядов, овладело этой крепостью в ноябре 1809 г.

«Потийская крепость, рапортовал ген. Орбелиани главноначальствующему Тормасову, нам самая нужная для выгрузки

¹ В. Чудинов. Имеретинская неурядица. Кавк. Сборник, т. XV, стр. 272, 281. В Имеретии командующим войсками был назначен ген. Орбелиани, которому запрещено было применять против Соломона силу, но применять лишь самые секретные пружины, через которые возможно было бы приблизиться к цели (Секретное предписание Гудовича 10 февраля 1809 г.). Дубровиц, т. V, стр. 253.

² Акты, т. IV, № 280. Царь Соломон был очень хорошо осведомлен о событиях, происходивших в то время в Западной Европе, о поражении России под Аустерлицем, о переписке Наполеона I с Селимом III, о трактовке Портой Тильзитского мирного договора в том смысле, что Имеретия должна быть уступлена Турции и т. д. Дубровиц, т. V, стр. 190.

провианта и безопасной его доставки по Риону в Имеретию и Мегрелию, овладев которой совершенно можно запечатать все пронырства; ныне делаемые неблагоприятными к России людьми»¹. Вскоре после взятия Поти русские военные корабли устанавливают крейсерство у берегов Черного моря от Риона до Сухуми, не допуская никаких сообщений и перевозок из Турции на восточно-черноморское побережье². В 1810 г. эскадра русской Черноморской флотилии захватывает Сухуми, что, по мнению Гормачева, делало Россию «полным властителем восточного берега Черного моря»³.

Когда подготовка и частичное завершение всех перечисленных операций благополучно окончились, царское правительство, которое находилось в это время в состоянии войны с Турцией (начатой после того, как опасность вмешательства Наполеона и его помощи Порте миновала), оказалось в Закавказье в значительно более выгодных условиях, чем было это три-четыре года назад (и даже до Тильзитского мира с Францией⁴). Имеретинский царь, который еще в 1808 г. получил от турецкого султана особые знаки расположения (саблю, коня и шубу), обещание помощи военной силой в действиях против русских, и начал уже открыто готовиться к выступлению, объявив мобилизацию (призывались по 2 человека с дыма) и вступив в соглашение с карталинскими князьями Абашидзе, теперь был не столь опасен России. Гурия и Мегрелия, владельцы которых находились в особой милости у царского правительства и во вражде с Соломоном, не могли в это время действовать заодно с Соломоном и поддержать подготовляемое им выступление. Одним из самых влиятельных и наиболее сильных феодальных князей Имеретии—Зураб Церетели, подкупленный деньгами и еще более обещаниями главноначальствующего в Грузии отдать в его управление Рачу, сам же, быть может, рассчитывавший, в случае удаления Соломона из Имеретии, занять его место, старался де-

¹ Акты, т. IV, № 515.

² Акты, т. IV, № 572.

³ Там же, № 269.

⁴ В Тильзитском трактате содержался секретный пункт, по которому Россия и Франция могли совместно оказывать давление на Турцию, если последняя не будет принимать посредничества Франции и будет продолжать враждебные действия против России.

дать все, чтобы обеспечить выполнение задуманных царским правительством планов¹.

Как развertyвались эти планы, лучше всего говорят следующие опубликованные ныне документы.

Когда Тормасов в сентябре 1809 г. получил сведения, что имеретинский царь имел свидание с царевичем Александром, прибывшим с значительными денежными суммами, он твердо решил покончить с царством Соломона зимой того же года, о чем и сообщил министру иностранных дел гр. Румянцеву². 24 сентября 1809 года Тормасов пишет командующему войсками в Имеретии ген. Орбелиани: «Я получил высочайшее решение прибавить войска на землю, управляемую владельцем, обитающим среди лесов и болот, выжить его отголь посредством силы и навсегда решить его судьбу... Сотрудник ваш (разумеется кн. Зураб Церетели) должен преклонить «к известному делу» своего племянника, рачинских князей и важнейшее духовенство, дабы иметь все в готовности, когда войдут северные орлы в царство премудрого в древности Соломона»³.

Полковнику Симоновичу 11 декабря 1809 г. Тормасов дает знать: «Я избрал вас к исполнению воли Г. И., чтобы решить судьбу имеретинского царя Соломона, достать его в наши руки непременно, какими бы то ни было мерами... С вами отправится кн. Давид Тарханов, зять Зураба Церетели, человек известный по преданности своей России и которому давно еще моим предшественником (Гудовичем) вверена тайна предположения нашего об Имеретии и ее владельце... Совершите сие кротостью, без пролития крови нам единоверных, через что исполните долг человечества и священную волю монарха и, только в случае необходимости сих мер, увидев, что «нечаянно, без дальних последствий овладеть особою, именуемой высочеством», невозможно, то разве тогда приступите к военной решимости и ищите все способы, чтобы положить конец гнездящимся уже 5 лет беспокойствам в земле, управляемой премудрым... Вам надлежит иметь партию надежную из преданных людей той земли, которые путем хитрости или нечаянным нападением могли схватить нам нужного, на что вы можете употребить и некоторую

¹ Акты, т. V, № 108. Дубровин, т. V, стр. 290 и 380.

² Акты, т. IV, № 208.

³ Акты, т. IV, № 289.

сумму... Отправляю к Вам Аслан-бека с лезгинами, которые по роду своей жизни и ремеслу будут, может быть, вам в сем случае нужны. Их же прихотить можно к усердию наиболее поволением грабить, если необходимость заставит действовать неприятельски»¹.

На ускорение операций против Соломона особенно настаивал Зураб Церетели. В письме к Тормасову, 30 декабря 1809 г., он дает такой совет: «Не нужно медлить с сим делом, ибо неприятели ждут лета, когда вас отвлекут разные дела, а они в распустившихся лесах укрепятся и затем придет Баба-хан, который говорит, что если я ношу бороду, я должен исторгнуть Грузию из под власти русских... Как уроженец здешней земли знаю, каким путем можно более привлечь здешних людей. Я стараюсь также подкупить их на верность государю любимым ими золотом»²...

В январе 1810 г. Тормасов ставит Соломону ультиматум—в течение трех дней дать аманатов, явиться в Кутаиси и просить прощения. В случае неисполнения ультиматума Тормасов угрожает Соломону «удалить его навеки от управления Имеретинским царством и лично заняться устройством судьбы имеретинского народа»³.

Когда этот ультиматум не дал желаемых результатов, и Соломон в Кутаиси не явился, Тормасов 22 февраля обнародовал прокламацию «К сословиям духовенства, князей и дворян и всей Имеретии». В ней он призывал имеретин «отвергнуть навсегда всякую зависимость» от бывшего царя Соломона, лишённого царства русским государем «и навсегда прекратить с ним всякие явные и тайные связи», иначе они навлекут на себя бедствия. «Для благоденствия вашего, добавлял Тормасов, будет учреждено временное имеретинское правление из почетного имеретинского дворянства под председательством рос. военного чиновника, кои, соображаясь с народными обычаями, будут управлять с кротостью и милосердием»⁴.

9 марта 1810 г. Тормасов получил из Имеретии от чиновника Могилевского следующий рапорт: «Дела здешних идут

¹ Там же, № 290.

² Там же, № 298.

³ Там же, № 300.

⁴ Там же, № 300.

с невероятным успехом. Варцихе и Багдади заняты, Рачинский уезд присягает. Князья все оставили несчастного царя. Только 5 человек из важных фамилий при царе, да около 40 человек дворян¹. 28 марта Симонович дополняет этот рапорт: «Остались только три крепости в руках преданных Соломону: Мухури, Сапайчаво и Чквиши, которые в блокаде². Еще раньше этого, как только взяты были русскими войсками Варцихе и Багдади, Соломон, укрывшийся сначала в Зекари, решил, наконец, сдаться и начал переговоры с Симоновичем и Могилевским³. 28 марта он под конвоем прибыл в Горы и оттуда в Тбилиси. С ним были царица, царевич Константин и приближенные. Тормасов содержал отдавшегося в его распоряжение царя, как почетного пленника, «под неприметным, но строгим караулом», отпуская ему на расходы ежемесячно 1000 р.».

Так определяют официальные документы главнейшие этапы в истории лишения императором всероссийским своего вассала его прав на Имеретинское царство. Из этих документов ясно можно усмотреть, к каким мерам прибегло царское правительство для того, чтобы достигнуть своей цели—покончить с существованием Имеретинского царства и обратить его в российскую область. Документы эти не требуют пояснений. Они великолепно подтверждают приведенную ранее чрезвычайно меткую и правдивую характеристику политики царизма, данную Энгельсом⁴.

Организацию управления в Имеретии Тормасов поручил полковнику Симоновичу. Как оно было организовано и фактически осуществлялось, об этом мы дадим подробные сведения в следующей главе. Здесь же считаем уместным кратко сообщить, какое отношение проявил имеретинский народ к введенному управлению, особенно после того, как увидел воочию, что это за управление и какие блага несло оно ему с собой.

Царское правительство рано торжествовало победу, когда подкупами, хитростью и обманом получило в свои руки царя Соломона и штыками заставило народные массы принести присягу на верность России. Представителям царизма пришлось очень скоро убедиться, что с низложением царя Соломона, зах-

¹ Там же, № 317.

² Там же, № 321.

³ Кавказ. Сборник, т. XV, стр. 303.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. XVI, т. II, стр. 7. См. начало гл. II.

ватом крепостей Имеретии и торжественной присягой изменивших Соломону князей и дворян далеко еще не сломлены народные силы и их сопротивляемость, что народ, отстаивавший в продолжении веков свою свободу и самобытность, так легко не примирится с новым видом порабощения, которое преподнесено ему под видом якобы «сообразного с народными обычаями, кроткого и милосердного» российского управления.

Началось с того, что в ночь на 11 мая 1810 г. царь Соломон сумел бежать из под ареста в Тбилиси.

Побег был организован очень умело и, несомненно, был задуман и подготавливался им с первых же дней водворения в Тбилиси. Видимо, не дремали приверженцы Соломона во время вынужденного его пленения и, готовя ему побег, организовали силы для дальнейшего сопротивления его правительству в самой Имеретии. 13 мая 1810 г. Соломон был уже в Котели (б. Ахалцихский пашалык), где его ожидал царевич Александр. К этому времени, т. е. спустя менее чем два месяца со дня введения в действие в Имеретии русского управления, народные массы ясно уже осознали, какой гнет сулит им это «кроткое» управление. Одни предписания, которые были изданы Торماسовым для поимки, во что бы то ни стало Соломона, угрозы населению военными экзекуциями за возможную связь с бежавшим царем, арест (впоследствии расстрел) в Тбилиси непосредственных виновников побега, предание за это дело суду заместителя Тормасова — барона Розена¹, снаряжение в Имеретию шайки дзегинских головорезов под начальством разбойника Асланбека, которому дано было разрешение безнаказанно грабить население, — все это должно было показать народным массам, что милостей и кротости им ожидать нечего. На этом, несомненно, сыграли приверженцы Соломона, и стоило только бывшему царю обратиться к имеретинскому народу с прокламацией, призывом к высшему духовенству, князьям и дворянам, как в Имеретии началось повсеместное стихийное восстание против оккупантов².

¹ Акты, т. IV, № 409, стр. 308 и № 455, стр. 342.

² Обращаясь к донатам, Соломон писал: «Я ожидаю от вас преданности и верности ко мне, что положите за меня ваши головы, да и родственные вам дома и соседей ваших ободрите, чтобы не погибнуть вам подобно Грузии... Когда русские успеют поработить и вас, тогда ваше положение будет еще горше и труднее, — и те, которые сегодня сулят вам во-

В июне 1810 г. отряд повстанцев численностью более чем 2000 человек, расположившись в лесах близ сел. Сакаро, при схватке с русскими войсками причинил им значительные потери. Скоро, под влиянием прокламаций Соломона, поднялись вакины и лосиатхевцы. Близ сел. Кортхти восставшие задержали отряд майора Тихоцкого численностью в 500 человек. Крепость Чхари, занятая русскими войсками, была в течение месяца блокирована. «Вся Имеретия, доносил Тормасову ген. Орбелиани, обратилась на защиту Альской дороги, преградивши оную бесчисленными завалами, засеками и засадами, не было возможности пройти все преграды и препятствия»¹.

Симонович, которому было поручено организовать управление в Имеретии, доносил Тормасову: «Дух всеобщей революции почти никого не допускал склоняться на пользы, какие кто мог бы получить от приверженности к нашей стране, и совершенно преданных нам людей, которые действием своим могли быть нам полезны, не было почти никого»². «Даже Зураб Церетели, по словам того же Симоновича, вместо того, чтобы своим влиянием на народ быть нам полезным, оставался равнодушным зрителем мятежа»³.

Восстание продолжалось четыре месяца. Чтобы подавить его, царскому правительству потребовалось значительно увеличить войсковые части в Имеретии, сменить командующего войсками (ген. Орбелиани был заменен более энергичным бар. Розеном), прибегнуть в отношении повстанцев к таким жестоко-

лото, завтра лишат вас насущного; сегодня с честью обходятся с вами, а завтра, знайте, они уронят достоинство и честь ваших семей,—качества, коими они отличаются против всяких других земель». (Акты, т. IV, № 343, стр. 268). «Если я в чем другом не служил Имеретии, взывал Соломон к народным массам, то по крайней мере известно всем, что любовью и почтением к вам сердце мое никогда не насыщалось... Будьте же уверены, что с неба-ли или с земли, но я свою жизнь должен окончить за Имеретию». (Там же. Разрядка наша, А. П.). К митрополиту Кутаели Соломон писал: «Не кладите на себя вечного позора и не губите себя подобно Грузии... Ради пребывания среди вас, в Имеретии, я должен окончить мою жизнь» (Акты, т. IV, № 344, стр. 269).

¹ Военная дорога через Сурамский перевал, соединявшая Имеретию с Восточной Грузией. Кавк. Сборник, т. XVI, стр. 248. Акты, т. IV № 389. Донесение Тормасова воен. министру 6 июля 1810 г.

² Акты, т. IV, № 436. Дубровин, т. V, стр. 325. Разрядка наша, А. П.

³ Кавк. Сборник, т. XVI, стр. 326.

стям, о которых население едва-ли имело понятие даже во время нашествия турок. Тормасов предписал Симоновичу: «Действуйте неослабно, не жалеете никаких орудий в уничтожении зла: железо, золото, силу и всякие обороты употребляйте на окончание дела»¹. Для борьбы с повстанцами, кроме регулярных войск, двинуты были в Имеретию 1000 милиционеров из тушин, пшавов и хевсур, которым специально поручалось грабить селения восставших крестьян. Симоновичу предложено было вызвать в Имеретию мегрельские и гурийские дружины, которым также разрешить грабить повстанцев «в наказание и страх другим»². Селения повстанцев, их виноградники вырубались и выжигались дотла. При подавлении восстания потери русских войск составили: убито 10 офицеров и 106 солдат, ранено 9 офицеров и 286 солдат. Потери повстанцев были в несколько раз больше. Повстанцы сражались почти без огнестрельного оружия, у них не было артиллерии. Только у лезгинских отрядов и турецких солдат, которых Шериф-паша Ахалцихский прислал в помощь Соломону, было более или менее сносное вооружение³.

Стихийному крайне единодушному восстанию народных масс Имеретии была придана известная организованность. Эти массы довольно умело использовали в своих целях царь Соломон и стоявшая за ним партия феодалов. На знамени повстанцев объединяющим лозунгом было — требование о возвращении в Имеретию царем Соломона, уничтожение русского правления⁴. Но сказать, что народ имеретинский поголовно восстал тогда исключительно потому, что низвергнутый с престола Соломон призвал своих подданных вступить за его попранные права, бы-

¹ Акты, т. IV, № 427. Разрядка наша, А. П.

² Кавказ. Сборник, т. XVI, стр. 237—247, 254.

³ Донесение Тормасова воен. министру 13 окт. 1810 г. Акты, т. IV, № 439, стр. 331. Кавк. Сборник, т. XVI, стр. 326, 359, 357.

⁴ Рапорт Симоновича Тормасову 7 июля 1810 г. с изложением причин восстания согласно показаний митрополитов Кутатели и Генатели. Кавк. Сбор., т. XV, стр. 323—324. Царевич Александр об этом восстании писал: «Бог призрел на нас и счастье дома нашего началось... От паши (ахалцихского) и от нас отправлены во все стороны вестники и письма» (Акты, т. IV, № 340, стр. 265). Соломон в письме к митрополиту Генатели вызвал: «Сердце мое решительно убедилось, что меня хотели отправить в Россию, тогда его объяло огонь разлуки... с Имеретией навски...» (там же, № 342, стр. 267).

ло бы, конечно, большим заблуждением, если даже учесть всю популярность Соломона и то благоговейное почитание, которым окружена была его особа в народных массах. Недаром царский историк Дубровин в своей «История войны и владычества русских на Кавказе» должен был признать, что не прокламации Соломона, а «недовольство имеретин временным правительством бросило народ в объятия Соломона»¹. В самом деле, слишком разительны были факты произвола, насилия и всякого рода притеснений, которые извещал народ с первых же дней оккупации Имеретии русскими войсками, слишком тяжелым было для него то ярмо, которое ожидало его в дальнейшем и которое в польюй силе испытала на себе соседняя Грузия с 1801 г. (На убедительный пример Грузии, на крайне-тяжелое ее положение под ярмом России Соломон особенно настойчиво обращал внимание имеретия в рассматриваемых им прокламациях²).

Стихийное сопротивление народа, несмотря на полное единодушие, не могло, конечно, устоять против артиллерии и энергичных действий русских войск, особенно когда последним удалось разбить сражавшиеся на стороне Соломона отряды ахалцихского паша и царю Соломону не оставалось никакого исхода, как скрыться в пределы Турции. Под натиском штыков и пушек, под угрозой жестоких кар, наблюдая как представители феодальной знати один за другим переходили на сторону царского правительства и складывали оружие, народ должен был оставить сопротивление и принести истребованную от него новую присягу на верноподданство. К середине осени 1810 г. в Имеретии было водворено спокойствие. Для охраны порядка военной силой Симонович признал необходимым укрепить Кутаиси и Шорапани и усилить там войсковые части. Было даже намерение выселить часть имеретин на Кавказскую линию и заменить ими часть линейных казаков, но к этой мере, которую проектировал Тормасов, прибегнуть уже не пришлось³.

«Решивший судьбу царства Имеретинского» и настроенный крайне воинственно ген. Тормасов вскоре после этого просил Александра I освободить его от должности главноначальствующего-

¹ Дубровин, т. V, стр. 325. Разрядка наша, А. П.

² Акты, т. IV, № 343, стр. 268 и др.

³ Кавк. Сборн., т. XVI, стр. 273—75.

щего в Грузии и перевести в действовавшую армию в начавшейся войне России с Францией. Он был заменен в должности главноначальствующего маркизом Пауллуччи. С Турцией тогда Россия спешно заключила в Бухаресте мир, уступив ей крепости Поты, Ахалкалаки, Анапу и занятые в Ахадских пашалыке земли¹.

Подавив восстание в Имеретии в 1810 г., царское правительство занялось устройением новой, присоединенной к империи, но уже не на основании трактата о подданстве, а завоеванной силою оружия области. Первоначальные предположения Тормасова об издании Александром I торжественного манифеста о присоединении Имеретии к России, аналогичного манифесту о присоединении Грузии (12 сент. 1801 г.), о чем тот дважды писал гр. Румянцеву (Акты, т. IV, № 330 и № 480), не встретили одобрения в Петербурге. Имеретия считалась российской провинцией, занятой военной силой. При этом встал вопрос о Гурии, которую Цицианов трактовал, как составную часть Имеретии и присоединение которой к России не было поэтому оформлено каким-либо особым актом с ее владельцем.

Во время операций русских войск при взятии Поты гурийские отряды оказали русским войскам существенную помощь. Во время же имеретинского восстания владелец Гурии не только не поддерживал царя Соломона, но даже содействовал локализации восстания, чем также оказал несомненные услуги царскому правительству. Отмечая эти услуги, Александр I счел, наконец, нужным ответить, на поданное еще 16 марта 1810 г. прошение Мамии Гуриели о том, чтобы «не лишать ни его, ни потомство его вечно Гурийского владения» и разрешить вопрос о Гурии. Ходатайство Мамии Гуриели было удовлетворено. Гурия выделялась из Имеретии, как самостоятельное владительство и включалась в состав Российской империи на правах особого вассального княжества. Владелец ее 8 апреля 1811 г. был «удостоен» знаками инвеституры (орден Анны I степени, сабля и знамя с гербом) и грамотой Александра I, по которой поручалось Гуриели, «управлять гурийским народом с кротостью и правосудием»².

¹ Акты, т. IV, № 59. Дубровин, т. V, стр. 416—418.

² Акты, т. IV, №№ 597, 588, 602, 607. Интересны между прочим следующие обещания Александра I в грамоте 11 апр. 1810 г. «Включая Вас и дом Ваш и всех гуриеловского владения жителей в число наших верноподдан-

Столь «милостивое» отношение со стороны императора России к владетелю Гурии и предоставление последней автономии вызывалось не только соображениями признательности за оказанные услуги. До Бухарестского мира России с Турцией военные действия между ними на азиатском фронте не прекращались. Турция все еще намеревалась использовать укрывшегося в Ахалцихе царя Соломона для диверсии против России. Сам Соломон в это время отправил в Константинополь посольство с просьбой подкрепить его войсками. Посольство было принято благосклонно. Соломону обещано, что войска будут отправлены из Батуми и Ахалцихе. Одновременно Турция вела переговоры с Гуриели об уступке ей укрепленных пунктов Бамлети и Гурианта. В своем фирмане султан писал, что он намерен послать войска, чтобы «вынуть жилы московских войск и выручить захваченные ими земли». Сановники высокой державы, дополнял он, в настоящем году, засучив рукава возможности, со всех сторон с громадной армией двинутся против гяуров». Мамия Гуриели не поверил на этот раз султану. Он оказался верным вассалом рос. императора и не только не пошел на соглашение с султаном, но переслал Симоновичу фирман султана и др. компрометирующие Соломона и бежавших с ним имеретинских князей документы. Полезность такого преданного вассального владельца, без сомнения, учитывалась в Петербурге, тем более, что в отношении всех феодалов Гурии у царского правительства не было еще твердой уверенности не только в их расположении к России, но и в простой лояльности. Следить за князьями Гурии лучше всего мог, конечно, облеченный прерогативами владетельного князя верный рос. императору Гуриели, которому обещана в этом деле необходимая со стороны России помощь¹. В Гурии с этой целью содержался небольшой отряд русских войск. Сам же владетельный князь Гуриели был поставлен под бдительный надзор начальника имеретинской области, и главноначальствующий в Грузии в ранге своих подчиненных рассматривал его не выше, чем уездного начальника, пользовавшегося лишь титулом «светлости» и наследственно присвоенной властью².

ных, обещаем Вам и преемникам Вашим нашу императорскую милость и благоволение, на вечные времена нерушимо все статьи подписанные нами». Акты, т. IV, № 607.

¹ Дубровин, т. V, стр. 397—403; Акты, т. V, №№ 132, 133, 134.

² Акты, т. VI, т. I № 964, 976 и др.

Дарованная царским правительством Гурийскому владельчеству в 1810 г. «автономия» недолго продолжала свое существование. Ее можно было бы назвать «персональной», так как фактически царское правительство нарушило владельческие права Гуриели тотчас после смерти кн. Мамии Гуриели. Случилось это в связи с последующими событиями во внешней политике России, которые получили свое отражение и в судьбе закавказских провинций, в частности Имеретии и Гурии.

Нужно заметить, что Бухарестский мирный трактат с Турцией, согласно которому Россия возвращала Порте всю занятую ею в Азии территорию, за исключением земель, «на которые Турция заявляла лишь словесные притязания» (разумелись Имеретия, Мегрелия, Абхазия), был составлен в такой растяжимой формулировке, что Порта еще рассчитывала, что при более удачной политической конъюнктуре (в случае, например, победы Наполеона над Россией, когда в Закавказье очень осложнилось ее положение в виду начавшегося кахетинского восстания и военных действий с Ираном), она даже дипломатическим путем сумеет добиться восстановления своих сюзеренных прав над Западной Грузией. Вместе с этим Турция не прочь была прибегнуть к диверсионным операциям. Эмиссары Порты с этой целью появлялись и в Мегрелии, и в Гурии, и в Абхазии. Эрзерумский сераскир Ахмед-паша предъявил главноначальствующему в Грузии Ртищеву (сменившему Паулуччи) прямое требование о возврате Турции княжеств Гурийского, Мегрельского, Имеретии и крепостей в Западной Грузии¹. Проживавший в это время в Эрзеруме б. царь имеретинский Соломон обратился с воззванием к населению Грузии, в котором писал: «Мы вот по милости великого государя (султана) с несчетными войсками вступили в Имеретию, наши сторонники тоже к вам придут с божьей помощью. Ведь мы имеем не одно имеретинское дело. А так как вы столько обязываете Багратионов и проливаете за них кровь, то мы желаем и нашу кровь смешать с вашей доброй кровью. Вот мы уже прибыли с несчетными войсками: с той стороны царевич Александр, с этой мы»².

Крайне тяжелое в то время положение России, когда древняя столица ее—Москва была в руках Наполеона, придавало

¹ Акты, т. V, № 589, 940.

² Там же, № 257. Цит. по Дубровину, т. VI, стр. 33 «С той стороны», т. е. со стороны Ирана, «с этой»—со стороны Турции, А. П.

смелость не только Порте и Ирану, имевшим с Россией большие счета (последнему в это время усилению помогала союзница России—Англия), но и несложившему еще оружия в борьбе за восстановление Карталино-Кахетинского царства царевичу Александру и поддерживавшей его партии. И царевич Александр, и царь Соломон окрылялись тогда себя надеждой, что настал удобный момент завершить начатое ими дело по изгнанию из Вост. Грузии и Имеретии русских. Царевич предъявил даже ультиматум Ртищеву, что если тот к исходу августа 1812 г. не согласится на уступку Грузии, то он объявит ему войну¹.

Поражение Наполеона и триумф русского народа над полчищами Франции сделали эфемерными указанные надежды. Порта, не добившись ничего дипломатическими переговорами, должна была покориться своей участи. «Россия, писал царский резидент в Константинополе, представлялась ей странником, от которого ничто не может обещать ей заступления»². Иранские войска также скоро были окончательно разбиты при Асландузе, и шахское правительство вынуждено было заключить с Россией мир на условиях продиктованного в Гюлистане договора. (По этому договору к России окончательно присоединились: ханства Карабахское, Шекинское, Ширванское, Кубинское, Дербентское, Бакинское и Талышинское. Кроме того, Иран признавал владения России в Закавказье Грузию, Имеретию и Мегрелию³). «Мир с Персией, говорилось в изданном по этому случаю манифесте Александра I, оградил спокойствием и безопасностью восточные пределы России». «Он был заключен в час решительный, когда Европа увидела новую судьбу свою и единодушие сие увенчалось победою»⁴.

Изменившиеся отношения к России Порты и Ирана должны были бы подсказать ориентировавшимся на эти державы царевичу Александру и Соломону, что вырвать из рук России Грузию и Имеретию теперь для них дело еще более безнадежное. Соломон, действительно, скоро складывает оружие. Он умер в Трапезонде 7 января 1815 г. Но царевич Александр продолжает

¹ Акты, т. V, № 473 и 908. Цит. по Дубровину, т. VI, стр. 143. и след.

² Акты, т. V, № 949.

³ Об юридических основаниях упоминания в Гюлистанском трактате Грузии, Имеретии и Мегрелии даются сведения у Авалова «Присоединение Грузии к России», стр. 267 примеч.

⁴ Дубровин, т. VI, стр. 129.

еще борьбу, изменяя лишь фронты ее и используя все благоприятные для нее обстоятельства, как во внутренней жизни присоединенных к России отдельных провинций Закавказья (в том числе Имеретии), так и внешне-политические осложнения России на Ирано-Турецкой границе и в Дагестане.

Царскому правительству приходилось поэтому быть еще настороже и увеличивать в Закавказье свои военные силы. В конце 1814 г. кобулетцы вторглись в Гурию, разграбили Озургети и напали даже на прибрежную Мегрелию (Редут-Кале). В июне 1815 г. эрзерумский сераскир Селим-паша подошел к самым границам Имеретии со стороны Ахалцихе¹. Внутри закавказских провинций росло глубокое недовольство жестокими методами военной оккупации. Назначенный в 1816 г. (на место Ртищева) главноначальствующим в Грузии ген. Ермолов должен был открыто признать, что хотя «владения России широко расширились в Закавказье, но для умиротворения края, для внушения туземному населению доверия к русскому правительству сделано было мало. Спокойствия и безопасности не было даже внутри Карталинии, где находился Тбилиси—сердце всего Закавказья... Со стороны Черного моря Гурию беспокоили аджары и кобулетцы, на Абхазию нападали убыхи... Поселянин, окончив свои труды, должен был всю ночь стеречь порог своего дома и спать с ружьем в изголовье. Даже князей и дворян не всегда спасали их крепкие замки, куда запирались они с заходом солнца»².

В каком положении была в это время Имеретия, об этом лучше всего говорит следующий рапорт того же Ермолова Александру I. «В 1812 г.,—писал он,—в Имеретии свирепствовала сильная зараза и столь ужасный голод, что отцы за кусок хлеба продавали детей своих в вечное рабство, а отчаявшиеся матери кидали в лесах и по дорогам истощенных от голода младенцев своих...» Даже спустя пять лет после постигшего Имеретию в 1811—1812 гг. бедствия она не могла залечить нанесенные ей раны «от нашествия неприятеля, внутреннего мятежа, неожиданного наводнения, голода и моровой язвы»... «Голод и язва истребили почти треть ее жителей, больше другой трети

¹ Там же, стр. 139—143.

² Ермолов. Письмо к Аракчеву. Утверждение рус. владычества на Кавказе, т. III, ч. II, стр. 443, 475.

удалились для пропитания своего в соседние турецкие владения и рассеялись по разным местам Грузии». Возвратившиеся на свои места «нашли дома, сады и др. заведения или истребленными или запустевшими. Впрочем, те из поселян, кои не оставляли своих мест, едва достигли теперь такого состояния, что могут удовлетворять семейства свои одним только необходимым»¹...

Когда в 1819 г. царское правительство решило проводить в Имеретии церковную реформу, и методы проведения ее были настолько грубы, так задевали национальные чувства населения, что последнее не выдержало, тем более, что предшествующая реформе перепись приходов и духовенства была истолкована народом враждебно настроенными к России имеретинскими феодалами, как преддверие предстоящего нового увеличения налогов. Несмотря на отчаянное экономическое положение, в каком находился имеретинский народ после бедствий 1810—1812 г., имеретинцы подняли повсеместное стихийное восстание, которое охватило всю страну, имело свои отзвуки в Гурии, Мегрелии, Абхазии и, в конечном результате, после жестокого подавления царскими войсками, еще более ее разорило.

«Дух мятежа всеобщий, писал начальник Имеретии ген. Ермолову, Гурия и Мегрелия готовятся действовать заодно с имеретинцами, а имеретинцы под рукой спокойно сносятся с Абхазией и Турцией»².

Стихийное восстание имеретинского народа, начавшееся в 1819 г. под знаменем протеста против колониального гнета царизма и использованное также крестьянами с целью одновременно освободиться от непомерно тяжелых повинностей помещикам³, после того как Ермоловым были приняты жестокие меры против представителей высшего имеретинского духовенства, разрослось еще более. Но восстание это очень скоро было использовано феодальной знатью Имеретии в своих целях. Последняя решила, что настал удобный момент свергнуть русское управление и восстановить Имеретинское царство. В 1820 г. восстание, не без содействия Турции, приняло такие грозные размеры, что царскому правительству пришлось мобилизовать для

¹ Акты, т. VI, ч. I, № 733. Рапорт Ермолова Александру I от 24.II.1817 г. № 29.

² Утверждение рус. владыч. на Кавказе, т. III, ч. 2, стр. 505.

³ Акты, т. VI, ч. I, № 773. Рапорт ген. Сысоева 27 августа 1819 г. 5. მასალები საქ. და კავკ. ისტორიისათვის, 1942 წ. ნაკვ. I.

его подавления почти все военные силы, расположенные в Грузии.

Повстанцы намеревались уже захватить в свои руки Кутаиси, прервали сообщение Имеретии с Грузией. В Гурии был наголову разбит русский военный отряд под командой Згорельского. Гурийцы заняли Чаладиди и принудили русские войска отступить к Рионской пристани, в Мегрелии брат владельца Георгий Дадияни занял военную дорогу на Редут-Кале и не пропускал ни войск, ни транспортов. В Гурии был убит начальник Имеретии полк. Пузыревский¹. В руководстве восстанием на этот раз принял непосредственное участие царевич Александр, находившийся в это время в Хертвиси (б. Ахалцихский пашалык). Как кандидат на имеретинский престол, в случае удачи восстания, он имел за собой большинство дворян, князей и духовенства, но поставил условием своего согласия, чтобы в решении вопроса о возведении его на царский престол приняли участие «все знатнейшие сословия, духовенство и соселние владельцы Имеретии»².

Восстание было жестоко подавлено. Приказы Ермолова по Кавказскому корпусу являются красноречивым свидетельством тому неистовому зверству, которое применялось высшим командованием в отношении участников восстания³. Насколько жестоки были приняты правительством меры и как была усмирительными разорена страна, лучше всего показывают следующие слова ген. Вельяминова после учиненной им кровавой расправы над Гурией: «Едва ли не в тридцать лет, писал он, могут (сожженные и уничтоженные) сады (ее) пригги в прежнее состояние. Нищета крайняя будет жителям казнию»⁴.

Ближайшее участие Гурии в имеретинском восстании 1819—20 г., пограничное положение ее с Турцией и возможность близкой войны России с последней, вследствие агрессив-

¹ Утверждение рус. влад. на Кавказе, т. III, ч. II, стр. 508—523.

² Там же, стр. 507.

³ 28 апр. 1820 г. Ермолов издал такой приказ, в котором говорилось: «Товарищи! не оставьте камня на камне в сем убежище злодеев; ни одного живого не оставьте из его (Кайхосро Гуриели) гнусных сообщников». «Всех взятых с оружием в руках и тех, кои спасаясь захвачены будут, наказывать смертью на самом месте преступления... Тех, кто послаемы будут мятежниками для возмущения жителей лишать жизни через повешение». Там же, стр. 517 и 520.

⁴ Там же, стр. 531—532.

ных намерений царизма на Ближнем Востоке после Венского конгресса¹, заставили царское правительство очень скоро изменить свое благосклонное отношение к гурийскому владельцу и принять меры к постепенной ликвидации автономии Гурии.

В 1818 г., т. е. через восемь лет после утверждения Мамия Гуриели во владетельских правах, начальник Имеретии ген. Курнатовский доносил заместителю Ермолова ген. Вельяминову: «Заметил я, что владелец Гурии... не удовлетворяет, как должно своим обязанностям по выполнению разных требований правительства и по внутреннему устройству своего владения». Ермолов же определенно сомневался в преданности Мамия Гуриели России и откровенно не скрывал своего негодования по поводу допущенной владельцем Гурии слабости в отношении феодальной знати страны, участвовавшей в Имеретинском восстании².

Когда Мамия Гуриели умер (21 сентября 1826 г.) и оставил после себя наследником малолетнего сына Давида, все князья и дворяне Гурии принесли последнему присягу на верность, а до его совершеннолетия—матери Давида—кн. Софье, как правительнице страны. Этим обстоятельством не замедлило воспользоваться царское правительство, чтобы еще более сузить права владетеля Гурии. При правительнице Гурии Ермолов учредил «Совет управления княжества Гурийского» из шести членов, назначив в него особо преданных России гурийских князей. Совет этот, во всем ограничивавший прерогативы правительницы, был поставлен «под апелляцию» начальника Имеретинской области³. На протесты княгини Софии не было обращено никакого внимания. В результате—обида правительницы на царское правительство и перемена ориентации ее в сторону врага России—Турции.

В 1827 году, когда Ермолова сменил граф Паскевич и не сегодня—завтра должна была начаться война России с Турцией, в Гурию, для исследования положения, был послан кн. Палавандов. Он донес, что там беспокойно, что кн. Софья получила от турецкого султана фирман, согласно которого последний принял Гурию под свое покровительство и прислал уже знаки

¹ Лависс и Рамбо, т. III, стр. 166—170.

² Акты, т. VI, ч. I, №№ 964, 966, 976. Утверждение рус. владычества на Кавказе, т. III, ч. II, стр. 534.

³ Акты, т. VI, ч. I, №№ 989, 991 и 992.

инвеституры малолетнему Давиду Гуриели¹. Это обстоятельство дало основание царскому правительству окончательно оккупировать Гурию. Туда был направлен сильный военный отряд под командой ген. Гессе, которому предложено учредить в Гурии «временное правление под председательством русского штаб-офицера». В виду того, что правительница Гурии, как только вступили туда русские войска, сочла более безопасным для себя бежать вместе с наследником в пределы Турции, царское правительство, соблюдая декорум легитимизма, предложило «временному правлению Гурии» чинить суд и расправу именем «правителя Гурии—Давида, пока он не возвратится из Турции и впредь до его совершеннолетия². Когда же выяснилось, что Давид Гуриели возвращаться не намерен, а русско-турецкая война в это время завершилась полным разгромом Турции и заключением позорного для нее Адрианопольского мира, установленное в Гурии «временное правление» с 1830 г. стало учреждением постоянным и заменило владетельскую власть, просуществовав там до самой реформы гражданского управления в Закавказье по закону 10 апреля 1840 г.³

Так закончилось свои дни вассальное владительство Гурийское, пережившее царство Имеретинское на семнадцать лет и испытавшее ту же судьбу, какую готовила царская Россия—тюрьма народов всем включаемым в империю провинциям, присоединяемым, как по праву войны, так и на основании добровольного жёлания принять подданство царизма.

Царские заверения, торжественные трактаты, гарантии «на вечные времена» прав владетелей присоединяемых к России Закавказских провинций уже в 1817—20 г., при ген. Ермолове, были признаны не чем иным, как «уступками вырванными у царизма в дни его слабости». «Необходимость вырвала у Цицианова в пользу ханов трактаты снисходительные», писал Ермолов Александру I. «Они противны пользам нашим, отяготительны для народа и не согласны с намерениями рос. императора». «Трудно будет или даже невозможно удержаться нам в Мегрелии, Гурии и Имеретии, если некоторое время сохра-

¹ Акты, т. VII, №№ 346, 350.

² Там же, № 357—359.

³ Там же, № 364. Иваненко, стр. 255—260.

ним их только в зависимости», так доказывал он министру иностранных дел Нессельроде необходимость уничтожения вассальных владений в Закавказье¹.

Царизм не знал и не признавал иных методов управления, как гнет и удручение народных масс. Эти приемы он считал единственно надежным и обеспечивающими торжество его политики.

¹ Акты, т. VI, ч. I, № 932, 1264.

Прокламацией Торماسова, обнародованной в Кутаиси 22 февраля 1810 г., населению Имеретии было объявлено, что царь ее Соломон II российским императором лишен престола, всякие сношения с ним жителей воспрещены, и что в Имеретии «для благоденствия народа будет учреждено временное имеретинское правление из почетного имеретинского дворянства под председательством российского военного чиновника, которые, сообразуясь с народными обычаями, будут управлять с кротостью и милосердием»¹. Организацию этого управления Тормасов поручил одному из энергичных и знающих тогдашнюю обстановку в Имеретии штаб-офицеру, принимавшему непосредственное участие в «ликвидации Имеретинского царства», полковнику Симоновичу. Ему же доверено было возглавить первое, «временное имеретинское правление».

Еще до низложения царя Соломона в канцелярии главноначальствующего в Грузии и, надо полагать, не без согласования с петербургским кабинетом министров было заготовлено «постановление об образовании внутренней Имеретинской области управления». По существу положение это было несколько видоизмененным в сторону упрощения и соответственного приспособления к изменившимся обстоятельствам положения об управлении Грузией, утвержденного 12 сентября 1801 г. и озаглавленного «Постановление внутреннего в Грузии управления»². Областное управление в Имеретии, подобно «верховному грузинскому правительству», делилось на экспедиции: исполнительную, казенную, суда и расправы (по уголовным и гражданским делам) и имело, кроме того, общее собрание названных экспедиций, которое должно рассматривать жалобы на действия экспедиций. Экспедиции в своей деятельности должны были руководиться русскими законами: исполнительная — положением о губернских правлениях, казенная — положением для казенных палат, суда и расправы — для дел уголовных — законами об уголов-

¹ Акты, т. IV, № 300.

² Акты, т. I, № 550. См. приложение № 1 к настоящему исследованию.

ной палате, для дел гражданских—местными обычаями и законами. В каждой экспедиции полагался один советник из русских чиновников и два по выбору из местных князей и дворян. Рекомендовалось в производстве дел «приказного порядка» не держаться, лишь бы не пострадало существо дела. Управляющий Имеретией являлся главным блюстителем всего порядка и должного производства дел в экспедициях. Общее собрание областного управления составляли все члены трех его экспедиций под председательством управляющего областью. Ему были подсудны все дела по искам свыше 1000 руб.

«Постановление об образовании внутреннего Имеретинской области управления» было утверждено Александром I. При этом, как в свое время при введении «российского управления» в царстве Карталино-Кахетинском, (когда главными действующими лицами были Кнорринг и Ковалевский), составители проекта «временного положения» об управлении Имеретинской областью предусмотрели и «церемониал открытия» этого управления и разработали специальные «наставления» главноначальствующего в Грузии о работе экспедиций областному «маршалу (предводителю дворянства) и т. д.

Но ввести в действие этот своеобразный продукт бюрократического творчества, в виду наступивших в Имеретии в 1810—1811 г. событий, о которых нам пришлось уже говорить, не удалось¹. Сам Симонович находил это положение крайне громоздким, непригодным к понятиям населения и потому уже не жизненным. Взамен этого положения Симонович и близко стоявший к нему «в деле проведения ликвидации Имеретинского царства» кн. Зураб Церетели составили свой проект управления Имеретией, который фактически и стали применять, как только Соломон II покинул страну и был водворен под домашним арестом в Тбилиси.

По этому проекту Имеретинская область должна была управляться на следующих основаниях. Область делилась на четыре округа: Кутаисский, Рачинский, Чхерский и Багдадский².

¹ Акты, т. IV, № 325, стр. 255—268.

² К Кутаисскому относились г. Кутаиси, Ваке, Джихайпи, Самикелао, Сачлао, Хони, Ципис-каца, Окриба, Симонети, Чхари, Мухури и Аргвети; к Рачинскому—вся Рача, Чквиши, все осетинские селения и сванетское селение Ушқули; к Чхерскому—Кацхи, Цирквали, Саперетло, Свери, Чхери, Лоснатхеви; к Багдадскому—Свири, Зегани, Хани, Багдади, Сабристо, Сачино, Сапайчао, Саджевахо и вся левая сторона по рекам Риону и Квиризе. Акты, т. IV, стр. 256—257.

Во главе области был управляющий или начальник. При нем учреждался «диван». Управляющий вместе с «диваном» составляли «временное правительство Имеретии». В диване заседали: сахл-хуцес, он же начальник дивана, прокурор, четыре диванбега, четыре дивана, один бокаул-хуцес, один мегвинет-хуцес, один хабаз-хуцес, два хевис-тави, один секретарь русский, один русский казначей и полагалось три переводчика. В округах управляли: в каждом окружном начальнике из русских военных чиновников и при нем два помощника из местных князей или дворян; при окружном начальнике полагался один переводчик и два писмоводителя. В селениях, расположенных в б. царских вотчинах, сохранялись моуравы, бывшие при царе Соломоне. Все перечисленные должностные лица, за исключением проживавших в Кутаиси, которым полагалось определенное жалованье, получали содержание на тех же основаниях, как и при царе Соломоне. По проекту они должны были отчислять в свою пользу по каждому находившемуся в их производстве делу или иску определенную часть взыскания или же часть поступающих в казну доходов с земель, оброчных и др. статей. Правительство Имеретии обладало всей полнотой власти и могло выносить всякие решения, до области относящиеся, исключая смертной казни. В сконструированном по этой схеме правительстве проектировалось иметь по два представителя по назначению владельцев Мегрелии и Гурии, от каждого из названных владений «для связи и по взаимным делам». С своей стороны в те же владения Имеретинское временное правление посылало своих представителей—по одному в Мегрелию и Гурию.

В числе ближайших своих задач временное правление (или, как оно именовало себя «правительство») ставило: 1) разбор жалоб обиженных царем Соломоном князей и возвращение им отнятых у них имений, 2) относительно крестьян предполагало—ограничить над ними власть помещиков воспрещением последним: а) продавать своих крепостных по одиночке и за пределы Имеретии (разрешалась продажа только целыми семьями и с утверждения правления) и б) лишать крестьян разработанных ими из под леса пространств пахотных мест. Кроме того, проектировалось увеличение крестьянского землепользования путем предоставления крестьянам части поступивших в казенное ведомство бывших царских вотчин и уделов.

В составлении этого проекта, как уже сказано выше, большое участие принимал кн. Зураб Церетели, имевший, несомненно, личные свои цели в отношении будущих судеб Имеретии. Так, проект предусматривал, что по сохраняемой Церетели должности сахлт-хуцеса он будет фактически начальником «дивана», т. е. правительства Имеретии. Имея же в виду получить в свое непосредственное управление Рачинский округ, он включил в него Чквиши (из Лечхуми), все осетинские селения Имеретии и даже сванетское селение Ушкули (из Лечхуми). Кн. Церетели же, несомненно, нужно приписать стремление сохранить в положении об управлении Имеретией, как почти все-существовавшие при царе Соломоне должности с правами членов «дивана», так и порядок оплаты их за исполнение возложенных обязанностей.

«Для большего сближения с обычаями земли и чтобы лучше приспособить учреждения к народным понятиям,—говорилось в специально разработанных Симоновичем и Церетели правилах, согласно которым предполагалось вводить временное правление Имеретинской области,—не бесполезно было бы оставить важнейшие должности, которые были при царях и сохранить самые названия чинов, к которым народ привык: 1) сахлт-хуцес, 2) бокаул-хуцес, 3) дивал-беги, 4) дивани и 5) хевистави», из них первые четыре должности на жалованьи, а последняя с оплатой в размере одной пятой части из взыскиваемых исполняющим эту должность сумм с раскрытых им хищений и обнаруженных воров. Предполагалось также сохранить трех сардарей для заведывания милицией, дав им чины русских полковников и жалованье от казны.

Изложенные предположения Симоновича и Церетели об организации управления Имеретией были в основном одобрены Горьмазовым 10 июня 1810 г.¹ Но следует отметить, что из приведенных предположений о задачах вводимого управления не все оказались одинаково приемлемы для царизма. В период захвата Закавказья царизм отражал интересы дворянско-феодальной России. Его классовая природа заставляла искать опору себе в феодалах местных государственных образований. Для это-

¹ Акты, т. IV, № 364, стр. 286 и № 244. Должности и названия, писал Горьмазов Симоновичу, сохранить: сахлт-хуцес и первый по управляющему—Зураб Церетели, бокаул-хуцес—Вахушти Церетели. Так после изложения Соломона управление Имеретией фактически оказалось в руках Зураба Церетели.

го царизм стремился по возможности скорее закрепить за местными феодалами права и привилегии по отношению к угнетаемым ими сословиям, чтобы местное дворянство стало в ряды «российского благородного сословия» и тем содействовало бы осуществлению задач царизма. Если царское правительство попутно уделяет известное внимание крестьянству, вопросам землеустройства и землепользования, отношений крестьян к помещикам, то делает это оно или в целях фиска, или в целях дарования тому же местному дворянству еще более твердых прав на крестьянский труд и эксплуатацию им крестьянства на основе «незыблемых законов» Российской империи.

Понятно поэтому, что на предположения составителей проекта о задачах управления Имеретинской областью и некоторых ограничениях помещичьих прав Гормасов отвечает: «права, которые князья и дворяне Имеретии имеют над своими верно-подданными, нужно предоставить им в полной силе, кроме продажи людей магометанам и др. народам». Власти князей и дворян над подданными в продаже людей семействами или по одиночке ограничивать не нужно по бедности помещиков, но чтобы продажа в «Имеретию, также в Гурию, Мегрелию и Грузию (происходила) с утверждения правительства»¹.

Заботливость царизма об обеспечении интересов первенствующего сословия Имеретии и укомплектование организованного «дивана» исключительно почти родственными и единомышленниками Зураба Церетели повели к тому, что не успело сконструированное по проекту Симоновича и Церетели областное Имеретинское правительство приступить к работе, как в стране началось массовое выступление крестьянства и обиженной части дворянства, что и поспешило использовать в своих целях бежавший в то время из-под ареста в Тбилиси б. царь Соломон и его приверженцы. Распространившийся по всей Имеретии восстание под знаменем восстановления в ней власти царя Соломона, продолжавшееся почти четыре месяца, приостановило начатую Симоновичем и Церетели работу по организации «временного областного правления в Имеретии». В течение этого периода в стране диктаторски распоряжались облеченные неограниченными полномочиями командующие войсками в Имеретии (сначала ген. Орбелиани, затем сменивший его Розен) и находившийся в подчинении у них, произведенный также в генералы, Симонович.

¹ Акты, т. IV, № 364, стр. 286.

После подавления восстания тот же Симонович, продолжавший считаться управляющим Имеретией, представил Тормасову новый «упрощенный» проект управления «завоеванной» областью, который и был утвержден 21 января 1811 г. В этом проекте многое из положений первоначального проекта, особенно в отношении сохранения должностей, существовавших при царе Соломоне, отпало. Подавив восстание и выяснив более позиции, которые занимал во всем этом деле кн. Зураб Церетели¹, Тормасов не так уже считался с его «мудрыми советами». Об этом, между прочим, ясно свидетельствуют опубликованные в Актах Кав. Арх. Комиссии документы под заглавием «Записка об Имеретинском правлении кн. Зураба Церетели» и замечания на нее ген. Тормасова².

В утвержденном положении нет должностей «моурава» в г. Кутаиси, мамасахлиса, получавших содержание в размере определенных натуральных и денежных отчислений с привозимых в город товаров и т. п. «Вместо моурава,—пишет Тормасов,—комендант, вместо мамасахлиса—помощник коменданта—будут получать жалованье и никаких поборов с жителей»³. Выборными от местных дворян и князей сохранялись мдиванбеги в диване, областной маршал дворянства и помощники окружных начальников.

«Простота и краткость форм делопроизводства, участие в управлении имеретинских князей и дворян в качестве совещательных органов, отсутствие апелляционной инстанции и ревизии сената и надзор окружных начальников за моуравами—таковы основные черты введенного, наконец, временного положения об управлении Имеретинской областью», как характеризует этот статут царский историк Иваненко⁴. Но нужно поближе познакомиться с тем, что делалось в то время в Имеретии, чтобы видеть, что фактически скрывалось под столь прельщавшими царского историка особенностями «временного» положения об управлении Имеретией.

¹ Об этом подробно сказано у Дубровина, т. V, стр. 388—389.

² Акты, т. IV, № 500. Тормасов писал, между прочим, Симоновичу, «до времени его (Зураба Церетели) уважать и ласкать... чтобы поселить к нему недоверие других сильных в Имеретии фамилий и чрез него ослабить его партию». Там же, № 457.

³ Там же, № 500, стр. 878.

⁴ Утверждение рус. владычества на Кавказе, т. XII, Тифлис, 1901 г., стр. 71.

После жесточайших репрессий над повстанцами, «когда целые селения с саклями и садами преданы были огню»,¹ жители разбежались по лесам, и у всех «важных и знатных» фамилий были взяты заложники (аманаты), которые содержались под строжайшим надзором, в присоединенной к России новой области наступило временно спокойствие могилы. Это спокойствие поразило даже Симоновича. В своем рапорте Гормасову 24 января 1811 г. он, ходатайствуя об отмене высылки в Сибирь участников подавленного восстания, пишет: «Дикари, едва только начинающие узнавать нас и мириться с нами за потерю прежнего правительства все от нас отклоняются, мы лишимся навсегда их доверенности и они хотя будут нас бояться, но любить никогда не будут»².

Напрасно царское правительство старалось денежными и другими наградами привлечь на свою сторону оставшихся ему верными представителей духовенства, князей и дворян, а также потерпевших во время восстания за отказ активно участвовать в нем крестьян³. Даже высшая феодальная знать Имеретии, о сохранении прав которой проявлял такую заботу Гормасов, решила «бойкотировать» учрежденное царизмом новое управление. Симоновичу пришлось употребить целый ряд увещаний, рассылать успокоительные письма, особые приглашения, чтобы убедить князей и дворян собраться и приступить к выборам областного маршала, мдиванбегов и советников (помощников) к окружным начальникам. Сначала никто не явился. Все были уверены, что приглашенным готовят какую-то западню. После успокоительных писем Симоновича явилось пять человек, наиболее храбрых, остальные попрятались по лесам под Кутаиси, думая, что их смельчаки будут заарестованы. Наконец, по третьему приглашению собралось большинство и после двухдневного увещания Симоновича согласились избрать мдиванбегов, а затем подали письменное заявление о замене избранных другими кан-

¹ Кавказ. Сборник, т. XVI, стр. 254.

² Акты, т. IV, № 465.

³ В № 491, т. IV Актов опубликован целый список этих лиц, причем митрополит Генатели «за содействие» поимки царя Соломона получил 2000 р., 4 священника золотые кресты и по 100 р., дворяне и князья от 100 до 150 р. каждый и два крестьянина, у которых были отрублены руки—по 50 р. ежегодной пенсии. См. там же, № 407.

дидатами, областного же маршала так и не избирали до 1840 г., т. е. до реформы гражданского управления в Закавказье.

В конце концов создалось такое положение, что преемник Торماسова маркиз Паулуччи должен был писать в Петербург, что он «находит совершенно невозможным, даже вредным приступить теперь к открытию Имеретинского областного правления». Имеретией управлял единолично Симонович, у которого правой рукой и неизменным советником был Зураб Церетели и вся канцелярия ограничивалась двумя русскими чиновниками¹.

Только в феврале 1814 г., когда главнокомандующим в Грузии был Ртищев, удалось окончательно оформить «постановление о временном управлении Имеретией»². Согласно этого положения «Имеретинское правительство» состояло из управляющего Имеретией, четырех мдиванбегов из местных князей или дворян и двух российских ассесоров, один по гражданской части, другой по казенной (т. е. один для административных и гражданских судебных дел, другой для заведывания доходами и расходами области). Уголовные дела были подсудны полковым военным судам. Решения военного суда по маловажным проступкам подтверждавались управляющим областью, более важные — главноуправляющим в Грузии. Гражданские дела по искам до 1000 р. решало правительство (т. е. два мдиванбега и ассесор по гражданской части). Апелляция приносилась общему собранию правительства, в котором председательствовал управляющий областью, заседали все четверо мдиванбегов и два ассесора. Решения общего собрания были окончательными.

Имеретия делилась, как и раньше, на четыре округа³: Кутаисский, Вақинский (центр сел. Марани), Шорапанский (сел. Шорапани) и Рачинский (сел. Схави). Полицейское управление округом и гражданские дела в них по искам до 50 р. находились в заведывании окружного начальника из русских штаб-офицеров и двух помощников из местных князей или дворян, которые, сказано в положении, «должны быть в повиновении» у

¹ Акты, т. IV, № 465. Цит. по Иваненко, стр. 74.

² Опубликовано в Актах, т. V, № 565.

³ В 1810 г. после подавления восстания Симонович разделил было ее на шесть округов: Кутаисский, Вақинский, Рачинский, Сачхерский, Чхарский и Багдадский. Теперь это деление признаво было не отвечающим цели и восстанавливалось первоначальное деление на четыре округа, с точным описанием границ.

окружного начальника и проживать в месте его резиденции. Обязанности помощников состояли в том, чтобы «объяснять начальнику приличные из прежних законов или обычаев», по которым решается дело. «Если же встретится в этих законах «несообразность» или они будут недостаточны, то «начальник сообразуется с смыслом законов российских и по оным решает дело». «Несогласие помощников с решением начальника не приостанавливает решение». «По делам уголовным окружной начальник, исследовав преступление, отправляет виновного под строгим караулом в Кутаиси к воинскому начальнику для суждения при полку воинским судом, не приступая сам к разбору дела». Для приведения в исполнение состоявшихся решений в распоряжении окружного начальника находилась рота солдат и 20 конных казаков. В Кутаиси особого коменданта не полагалось. Начальник расположенных там войск отвечал за безопасность города. Управление городом возлагалось на окружного начальника. Помощниками его в этом деле были нацвалы и хелосани из горожан Имеретии, которые получали содержание от города «по прежнему обыкновению». «Все городские дела решались согласно российских законов о городничих».

Если внимательно рассмотреть приведенное положение об управлении Имеретией, то окажется, что по существу оно узаконяло почти неограниченный военный произвол управляющего областью и окружных начальников, так как советники (мдиванбеги и помощники окружных начальников из местных дворян и князей) должны были быть «в повиновении» у первых и их мнение не давало даже оснований к приостановке решений. Немудрено поэтому, что назначенный после смерти Симоновича управляющим Имеретией полковник Мерлини, по приеме дел управления, 9 февраля 1816 г. доносил Ртищеву, что фактически при Симоновиче никакого временного правления Имеретией введено не было и что четырех мдиванбег, назначенных единственно для решения тяжёбных дел, правлением назвать нельзя, что все дела ведаются управляющим, что правление требует канцелярии, делопроизводителей и переводчиков, что людей таковых в здешнем крае нет ни одного...¹ Если к этому откровенному признанию добавить, что мдиванбеги за исполнение своих обязанностей никакого жалованья не получали и содержание их

¹ Акты, т. V, № 580.

ограничивалось взысканием так называемого «сабчо» с тяжущихся, что, конечно, деморализовало этих «выборных» представителей в «правительстве» Имеретии и еще более роняло его престиж у населения, то картина созданных царизмом порядков в только что присоединенной к империи области будет достаточно ясной. Следует при этом иметь еще в виду, что на местах заведывание селениями государственных крестьян (б. царских, удельных и конфискованных у феодалов, участвовавших в имеретинском восстании 1810 г.) было в руках моуравов из местных князей и дворян. Последние также не получали за свой труд никакого содержания от казначейства, а удерживали себе часть взыскиваемых с крестьян повинностей¹. Эта «восточная система» кормления должностных лиц администрации вела к таким злоупотреблениям и так тяжело отзывалась на положении крестьянства, что еще кн. Цицианов не находил иного слова для определения характера сложившихся отношений моуравов к крестьянам, как называя моуравов «пьявицами народного пропитания», которые должны подлежать немедленному истреблению².

Интересно здесь также отметить, что сменявшие один другого главноуправляющие Грузией считали, что созданное в Имеретии «Временное управление», несмотря на целый ряд недостатков, не настолько уже неудовлетворительно, чтобы требовать немедленной замены новым. Вот что писал Ермолов в 1823 г. министру финансов Канкрину по этому вопросу: «События в Имеретии оставили открытым вопрос о введении (здесь) областного управления (в полном объеме), введено было только временное с малым штатом, зависящее от управляющего Имеретии и главноуправляющего Грузией. Приходилось заботиться.. об одном удержании Имеретии за Россией, а не о введении в ней прочного правления, что надобно было предоставить времени удобнейшему. Возгоревшиеся в 1819 г. новый бунт и последовавшее оному в 1820 г. смятение, потрясшее землю малую и скудную в ее основании, поставили меня в необходимость, в ожидании умов успокоения, терпеть там временное правление, ограничившись приведением в известность числа жителей Имеретии и раскрытием источников, могущих впоследствии принести государственному казначейству доходы. Не могу еще опре-

¹ Там же, № 585.

² Акты, т. Ц, № 57.

делить, сознается Ермолов, какой удобнее для Имеретии образ правления и оставить должен существующий до того времени, когда лично удастся обозреть ту страну»¹.

Как видно, царское правительство и тогда еще твердо исповедывало казавшуюся ему неизбежной истиной теорию управления, которую оно спустя почти столетие, ничему не научившись и все позабыв, громогласно вещало устами Столыпина с трибуны государственной думы: «Сначала успокоение, потом реформы». Царизм ожидал успокоения в Имеретии, чтобы исправить там недостатки управления, а в Имеретии не прекращались выступления трудовых масс города и деревни, доведенных до отчаяния порядками управления и невыносимым гнетом колониального режима, выступления, которые немедленно использовались в своих целях партией приверженцев б. царя Соломона и частью феодальной знати, поддерживающих сношения с Турцией и при содействии последней надевавшихся вернуть Имеретию к порядкам существующим в ней до присоединения к России.

Как видно из цитированного выше отношения Ермолова к Канкрину, царское правительство не забывало об одном, — как бы поскорей «раскрыть источники, могущие впоследствии принести с Имеретии государственному казначейству доходы». Оно уже при Ермолове начало хищнически распоряжаться с земельным фондом страны, отдав, согласно распоряжения Александра I, иностранцу Гамба в долгосрочную концессию 5,5 тыс. га лучших лесов в Аджаметской и Квахчирской дачах, по реке Квирида и Лукута—60 га, в Сапдичавской даче—2,3 тыс. га и в Рачинском округе 3,1 тыс. га, а всего около 10,5 тыс. га лучших и ценнейших лесов и земель². Для увеличения же денежных поступлений с населения в доходы казны тогда же (в 1821—22 г.) была проведена реформа обложения крестьян. Вместо натуральных повинностей, уплачиваемых зерном, вином и скотом, было введено подушное денежное обложение в размере 1 р.—1 р. 50 коп. с человека, независимо от возраста, если только облагаемый плательщик внесен был в камеральное описание 1821 г.³ Принимая во внимание крайне бедственное по-

¹ Акты, т. VI, ч. I, № 848.

² Акты, т. VI, ч. I, № 845.

³ Там же, № 849.

ложение населения Имеретии после постигших ее стихийных бедствий и страшных погромов, нанесенных ей усмирителями восстаний (положение, которое ясно видело даже царское правительство и вынуждено было для спасения народа от голодной смерти отпустить 10 тыс. р. сер. деньгами и на 161.151 р. продовольственного хлеба)¹, учитывая также чрезвычайную дороговизну тогда денег, особенно в глубинных пунктах страны, где царило исключительно натуральное хозяйство, — указанный размер подушной денежной подати, установленный в Имеретии, нельзя не признать крайне обременительным для большинства крестьян. Определенные для внесения подати твердые сроки, неукоснительно соблюдаемые окружными начальниками при содействии находившихся в их распоряжении казаков и солдат, вынуждали крестьянскую бедноту закабалить себя в руки кулаков, сбывать за бесценок собранный урожай, чтобы в срок внести денежный подушный оброк.

Положение об управлении Имеретией в основном оставалось без существенных изменений до самой реформы гражданского управления в Закавказье 10 апреля 1840 г. Ни сенаторская ревизия, вскрывшая в 1830 г. «множество беспорядков и злоупотреблений в гражданском управлении страной»², ни выяснившиеся с крайней отчетливостью все несообразности установленного положения не могли убедить царское правительство в необходимости немедленных коренных изменений введенного «временного» закона об управлении Имеретинской областью. Правительство продолжало топтаться на месте, предпочитало коренной реформе мелкие поправки, дополнения к положению, увеличивало штат русских чиновников, приспособляло отдельные правила управления к существующим в губерниях Европейской России, пыталось подчинить финансово-хозяйственную часть в

¹ Там же, № 733 и 734, т. V, № 122.

² Сенатор Мечников после ревизии Имеретии писал в 1830 г. ген.-адъютанту Стрекалову: «Открыто множество беспорядков и злоупотреблений в гражданском управлении (Имеретии). Тамопнее духовенство и купечество принесло мне жалобы на лихоимство служащих там чиновников, а именно: на председатели времен. имеретинского правления Перекрестова, секретаря правления Радченко, рачинского окружного начальника Соколова и его помощников, на кутаисского хелосани Баградзе». Злоупотребления были настолько вопиющи, что Мечников требовал немедленного удаления названных лиц с занимаемых должностей, что и было исполнено. Акты, т. VII, № № 316 и 317.

Имеретии непосредственному надзору министра финансов, а порядок кассации жалоб на постановления Имеретинского правления изъять из ведения главноуправляющего Грузии, передав его Сенату, но все это были, мягко выражаясь, негодные заплатки на старом платье и нисколько в общем не улучшали положения дела.

Приводимые нами документы в приложении под № 2: 1) копия рапорта командующему войсками в Грузии г.-л. Вельяминову и. д. правителя Имеретии полковника кн. Горчакова от 25 июня 1820 г. за № 526; 2) составленная им же «Записка о предложениях для управления Имеретинской областью» и 3) «Дополнения к этой записке», извлеченные из фондов Центр. Государств. Архива внутр. политики, культуры и быта, наглядно иллюстрируют сказанное выше положение¹.

В своей записке Горчаков откровенно заявляет, что при приеме им дел Имеретинского управления «с самого начала он мог ясно удостовериться, что по сей день не только не было дано начальством прочных правил к управлению сим краем, но что даже и поступившие на сей предмет частные предписания бывшими правителями нередко, по собственному произволу, оставляемы были без исполнения»... Особенное запущение Горчаков нашел в «казенной части», т. е. в отношении финансово-хозяйственных дел области. Не менее неурядков было в исполнительной части и в судебной частях управления.

По составленному Горчаковым и затем утвержденному заместителем Ермолова—ген. Вельяминовым проекту частичных и неотложных изменений в положении об управлении Имеретией намечалось: 1) приравнять функции правления области к функциям существующих в губерниях Европейской России палат гражданской и казенной; 2) увеличить оклады жалованья и штаты чиновников; 3) управляющий Имеретии не должен был участвовать в заседаниях правления, а ему принадлежал надзор за правильностью решений (прием и рассмотрение апелляций) и исполнительная часть; 4) часть финансово-хозяйственная (казенная)

¹ Из перечисленных документов два первые публиковались в Актах Кав. Арх. Ком., т. VI, № 829. Но все три эти документа настолько характерны, так ясно отображают всю убогость бюрократического законодательного творчества, что мы сочли не бесполезным воспроизвести их в приложении к настоящей работе.

должна составлять на год вперед твердые сметы доходам и расходам по области и годовые отчеты по поступлениям и расходам; 5) окружные начальники находятся в непосредственном подчинении у управляющего областью (правителя), которому подчиняются также пограничная часть и сношения с автономными провинциями: Мегрелией, Гурией и Абхазией. Как видим, внесенные Горчаковым изменения не касались существа дела, они могли только несколько упорядочить хаотическое положение в деле управления областью.

После приведенных частичных поправок в положении об управлении Имеретинской областью, формально считавшейся частью Грузино-Имеретинской губернии, оно уже не подвергалось сколько-нибудь существенным изменениям и просуществовало в таком виде до 1840 г. Не лишнее отметить здесь, что в 1832 г. главноуправляющий в Грузии барон Розен, страшный враг всяких реформ и в том числе преобразований гражданского управления в Закавказском крае, не без удовлетворения сообщал министру внутренних дел Блудову о положении дел управления Имеретией. «В Имеретинской области, писал он, не существует ни земских, ни уездных судов, ни палат, ни губернского правления, а на место всех вообще присутственных мест существует одно временное правление, которое по малому народонаселению в Имеретии для всех гражданских дел весьма достаточно... В округ управления Имеретией входят также Мегрелия и Абхазия, которые хотя управляются своими владельцами, но уголовные дела и все случающиеся сношения делаются большей частью через управляющего Имеретией. Его ведомству принадлежит также Гурия, в которой есть особое правление и которое со всеми представлениями обращается к правителю Имеретии. В его же ведении состоят также все укрепления и пристани по берегам Черного моря. Ему же даются секретные и пограничные поручения. Такой порядок существует с 1820 г. и, по сообщениям бар. Розена, признан самым удобным и полезным, пока можно будет сделать прочное и положительное преобразование Закавказского края»¹. Что касается Гурийского владения, ликвидация которого царизмом окончательно оформлена в 1830 г.² и в котором сформировано было вре-

¹ Акты, т. VIII, № 296. Подчеркнуто нами, А. П.

² Акты, т. VII, № 364, 357.

менное правление еще в 1828 г. (до 1830 г. оно управляло именем малолетнего кн. Давида Гуриели, а с 1830 г. от имени российского правительства и под надзором управляющего Имеретией), то за десятилетний срок своего существования (до 10 апреля 1840 г.) это правление, конечно, не могло особенно ничем проявить себя. «Оно, говорит Иваненко, ведая и полициею и судом, и финансами, решало все дела по местным законам и при том окончательно, хотя обиженным не воспрещалось приносить на него жалобы управляющему Имеретией»¹. Органами местного управления были моуравы. Важнейшие преступники отсылались в Кутаиси для предания их военному суду. Временное правление возглавлял подполковник Кулябко. В состав правления входили четыре мдиванбеги — майор Вахтаंग Эристави, капитан Семен Гугунава, капитан Семен Накашидзе и кн. Георгий Эристави².

Подбор мдиванбегов из гурийских феодалов, числившихся на русской военной службе и военная дисциплина обеспечивали известную согласованность действий организованного временного правительства Гурии, что, повидимому, и дало основание начальнику Имеретинской области ген. Гессе, автору «наставления временному правлению княжества Гурийского» и организатору этого правления, докладывать главноуправляющему в Грузии, что новым правлением «жители все довольны»³.

В приложении под № 3 даются официальные документы: 1) «Записка об учреждении в Гурии временного правления, составленная из дел для барона Розена в 1837 г.; 2) копия наставления данного временному правлению княжества Гурийского в 1828 г. управлявшим Имеретией ген. майором Гессе и 3) выписка из дела по рапорту сенаторов графа Кутайсова и Мечникова о произведенном ими осмотре двух портов: Редут-Кале и Поти и части Мегрелии, в каковой выписке даны сведения о состоянии, в каком нашли сенаторы в 1830 г. б. Гурийское владетельство и учрежденное в нем правление⁴. Документы эти взяты из дел Центрального Государственного Архива внутрен-

¹ Цит. исслед., стр. 259—260.

² Акты, т. VI, № 359. Первоначально в правление было назначено два мдиванбега, а затем число их, по ходатайству гурийских князей, увеличено до четырех, как-то было при Мамии Гуриели.

³ Там же, № 359.

⁴ Из перечисленных документов, показанный под № 2, опубликован в Актах Кав. Арх. Ком., т. VII, № 864, остальные публикуются впервые.

ней политики и культуры (фонды Кавказского Комитета), дают наглядное представление о том, на каких основаниях управлялась Гурия с 1822 по 1840 г.

По внешней своей структуре это правление мало отличалось от существовавшего при последних владельцах: то же количество мдиванбегов, изустное большею частью разбирательство дел без каких-либо записей, язык в производстве дел—грузинский. Только вместо владетеля восседал русский штаб-офицер, причем в 1830 г. таковым был по национальности грузин—майор Чиляев.

Хотя в наставлении временному Гурийскому правлению было определенно указано, что последнему вменяется в обязанность «вести записку о своих занятиях, из коей видно бы было: когда, кто и в чем именно приносит жалобу, чем она удовлетворена или по каким уважительным причинам отказано» и т. д. (§ 7), но это указание, очевидно не исполнялось. Во временном правлении не было даже первоначально предусмотрено должности секретаря, а мдиванбеги, которые определенного жалования не получали, а довольствовались сборами с тяжущихся лиц (как то было при Гуриели), считали, очевидно, совершенно излишним вести такие записи. По крайней мере сенаторы Кутайсов и Мечников в своем докладе констатируют: «Для записки поступающих дел и učinенных по ним резолюций хотя и заведен реестр, но в оном не найдено ни одного дела записанным... В правлении с самого учреждения (его) не было назначено секретаря, но всего важнее, что в оном не было никогда ни одного писца; словом, гурийское временное правление,—замечают сенаторы,—носит только название присутственного места, дела в нем могут решаться только словесно и без всякой отчетности, ибо с начала учреждения правления не было дано средств даже к отписке бумаг». (Прикомандированный к правлению переводчик с грузинского языка Лоладзе являлся единственным знающим посредственно русский язык, а председатель правления, занятый многочисленными обязанностями, не в состоянии был сам лично вести всю канцелярию по Гурии).

После указаний сенаторов к концу описываемого периода (при главноуправляющем в Грузии бар. Розене) этот существенный недостаток внешнего оформления гурийского временного правления был восполнен: канцелярия правления организована, необходимые средства на нее отпускались из доходов бывш.

владетельства, но по существу управление до 1840 г. оставалось без каких-либо изменений¹. Осторожный и крайне не любивший нововведений бар. Розен не считал даже возможным провести в Гурии реформу обложения крестьянства и настоял на сохранении взимания с крестьян натуральных отчислений доли урожая, как-то было при Гуриели. В своем отношении к военному министру Чернышову 15 января 1838 г.² он писал: «Замена (натуральных отчислений) денежною податью должна быть проведена осторожно и без обременения (жителей)». «Гурийцы весьма бедны деньгами. Это обстоятельство, а еще больше склонность гурийцев, на самом рубеже живущих, к побегам за границу, где они, прельщаясь подарками и обычаями, обращаются в магометанство, побудила к особой «осторожности». Последнее обстоятельство — боязнь, как бы Гурия не осталась без гурийцев за поголовной эмиграцией их в Турцию заставило, повидному, царизм проявить тогда особую осторожность в вопросе о реформе обложения в Гурии. Реформа была здесь временно отложена и проводилась после преобразования в Закавказье гражданского управления в 1840 г.

Временное управление длилось в Имеретии тридцать лет, в Гурии в общем не менее двенадцати. Что же дало фактически оно населению названных областей и какие за этот период наметились сдвиги в состоянии этих областей по сравнению с тем, в каком они были до своего присоединения к России?

Мы знаем, как страдало население Имеретии и Гурии от почти непрерывных нашествий турок и усобиц своих феодалов. С присоединением к России, когда в этих областях водворился военно-оккупационный режим, а царизм вел попеременно войны то с Турцией, то с Ираном, все было поставлено на служение военным целям. В отдельные моменты описываемого нами периода Имеретия и Гурия становятся то непосредственными плацдармами, на которых начинались военные действия, то прифронтной полосой и ближайшим тылом для царских войск. Население названных областей должно было в первую очередь принимать на себя бедствия и удары, которые обычно выпадают на прифронтные районы, в том числе столь тягостную «подводную» повинность по доставке войскам снаряжения, боеприпасов и т. п. Кроме того гурийские и имеретинские дружины,

¹ Акты, т. VIII, № 317.

² Там же, № 317.

как только начинались военные операции, мобилизовались в помощь русским войскам. Так было, напр., при осаде крепости Поти в 1809 г. и во время войны России с Турцией в 1828—29 гг. При знании языка неприятеля, всех местных условий, путей сообщения эти дружины оказывали регулярным частям русской армии незаменимые услуги. Но непосредственное участие в войне, как и подводная повинность и др. тягости военного времени, ложились, без сомнения, тяжелым бременем на население Имеретии и Гурии и не давали ему возможности экономически оправиться от того крайнего материального разорения, в котором оно было в период до своего присоединения к России и которое так подробно и красочно изображали в своих официальных докладах и записках царские чиновники, бывшие в то время на положении разведчиков царизма. Если прибавить к этому потрясения Имеретию повсеместные восстания 1810 и 1819—20 гг., из которых последнее имело свои отзвуки и в Гурии, кровавые подавления этих восстаний, учиненные царскими сатрапами, то станет ясным, что во время действия «временного» положения об управлении Имеретии и Гурии ни та, ни другая область желанных благ полного мира и спокойствия еще не получили.

Но справедливость требует все же признать, что наличие в Имеретии и Гурии все увеличивающихся в числе русских войск в те промежутки времени, когда военные действия между Россией и Турцией прекращались, сообщало внешним границам этих областей сравнительно устойчивую безопасность. Набеги турецких и лезгинских вооруженных отрядов, особенно со стороны Ахалцихского и Эрзерумского пашалыков были теперь уже сравнительно редким явлением и не могли быть столь разорительны для населения, как это было до оккупации Имеретии и Гурии царскими войсками.

Если до назначения главноуправляющим в Грузии ген. Ермолова эта безопасность не была еще прочно установлена, и населению, как об этом было уже упомянуто, приходилось прибегать к самообороне, то после 1816—17 гг. набеги на Имеретию и Гурию разбойных шаек с каждым годом происходили все реже и реже и возможность мирного труда у населения этих областей постепенно возрастала. Это обстоятельство было, несомненно, большим положительным фактором в судьбе Имеретии и Гурии после захвата их царизмом. Значение этого обстоятельства нельзя недооценивать, особенно если учесть, что наличие

русских войск и твердого военного режима в оккупированных Имеретии и Гурии свели сразу же на нет феодальные уособицы, бывшие до этого нормальным явлением, как в Имеретинском царстве, так и владетьельстве Гурийском.

Правда, военная оккупация, расквартирование военных частей русской армии по отдельным селениям и крепостям обходились недешево мирному населению. Случаи мародерства, безчинств, надругательств и оскорбления национального чувства были нередким явлением со стороны отдельных воинских отрядов и командного состава, особенно казачьих частей русских войск, но все же эти случаи не могли идти в сравнение с тем разорением населения, которое приносили ему пабеги лезгин и турок до военной оккупации¹.

Оккупировав Имеретию, а затем и Гурию, установив в них «временное» правление, царское правительство в числе первых своих мероприятий в этих областях занялось выявлением здесь источников местных доходов. Управляющие Имеретией и Гурией тщательно исследуют каждую статью бывших царских и владетельских доходов, собирают сведения об естественных богатствах названных областей и изыскивают способы приумножить доходные поступления. Чтобы иметь твердые основания для проведения налогового обложения, царское правительство проводит так

¹ Что в царских войсках в этом отношении, особенно до назначения на Кавказ Ермолова было далеко неблагоприятно, об этом красноречиво свидетельствуют официальные документы. Вот одна, например, из характеристик казачьих отрядов, какую давало им само царское правительство. «Это были отчаянные воры, контрабандисты, перевозчики чумы, люди, для которых жизнь и своя и чужая не имели никакой ценности. Их самих сажали в остроги, гоняли сквозь строй и даже головы их не раз бывали в петле виселицы. В таких казусных случаях они свои головы поручали головам известных разбойников, за которыми ездили в горы. Кресты и медали, украшавшие их груди, то снимались, то опять появлялись на них. С ними не было никакого сладу... Существовало тогда, нишет царский официальный историк, и другое, гораздо более вредное правило—сылать в грузинские корпуса не только нижних чинов, но и офицеров, штрафованных за неисправимо дурное поведение. Такое отношение к кавказским войскам, существовавшее до Ермолова, подрывало в них самих чувство уважения и гордости к себе. («Утверждение русского владычества на Кавказе», т. III, ч. I, стр. 192—193)... Конечно, при таком моральном состоянии войсковых частей, оккупировавших Грузию, нельзя было рассчитывать на то, чтобы мирное население, особенно крестьянство, не терпело от них всякого рода обид, надругательств и притеснений.

называемые «камеральные» описания. В Имеретии такое описание было проведено в 1817—21 г., в Гурии—в 1831 г. В результате камеральных описаний «временные» правления Имеретии и Гурии стали располагать уже приблизительно точными данными и о количестве платежных единиц, и общем числе населения в этих областях.

Камеральное описание Имеретии 1817—21 гг. показало в ней 12975 дворов (семейств) и 76.600 д. обоего пола. В 1831 г., т. е. через десять лет количество дворов здесь исчислялось уже в 15.280, жителей—в 104.000 об. пола. Таким образом увеличение жителей определилось в 28 тыс. (на 36,8%). В Гурии камеральное описание 1831 г. выявило 36.700 жителей об. пола. Общее число населения обеих областей в 1831 г. составило 140,7 тыс., т. е. только, быть может, доросло до того количества, какое было в конце XVIII ст., когда в одной Имеретии считалось 18980 дворов и 113.200 д. об. пола¹.

В 1817 г. государственные доходы Имеретии были учтены в сумме 16.745 р., т. е. дали в итоге понижение сравнительно с теми исчислениями, которые производили Симонович и Зураб Церетели, когда только что вводилось «временное» управление областью². Но нельзя забывать, какие страшные бедствия пережила за это время Имеретия. В эти годы нельзя было думать не только о взимании каких-либо налогов с населения, а приходилось правительству оказывать Имеретии денежную и продовольственную помощь.

В Гурии все государственные поступления укладывались в скромную цифру—3502 р.³. Здесь важно отметить, что с введением «временного» управления в Имеретии и Гурии государственным доходам этих областей начинают вести более или менее правильный учет. К концу описываемого периода, когда так называемая «казенная» часть временного Имеретинского правления была сорганизована на подобие губернской казенной палаты и в Имеретию был назначен новый «областной» казначей, обязанный отчетностью не только перед главноуправляющими в Грузии⁴ но и перед министерством финансов, финансовая отчетность по государственным доходам и расходам области значительно упо-

¹ Акты, т. VI, ч. I, № 735. Евецкий. Статистич. описание Закавказья, стр. 161—165.

² Акты, т. VI, ч. I, № 737, т. V, стр. 564.

³ Акты, т. VIII, № 317.

рядочивается, устанавливается порядок составления предварительных росписей всех ожидаемых доходов и расходов и т. д. Вообще, по сравнению с тем хаотическим состоянием государственного хозяйства, какое наблюдалось в б. Имеретинском царстве, в период военной оккупации Имеретии, устанавливается известный порядок, соблюдается определенная финансово-бюджетная дисциплина.

Что касается Гурии, то здесь дело с правильной отчетностью, представленном смет обстояло несравненно хуже. Финансовая часть здесь была приведена в соответствующий порядок, когда уже на место Гურიцкого владения и самоуправляющейся области был образован Гურიцкий уезд с полным подчинением его образованной в 1840 г. Грузино-Имеретинской губернии.

Определенным достижением временного управления в Имеретии и Гурии за отчетный период было установление единой расчетной денежной единицы—русского рубля, паритет с которым и соотношение с золотыми червонцами, обращавшихся в Имеретии турецких и др. денег, считал необходимым определить еще проживавший в Западной Грузии в 1804 г. царский чиновник Литвинов¹. Эта реформа не прошла, конечно, безболезненно для населения, особенно для сельского, так как перерасчеты в рубли при платежах налогов били плательщиков по карману. Но для начинавшей в это время оживать торговли в Западной Грузии проведение этой реформы имело, конечно, самые благоприятные последствия.

О развитии торговых операций в Имеретии и Гурии временное управление этими областями начало проявлять особые заботы с первых же дней своего существования. На это оно имело твердые указания царского правительства². Мы видели, в каком жалком состоянии находилась торговля в Западной Грузии в самом начале XIX в. и как тяжело отражались на ведении торговых операций феодальные порядки и произвол феодалов. С самого начала военной оккупации царизм берет под свою защиту торговую буржуазию, видя в последней одного из

¹ Акты, т. II, № 839.

² Акты, т. II, № 2032. Министр Чарторыйский 22 марта 1805 г. передает кн. Цицианову «волю» Александра I о необходимости завязать торговые сношения с Мегрелией, доставить туда из Крыма соль, железо и др. продукты, чтобы тем самым «уничтожить торговлю турецких промышленников» в Зап. Грузии.

деятельных помощников в проводимой им политике. Испытанные уже приемы «обласкания» торгового сословия, давшие свои результаты в Карталино-Кахетинском царстве, были применены и здесь.

Как только была открыта торговая гавань в устье реки Хопи (Редут-Кале), немедленно принимаются меры завязать деятельные сношения местных торговцев с торговыми фирмами Крыма и Юга России. В 1811 г. учреждается так называемая «Фазская» торговая компания для торговли между Югом России и Западной Грузией, с довольно крупными по тому времени складочным капиталом в 125.000 р. Главная контора этого предприятия была в Феодосии и отделения ее в Сухуми, Потии, Кутаиси, Тбилиси¹.

В 1821 г., по настоянию Ермолова, царское правительство для оживления закавказской торговли устанавливает на десять лет льготный транзитный тариф для провоза в Европейские страны товаров из Ирана и Турции и ввоза в эти страны европейских товаров. Редут-Кале объявляется порто-франко. Эта мера сразу же оживляет торговые операции по всему торговому пути от Каспийского до Черного моря, в том числе по Западной Грузии. Редут-Кале, когда-то небольшое торговое селение, в котором вели торговлю только турецкие купцы из Анатолии, сразу же делается оживленным торговым пунктом. Сюда съезжались купцы из Тбилиси, Кутаиси, устраивали здесь магазины и склады товаров. Здесь же была организована главная Закавказская купеческая контора для заграничной торговли.

Открытие порто-франко в Редут-Кале очень много содействовало оживлению торговой деятельности в Кутаиси. Кутаисские купцы стали ездить для закупки товаров на Лейпцигскую ярмарку и устраивать обширные товарные склады в Кутаиси. Для закупки товаров они посещали также Нижегородскую ярмарку. Кутаиси постепенно делается центральным складочным пунктом товаров для всей Имеретии, в частности для начинающих постепенно развиваться там торговых местечек Хони, Опи, Сачхери и др.² Даже военные события в Закавказье (войны России с Ираном в 1827—28 г. и с Турцией в 1828—29 г.) не могли существенно затормозить развитие транзитной и внут-

¹ Там же, т. IV, №№ 539, 580, 540.

² И. С. Руководство к познанию Кавказа, кн. II, стр. 120. СПб 1847 Кав. Календарь, 1859 г., стр. 291—357.

ренной торговли, происходившей по торговому пути от Редут-Кале через Кутаиси, Тбилиси, Баку. Несмотря на крайне льготный транзитный тариф, установленный в 1821 г. (5% с объявленной суммы товаров), доходы таможенного ведомства росли и в 1831 г. они уже превышали в два с половиной раза доходы 1821 г.¹

Оживление торговли, быстрый рост торговых оборотов, конечно, свидетельствовали прежде всего о наступивших после оккупации царизмом Закавказья благоприятных условиях для торговой деятельности, каких не было до этого времени. К числу этих условий нужно отнести: устройство торговых дорог, организацию транспортных средств, срочных почтовых сообщений между отдельными торговыми пунктами Закавказья, главное же — обеспечение безопасности движения караванов с товарами по главнейшим торговым магистралям. Осуществление перечисленных условий, как и введение единой расчетной денежной единицы нужно признать безусловно положительными результатами происшедшей перемены в судьбе провинций восточного и западного Закавказья после присоединения их к Российской империи. Только в связи с этой переменной, повлекшей за собой объединение закавказских провинций в единое хозяйственно-административное целое, уничтожением внутри-закавказских таможенных перегородок (рахдарных сборов) могли наступить необходимые условия для оживления торговли в Закавказье, как внутренней, так и внешней, что содействовало пробуждению края от того застоя, в каком он находился до оккупации его царизмом.

В период «временного управления» Имеретией и Гурией царское правительство сумело достаточно закрепить свои позиции не только у всецело расположенной к нему и заинтересованной в сохранении проводимых царизмом мероприятий по развитию торговли торговой буржуазии. Оно успело провести ряд мер, направленных к тому, чтобы феодальная знать этих обла-

¹ Дюкрузи. О заграничной торговле Закавказск. края, Кавк. Календарь, 1853 г. стр. 400—429. Даже после отмены льготного транзита, в 1843 г. через Редут-Кале привезено было из заграницы товаров на 314.282 р., вывезено на 78.872 р., через Николаевскую заставу (на берегу Черного моря у тогдашней границы Гурии и Турции) привезено на 468 р., вывезено на 14.891 р., через гор. Озургети привезено на 111.142 р., вывезено на 2.914 р. Лаврентьев. Статистич. описание Кутаис. ген.-губернаторства, стр. 118—119.

стей, составлявшая главное ядро, откуда шло недовольство и зарождались попытки возвращения Имеретии и Гурии к столь выгодным для князей и дворян порядкам феодальных царства и владательства, постепенно изменила свое фрондирующее отношение к царизму и перешла на сторону последнего.

Мы уже говорили, как бережно отнесся Тормасов к «незыблемым» правам имеретинских помещиков. Подавляя же имеретинское восстание 1819—20 г., царское правительство одинаково свирепо расправлялось, как с его участниками, шедшими под флагом восстановления царства, так и с теми крестьянами, которые примкнули к движению, рассчитывая при этом избавиться от того невыносимого помещичьего гнета, который они испытывали. 20 апреля 1830 г., когда вопрос об уничтожении Гурийского владательства был решен окончательно, главноуправляющий в Грузии Паскевич первым делом предлагает управляющему Имеретией ген. Гессе собрать «без малейшей огласки и сколь можно секретнее» сведения о прежних правах, преимуществах и разделении на степени князей и дворян Имеретии и Гурии, чтобы закрепить эти права за ними особым законодательным актом. К 1832 г. требуемые сведения были собраны и, хотя до окончательного утверждения царским указом фамилий имеретинских помещиков, признанных тавадами и азнаурами, прошло еще почти двадцать лет, но фактически все занесенные в эти предварительные списки князья и дворяне пользовались своими правами и привилегиями без каких-либо изъятий¹.

Незыблемость помещичьих прав в Имеретии и Гурии царское правительство особенно твердо подчеркнуло в 1834 г., когда после senatorской ревизии Кутайсова и Мечникова, правительственный сенат вынес решение, чтобы все крепостные крестьяне Имеретии и Мегрелии, бежавшие от своих помещиков в Карталинию и Кахетию после 1804 г., в течение годичного срока возвратились к своим помещикам. Этим указом сената немедленно воспользовались имеретинские и мегрельские князья и дворяне и обратным водворением к себе своих беглых крестьян

¹ Только в 1846 г. была учреждена в Кутаиси специальная комиссия, на обязанность которой возложено было рассмотреть все документы, доказывающие принадлежность к фамилиям тавадов и азнауров Имеретии и Гурии, а в 1850 г. окончательные списки выявленных фамилий были утверждены в законодательном порядке. Акты, т. VIII, № 298. Линден. Высшие классы коренного населения Кавк. края. Тифлис, 1917 г., стр. 3.

разорили столько крестьянских семейств и попутно так сильно ударил по карману грузинских помещиков, что царское правительство вынуждено было переистолковать указ сената в более выгодном для крестьян и помещиков Грузии смысле. Иначе могли возникнуть и крестьянские волнения, и неудовольствия карталинских и кахетинских дворян¹.

Нужно отметить, что после того, как феодальной знати Имеретии не удалось достигнуть своей цели в 1810 г. и в 1819—20 году, она постепенно примиряется с своим новым положением. Обласканная царизмом, заверенная в пезыблемости своих прав над крестьянами, она уже перестает относиться так отрицательно к введенному в Имеретии временному управлению, как это было в самом начале его деятельности, при ген. Симониче. Князья и дворяне охотно идут и в мдиванбеги, и в помощники окружных начальников, и в моуравы, приобретая через то влияние на дело управления областью. Правители Имеретии и их помощники, пишет царский историк Эсадзе, во многих случаях подчинялись влиянию чиновников из имеретин. Несомненно, что при таком порядке и само население, видя предпочтение, оказываемое правительством высшему сословию, привыкло обращаться непосредственно к этим доверенным лицам, и они приобретали все большее и большее значение в административном управлении областью². Отсюда уже недалеко было до того, чтобы имеретинские князья и дворяне, интересы которых охранял царизм, сами сделались верными слугами и защитниками царизма. Во всяком случае в конце описываемого нами периода произошли в этом направлении громадные сдвиги среди имеретинских и гурийских дворян и князей, и для проведения дальнейшей своей политики царизм среди них имел в Имеретии и Гурии преданных исполнителей своих предначертаний.

Тоже самое нужно сказать и о духовенстве Западной Грузии. Еще до присоединения Имеретии и Гурии царское правительство сумело сделать, что высшее духовенство названных областей являлось одним из деятельных его агентов. В дальнейшем мы видим, что митрополит Генатели проявляет особое усердие при выполнении мероприятий царизма, направленных к лишению Соломона II Имеретинского царства. Даже после тех жестоко-

¹ Акты, т. IX, № 11 и т. VIII, № 25.

² Эсадзе С. С. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I, стр. 64.

стей, которые были допущены Тормасовым при подавлении имеретинского восстания в 1810 г., представители высшего духовенства Имеретии оказались верными слугами царизма. Своими следами благодарности и усердными молитвами за проявившего к Имеретии милость русского монарха (разрешение на выдачу продовольственной ссуды) они буквально умилили главноначальствующего Грузии Ртищева, о чем тот немедленно доложил Александру I¹. Даже после чудовищно дикой расправы, которую Ермолов счел необходимым применить к митрополитам Кутатели и Генатели², когда последние оказались вовлеченными в начавшееся восстание в Имеретии, возникшее в связи с предпринятой здесь церковной реформой, многочисленное духовенство, как только было подавлено указанное восстание, первое же принесло раскаяние и обратилось к царскому правительству за милостями.

В склонении симпатий служителей культа на сторону царизма не малую роль сыграла, конечно, та политика, которую проводило царское правительство в отношении грузинского духовенства. Желая сделать приходских священников проводниками своей политики с церковной кафедры, царизм вскоре же по присоединении к России Карталийно-Кახетинского царства проводит очень важную для духовенства реформу, объявляя в законодательном порядке освобождение от крепостной зависимости помещиков всех лиц духовного сословия. Эта реформа, проведенная в Грузии в 1807 г., начала подготавливаться в Имеретии и Гурии в 1834—35 гг., причем здесь управляющий Имеретией проектировал не только освободить сельское духовенство от крепостной зависимости, но все приходские причты наделить землей в размере по 30 дес. (33 га) на каждый приход, оставив вместе с тем в полной неприкосновенности все те денежные и натуральные поборы, которые делало духовенство с крестьян за исправление треб³. Обещанием столь великих и богатых милостей царизм, конечно, привлек на свою сторону духовное сословие Имеретии и Гурии и использовал его в своих целях. Назначив же небольшие оклады жалованья всем причтам, царское правительство очень скоро сделало духовенство своими чиновниками, возложив на них ведение актов гражданского состояния (метрических книг).

¹ Акты, т. V, ч. II, № 586.

² Акты, т. VI, ч. I, № 797.

³ Акты, т. VIII, № 14.

Так к концу описываемого периода царизм имел уже твердые точки опоры и в высшем феодальном сословии Имеретии и Гурии, и в торговой буржуазии, и в многочисленном местном сельском духовенстве. Привлекши на свою сторону эти сословия, царизм повел более решительную политику в названных провинциях по превращению их в колониальные владения российской империи и угнетению здесь трудовых масс крестьянства. Развертывание этой политики и окончательное оформление ее в организацию соответствующего управления в Имеретии и Гурии относится уже к периоду после 1840 г., когда во всем Закавказье проведена была реформа гражданского управления и царство Имеретинское и владительство Гурийское стали ничемными, как Кутаисским и Гурийским уездами Грузино-Имеретинской губернии.

На подлинном написано его императорского величества рукою тако: быть по сему. Александр. В Москве сентября 12 1801 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО В ГРУЗИИ УПРАВЛЕНИЯ

Грузия разделяется на пять уездов, из коих три в Карталинии: Горийской, Лорийской и Душетской и два в Кахетии Телавской и Сигнахской.

Чиновники и места для управления Грузиею назначаются следующие:

Главнокомандующий.

Правитель

Верховное Грузинское правительство, которому иметь пребывание свое в Тифлисе.

Верховное грузинское правительство делится на четыре экспедиции.

Первая. Для дел исполнительных, или Правление.

В ней председательствует правитель Грузии и два советника, или Мдиванбеги, один из российских чиновников, а другой из князей грузинских.

Вторая. Для дел казенных и экономических.

В ней начальник из российских чиновников и заседают четыре советника, или Мдиванбеги из князей грузинских, два Карталинских и два Кахетинских и губернский казначей или Сахлт-Хуцес.

Третья. Для дел уголовных.

В ней начальник из российских чиновников и заседают четыре советника, или Мдиванбеги из князей грузинских.

Четвертая. Для дел гражданских.

В ней начальник из российских чиновников, и заседают четыре советника, или Мдиванбеги из князей грузинских. Правитель Грузии, Начальники и советники экспедиций, суть члены верховного грузинского правительства.

В общем собрании оно председательствует Главкомандующий а в небытность его Правитель Грузии.

Общее собрание Верховного грузинского правительства есть место, которое принимает апелляции на экспедиции и большинством голосов решит дела окончательно.

Экспедиции поступают: исполнительная по правилам губернского правлению, а Казенная, Уголовная и Гражданская, палатам особенно, и всем вообще в законах Российской империи постановленным, с тою однако отменю, каковую по соображении обстоятельств, найдет нужным ввести Главкомандующий вместе с правителем Грузии со всевысочайшего утверждения.

Экспедиция уголовная вносит дела, кои подвергают князя, или дворянина лишению жизни, или чести, к Главкомандующему, а сей сомнением своим представляет оные императорскому величеству.

В каждом уезде быть уездному суду

В каждом уездном суде заседает уездный судья из российских чиновников и два заседателя или Мсаджули из дворян грузинских той округи.

К исполнению сих судов относятся дела принадлежащие уездным судам по российским законоположениям, следственно и апелляции на сии суды вносятся по роду дел в экспедиции верховного грузинского правительства.

В каждом уезде быть управе земской полиции

В ней заседает капитан исправник из российских чиновников и два заседателя, или Эсаулы из дворян грузинских той округи.

Управы сии поступают по правилам, начертанным в законах империи для нижних Земских судов и особенно для Земских комиссаров.

Позволяется Главкомандующему вместе с правителем Грузии учредить магистраты в тех городах, где окажется прямая в них нужда, со всевысочайшего утверждения.

В Грузии учреждается медицинская управа на том основании, как оные существуют по губерниям империи Всероссийской.

В городах: Тифлисе, Гори, Лори, Душете, Телаве и Сигнахе, быть по одному казначею или Хазнадар из дворян грузинских.

В сих же городах быть по одному коменданту из российских чиновников и в помощь им по одному полициеймейстеру, или нацвалу из дворян грузинских.

К обитающим в Грузии татарам: Казахским, Борчалинским и Бомбахским определить приставами, или Моуравами из грузинских князей в каждом по одному, а к поколениям Хевсуров, Пшавов и Тушев одного и всякому из приставов сих придать в помощь по одному из чиновников российских.

Вновь вышедшие из Карабага армяне, по особым привилегиям управляемые, остаются под начальством своих меликов.

Приставов сих и начальствующих армянами, Главкомандующий имеет снабдить на отправление должностей их наставлениями, сообразно тем правилам, какие преподаны капитан-исправникам; и равно как сии, поставляются приставами те и Мелики в соотношении к правительствам и судам в земле грузинской учреждаемым. Назначение из грузинских князей и дворян в должности по местам кои выше для них представлены зависит, от лучшего усмотрения Главкомандующего, дабы на первый раз вступили в должности люди способнейшие и отличающиеся общим уважением и доверенностью сограждан своих.

По истечении же года, от открытия вновь учреждаемого в Грузии правительства, выбор в советники и в прочие должности грузинским князьям и дворянам предоставляемые отдать в волю князей и дворян для чего Главкомандующий вместе с правителем и обязаны предуготовить завремянно пристойные правила и представить оные на всевысочайшее воззрение.

Дела гражданские имеют быть производимы, по настоящим грузинским обычаям, кои следует привести в известность, как сделано сие при учреждений в Кабарде родовых судов и расправ и по уложению изданному царем Вахтангом, яко по коренному грузинскому закону. Главкомандующий вместе с правителем Грузии должны начертать из уложения сего и из обычаев народных правила в поведении всех в Грузии учреждаемых правительств, и в случае какого-либо недостатка, которой в продолжении времени конечно сказаться может, руководствоваться законами Всероссийской империи. Уголовные же дела производить по общим законам Российского государства, дозволяя од-

накож Главнокомандующему, вместе с правителем, сообразить их с умоначертаниями тамошнего народа и вместе по обоим сим статьям представить мнение свое на всевысочайшее усмотрение. А между тем бдительно наблюдать следует, чтобы во всех землях, управляемых именем и властью императорского величества пресечены были всякие злоупотребления, несправедливости, угнетения, разбой, смертоубиствы и также истязания по делам уголовным. Дом Главнокомандующего будет облегчать жребий и самых преступников благостью законов российских, и истребить пытки и смертную казнь.

Иноплеменным народам в Грузии обитающим в разбирательстве по части дел гражданских быть на прежнем их положении, и в делах уголовных поступать с ними по общим выше начертанным для грузинского народа правилам.

Верно: чиновник для особых поручений Казаченков.

(Центр. Гос. Арх. Вн. Пол. Культ. и Б. ф. Кавказ. Комит.
г. 1837, к. д. № 7 лит. а, л. 1—3 об.).

Приложение № 2.

Копия с рапорта командующему войсками в Грузии г. генерал-лейтенанту и кавалеру Вельяминову I исправляющего должность правителя Имеретии полковника князя Горчакова от 25 июня 1820 года № 526.

При приеме мною дел имеретинских с самого начала моя ясно удостовериться, что по сей день не токмо не было дано начальством прочных правил к управлению сим краем, но что даже и поступившие на сей предмет частные предписания, бывшими правителями нередко, по собственному произволу оставляемы были без исполнения. При вступлении мною в должность возложенную ныне на меня первую обязанностью почел я присоединение всей казенной части, во всей ее полноте, к временному правлению: от чего доселе по неизвестным мне причинам уклонялись бывшие здесь начальники. Сию первую меру нашел я необходимою, особенно в теперешних обстоятельствах, требующих частых моих отлучек. Сверх того ваше превосходительство без сомнения, согласитесь что польза казны прежде всего должна быть обеспечена прочным образом и что в сем случае возложением ответственности не на одно лицо правителя, а на целое присутствие, гораздо легче достигнуть можно ожидаемой цели. Не находя однакож одного сего присоединения казенной части к Имеретинскому временному правлению достаточною мерою для совершенного его образования и водворения необходимого порядка, на благорассмотрение вашего прев-ства представить честь имею записку о предполагаемых переменах, необходимых по личному моему удостоверению. Записка сия покажет ясно вашему превосходительству, что именовавшееся доселе здесь временное правление первоначально было ничто иное как диван, разбиравший тяжёбные дела, в коем при перемене имени присудствовать стал правитель Имеретии, не изменяя однакоже обязанностей сего присудственного места, кои и по сей день ограничиваются единственно первоначальными занятиями и сле-

довательно правление сие ничто иное есть как Гражданская палата, в коей по принятым вообще во всей империи правилам, главному лицу заседать не токмо не следует, но еще в здешнем крае может подать повод к злоупотреблению: ибо местному начальнику, по многочисленности обязанностей своих и следовательно по недостатку времени, для ежедневного присутствия в правлении, остается: или обратив внимание свое на каждое мелкое тяжбное дело, позволять себе упущение по другим частям, или утверждать подписью своею журнал, не читав его, чем самым преграждает он себе совершенно путь к остановлению могущего случиться несправедливого решения. Правда, что обиженной стороне предоставляется ныне апелляция к главноуправляющему, но во первых: вашему прев-ству не безызвестно, что в сем крае редко кто решится просить на начальника, доколе он облечен властью, во вторых же и сам главноуправляющий большею частью, для местных справок или для дополнения обрацает дела сии к правителю обратно, от коего, по свойственной человеку слабости, трудно ожидать уже в сем случае совершенного беспристрастия. Притом же по предположениям нашим, право апелляции остается по прежнему, а прибавляется только инстанция, коей дело быв рассмотрено беспристрастно, неминуемо послужит к самому облегчению вышнего начальства.

Исполнительную часть, по предначертанию моему, должно оставить в личном заведывании и на совершенной ответственности правителя Имеретии, по многим причинам, кои вообще имею честь изложить в приложенной при сем записке. Важнейшая из них состоит в том, что местное положение, политические отношения и самая связь гражданских дел с военными, кои во всей полноте известны могут быть одному лишь правителю, требуют нередко поспешного исполнения, или совершенной остановки какого нибудь дела, всякого же рода скорые меры не свойственны присутственному месту и потому уже о сем случае долженствует правителю действовать от своего лица.

Предполагаемые мною перемены, не токмо не требуют прибавления издержек на содержание членов правления, но еще по упразднении двух мест Мдиван Бегов, коих состоять будет два, а не четыре, в казне останется проти прошлых годов экономия. Подлинный подписал полковник князь Горчаков.—С подлинным верно чиновник для особых поручений Казанский.

АВП. К и Б. фонд Кав. Комитета 1837 г. д. № 7-г сведения о настоящем составе и содержании управления: в Имеретии, Гурии, Армянской, Джаробелоканской областях, Ахалцхе, Дагестане и Мусульманских провинциях с временными положениями или правилами данными в руководство тем управления главноуправляющими Закавказским краем на 139 лл. док. на лл. 2—4.

Записка о предположениях для управления Имеретинскою областью

По предположению Главнокомандовавшего в Грузии генерала Торماسова в 1811 году высочайше утвержденному для управления Имеретиею назначено было открыть в Кутаисе областное правление из 3-х экспедиций: 1) исполнительной, 2) казенной и 3) суда и расправы на правилах в России существующих.

Но в 1812 году по высочайшей же воле, основанной на представлении генерал лейтенанта Маркиза Паудуччи, открытие такого приостановлено с предоставлением сделать вновь соображение по сему предмету.

В 1816 году, генерал Ртищев определив правителем Имеретии генерал-майора Хатунова, при предписании от 16 марта за № 475, препроводил к нему замечания, относительно управления Имеретиею, для приведения оных в исполнение, коими предположено.

1. Часть исполнительную и казенную оставить в полном заведывании и ответственности правителя Имеретии.
2. Производство дел гражданских оставить у Мдиванбегов и российского советника, которые составя суд гражданский, обязаны все решенные дела по объявлении их тяжущимися, вносить на рассмотрение правителя Имеретии.

Правитель, по рассмотрении таковых, буде найдет решение правильным и с законами согласным, представляет оное на утверждение главнокомандующего, в случае же несогласия его присовокупляет свое мнение.

В 1817 году предписаниями Главнокомандующего генерала од инфантерии Ермолова, а в отсутствие его в Персию, генерал

майора Кутузова, велено было присоединить исполнительную и казенную части к заведыванию правления и присутствовать в оном правителю.

За всем тем, согласно предположению генерала Ртищева, часть казенная оставалась до 28 числа апреля сего года, а исполнительная и по ныне остается, в непосредственном заведывании правителя Имеретин, производство же и решение гражданских дел, оставалось у Мдиванбегов и Российского советника до 15 декабря 1817 года, присутствие коих по назначению генерал майора Хатунцова, называлось диваном.

С сего времени, то есть с 15 декабря 1817 года, генерал майор Курнатовский предписал Дивану называться Имеретинским временным правлением, в коем присутствовал уже и сам, но которое не имело однако же влияния ни на какие дела кроме гражданских.

Правление сие, решая таковые, не вносило уже оных на рассмотрение правителя, а представляло, в случае неудовольствия, тяжущихся прямо к главнокомандующему.

Из сего выходила та неудобность, что правитель, участвуя в решении дел, по многим занятиям его, подвергшийся общей с членами правления ошибке, или погрешности, не мог уже рассматривать дела в виде ревизии и следственно, местные обстоятельства известные ему и могущие подкрепить правую сторону, должны уже были оставаться сокрытыми от начальства.

Со вступлением моим в управление Имеретиею и именно с 28 апреля сего года, часть казенная во всей полноте ее, равно и самое казначейство поступили в непосредственное ведение Правления.

Таким образом Имеретинское временное правление составило из себя: суд гражданский и управление казенною частию,

Дабы усовершенствовать оное сообразно с существующими в России правилами и с обстоятельствами здешняго края, признается ныне нужным следующее:

1. Предоставив оному действовать по частям сим на правах и обязанностях палат гражданской и казенной, по основанию высочайшего о губерниях учреждения, не следует уже в оном присутствовать правителю Имеретии, кроме особливых случаев, как например: при заключении контрактов на отдаваемые на откуп статьи, при торгах на оные и проч. и потому.

2. Для председательствования в правлении определить начальниками председателя с жалованьем против советника Грузинского правительства по 750 рублей в год.

3. В помощь председателю или начальнику правления быть:

Двум советникам из российских чиновников, с жалованьем ныне получаемым по 600 рублей в год, обязанности коих будут: 1-го по гражданской и 2-го по казенной части с исправлением и должности казначея и

Двум Мдиванбегам из имеретинских князей или дворян, с жалованьем ныне получаемым по 300 руб. в год, из коих один назначается в особенности в помощь советнику по казенной части и

4. По обоим частям быть в Правлении секретарю с жалованьем по 400 руб. в год и для успешного производства и содержания дел двум столоначальникам с жалованьем по 200 руб. в год, и двум помощникам с жалованьем по трудам и способности каждого.

О порядке производства дел

1. Правление решая дела по гражданской части, обязано объявлять оные тяжущимся по установленному законами порядку и буде обе стороны останутся решением оного довольны, то таковое приводится в исполнение без отлагательства, в противном случае по взыскании с недовольной стороны установленных апелляционных денег 12 руб. сер. представлять дело и решение на рассмотрение правителя Имеретии, которой рассмотрев оные и прошение апеллятора, с мнением своим представляет главнокомандующему.

Сей порядок покажет правой стороне их вяжущихся, в правителе Имеретии блюстителя законов и надежного ходатая пред вышним начальством. Сверх того, если тяжущиеся, во время самого производства дела будут недовольны действиями правления, то предоставляется им жаловаться о том правителю, которой по рассмотрении обстоятельств обязан оказать законное удовлетворение.

2. Правление обязано о всех имеретинских доходах составлять в начале года подробную ведомость и оную представлять правителю Имеретии: наблюдать, дабы по оной все доходы без доимочно поступали в свое время, иметь верное исчисление о

казенных, церковных и помещичьих крестьянах, о сборе с них податей, о умножении казенных доходов средствами, кои может быть остаются до ныне неизвестными, об отдаче на откуп разных статей за выгоднейшие для казны цены и, наконец, все, что только относится до части экономической, должно лежать на особенной попечительности и ответственности правления и

3. Пред наступлением каждого года, обязано правление составить росписание о всех расходах по положениям и предписаниям, а в некоторых случаях и по примеру прежних лет, в следующем году быть долженствующим, которое и представить чрез правителя Имеретии на утверждение главнокомандующего. По утверждении коего, производить уже в течении года все расходы по собственным своим определениям на основании общих для казенных палат правил. Но что касается до таких расходов, которые в течение года могут быть требованы, но кои по непредвиденности не назначены в росписании, то об оных с объяснением требования и самых обстоятельств, какие будут в виду правления, представлять правителю, который, на незначительные суммы, или по известности обстоятельств не терпящих времени, разрешает выдачу сам, но о всех прочих превышающих власть его, представлять главнокомандующему.

Предположив таким образом существование Имеретинского временного правления по гражданской и казенной части, остается присовокупить, что управление Имеретиею или часть исполнительная должна остаться в собственном заведывании и ответственности правителя Имеретии, потому:

I. Что соседство имеретинских жителей с Мингрелиею, Гуриею и Абхазиею и непрерывные их с теми народами по торговле и другим делам связи, поставляют правителя Имеретии во всегдашних сношениях с владельцами оных, каковое по многим отношениям не может быть производимо правлением.

II. Имеретия составляется из 4-х округов, и каждой из оных управляется окружным начальником из воинских штаб или обер офицеров, которые по сему, так же как по Грузии окружные начальники и главные пристава в дистанциях, должны принадлежать непосредственному ведению правителя Имеретии, как военного в здешнем крае начальника. Сверх того местные здесь обстоятельства, требуют иногда распоряжения и исполнения скорого, чего от правления по заведенным в присутственных местах формам, ожидать не можно.

III. С управлением Имеретиею, не редко может быть в сношении и часть пограничная, которая по всем правам относится собственно до лица правителя. Следовательно часть исполнительная должна всегда быть в соображении с частию Пограничною и с другими местными обстоятельствами, известными по многим отношениям одному только правителю и

IV. В управление по части исполнительной входят так же по некоторым отношениям и прибрежные на Черном море месте, как например, Редут Кале, Сухум Кале и проч. кои управляются непосредственно военным начальством и на коих правление так же как и Грузинское правительство на Баку, Кубу и Дербент не может иметь никакого влияния, кроме отношений по казенной части, буде бы таковые случились. Подлинную подпись полковник князь Горчаков.

Верно—чиновник для особы поручений—подпись.

АВП. К и Б. фонд Кав. Комитета 1837 г. л. № 7 г. л. 5—10.

Дополнение к предыдущей записке, представленный князем Горчаковым о управлении в Имеретии, составленная из дел

По утверждении управлявшим в Грузии, г. генерал лейтенантом (ныне генералом от инфантерии) Вельяминовым I-м, предположений бывшего правителя Имеретии князя Горчакова, о образе тамошняго управления, изысканных в предыдущей его записке он князь Горчаков сделал распоряжение, чтобы окружные начальники были непосредственно подчинены ему, и чтобы имеретинское временное правление требовало от них сведений, или исполнения своих решений чрез него Горчакова. Поступивший после того на его место, генерал майор князь Бебутов, 14 мая 1821 года разрешил правление посылать прямо от себя окружным начальникам предписания, а комендантам сообщения, но выговоров за медленное исполнение поручений не делать, а представить правителю Имеретии. Он же князь Бебутов в 1826 г. на основании предписания бывшего главноуправляющего, генерала от инфантерии Ермолова, предложил правлению, чтобы решения по искам, не превышающим 200 руб. сер. приводить в

исполнение с утверждения правителя Имеретии без предоставления тяжущимся апелляции, кроме однако же дел ищущих вольности.

В декабре мес. 1822 года возложена на Имеретинское временное правление, по предписанию генерала Ермолова, таможенная часть но впоследствии она отделена от заведывания управления по случаю учреждения в Закавказском крае с 1832 года таможеню на особом высочайше утвержденном положении.

В 1823 году Имеретинское временное правление по делам до казенной части относящимся, в следствие журналов Комитета г. г. министров 23 генваря и 20 февраля составившихся, поступило в заведывание министерства финансов, на правах для казенных палат изданных, для чего в следующем потом году, по журналу же Комитета г. г. министров, назначен при Имеретинском правлении для сбора и хранения казенных доходов казначей, которому по отправлению должности, предписаны правила, а вместе с тем самому правлению с управляющим Имеретиею вменено в обязанность делать ежемесячное свидетельство хранящимся в ведении казначейства суммам.

Из копии определения правительствующего Сената, состоявшегося 11 мая 1832 года и внесенного к г. министру юстиции между прочим видно следующее заключение Сената, «что так как о переобразовании Закавказского края, представлен уже проект от г. г. сенаторов, ревизовавших здешний край и главноуправляющего г. генерал фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича Эриванского на высочайшее усмотрение, то Сенат и полагает оставить управление по Имеретии в настоящем положении». Но вместе с тем правительствующий Сенат, согласно мнению г. г. сенаторов так же полагал без отлагательства сделать расположение: чтобы на будущее время тяжebные дела из Имеретинского временного правления поступали уже прямо в правительствующий сенат, мимо управляющего Имеретиею и главноуправляющего, на что и представил г. министру юстиции испросить высочайшее соизволение но он г. министр, предварительно отнесся к главноуправляющему генералу от инфантерии барону Розену, прося его сообщить по сему последнему обстоятельству свои соображения. По этому г-н главноуправляющий в отношении к нему министру от 9-го февраля 1833 года изложил: что он, пока последует предназначенное образование Закавказского края, полагал бы, что бы тяжebные дела, решаемые в Имеретин-

ском временном правлении, по прежнему порядку, поступали к управляющему Имеретиею, а после к главноуправляющему, и чтобы решения сего последнего объявлять обоим сторонам, чрез Имеретинское правление со внушением им, что если кто решением главноуправляющего в иске выше 500 р. сер. заключающемся доволен не будет, то может приносить свои жалобы в Правительствующий Сенат в срок для Грузии на подобные случаи установленный.

После этого никаких изменений по управлению Имеретиею не последовало.

Чиновник для особых поручений надворн. советн. (подпись).
АВП. К и Б. фонд Кав. Ком. 1837 г. д. № 7-г, л. 11—13-

Записка об учреждении в Гурии временного
правления составленная из дел

После смерти владетельного князя Гурийского княжества остался по нем наследником малолетний князь Давыд Гуриелов. До совершеннолетия его, учрежден был для управления Гуриею Временной Совет из тамошних князей под председательством матери наследника вдовствующей княгини Софии Гуриеловой и под наблюдением управлявшего Имеретиею за действиями Совета. Княгиня София будучи недовольна этим учреждением, ограничившим ее самовластие, обнаружила явным образом враждебные замыслы противу России, и в октябре месяце 1828 года удалилась в Турцию увезя с собою и малолетнего наследника князя Давыда Гуриелова. По случаю этому, составлено в Гурии Временное Правление на основании, изложенном в наставлении данному правлению в 1828 же году бывшим управляющим Имеретиею генерал майором Гессе. Главноуправляющий Закавказским краем г. генерал фельдмаршал князь Варшавский, граф Паскевич Эриванский, признав нужным и полезным устранить князя Давыда Гуриелова на всегда от княжения в Гурии и присоединить это владение к Российской империи, испросил на это высочайшее его императорского величества соизволение, по последовании которого, дал об этом предписание управляющему Имеретиею от 1-го марта 1830 г. за № 16, оставя прежний образ правления в Гурии без изменения.

Как Гурийские доходы, будучи малозначительны, заключались в одних произведениях земли, то никакого штата чином составлявшим тамошнее управление сделано не было, а они в замен денежного содержания, получали по правам прежних владетелей, некоторую часть сборов с земных произведений. После того г. главноуправляющий, генерал адъютант барон Розен, найдя возможным заменить этот неопределительный сбор денежною податью, назначил по особому расписанию постоянное жалованье председателю, членам и прочим чиновникам Гурийского правле-

ния, препроводив то расписание в Правление при предписании от 19 марта 1837 г. за № 179.

Чиновник для особых поручений (подпись).

АВП. К и Б. фонд Кавк. Комитета 1837 г. д. № 7-г,
д. 17-об.

Копия с постановления данного временному правлению княжества Гурийского в 1828 г. управлявшим Имеретиею генерал майором Гессе

§ 1.

По случаю побега вдовствующей Гурийской княгини Софии учреждается временное правление от имени малолетняго владетеля князя Давыда Мамиевича Гуриелова.

§ 2.

Правлению сему состоять из двух членов под председательством г. подполковника Кулябки.

§ 3.

Члены временного правления избираются управляющим Имеретиею из князей и дворян пользующихся в земле уважением оказавших услуги правительству или знаки своей благонамеренности и утверждаются Главноуправляющим в Грузии.

§ 4.

Существование временного правления предполагается до совершеннолетия наследника владетельного князя Гурии Давыда.

§ 5.

Временному правлению предоставляется суд и расправа между жителями княжества, сообразно с 3 статье просительных пунктов покойного владетеля 19 июня 1810 года при вступлении его во всероссийское подданство и высочайшего утверждения удостоенных т. е. оно разбирает между жителями сообразно обычаям земли споры о земле, о имении, ссоры, драки, неимевшие важных последствий, например увечья и смертоубийства, но доотсылает для суда к управляющему Имеретиею всех

тех, кои окажутся в разных грабежах, смертоубийстве, увечьи, пленнопродавстве в неволю и посягательстве во вред княжества а тем паче правительства.

§ 6.

Разбор дел правлению предоставляемых, производится в общем всех членов собрания на лицо находящихся. Дела решаются по большинству голосов. В случае равенства голосов, большинство считается на той стороне, на которой голос председательствующего.

§ 7.

Правлению вменяется в обязанность, вести записку о своих занятиях, из коей видно бы было: когда кто и в чем именно приносил жалобу, чем она удовлетворена, или по каким уважениям отказано и кто именно из членов находился тогда в собрании. Дабы в последствии, если недовольный решением правления обратится с своею жалобою к правительству, могло оное получать от правления извещение, почему им домогательство жалующегося не уважено.

§ 8.

Все бумаги, предметы службы в себе содержащие, адресуются не на имя которого либо из членов, или председательствующего но в правление, которое делает на оные ответы и свои разным служащим отношения, по прилагаемой здесь форме, за подписанием всех, на лицо находившихся членов правления.

§ 9.

Ежели бы правлением признано было нужным какое либо для блага княжества новое учреждение, то оно может предположения свои представить управляющему Империею, а сей с своим мнением к Главноуправляющему в Грузии.

§ 10.

На обязанность Правления возлагается точное выполнение всех условий принятых на себя покойным владельцем в упомянутых уже просительных пунктах. Подлинное подписал генерал-майор Гессе.

Верно: Надворный советник (подпись).

АВП. К. и Б. фонд Кав. Ком. 1837 г. д. № 7-г, лл. 11—12.

Выписка их дела по рапорту г. г. сенаторов: графа Кутайсова и Мечникова, о произведенном ими осмотре двух портов: Редут-Кале и Поти, и части Мингрелии

Гурийское княжество. Из крепости св. Николая, граф Кутайсов отправился для обозрения Гурийского княжества, дабы по недавности времени присоединения оной к России можно было предположить что-либо к устройству сей области. Гурийское княжество с 1810 г. находилось в подданстве России, но управлялось владетельным князем из дому Гуриелов на правах, в том же году высочайшею грамотою утвержденных. По смерти сего князя управление Гуриею предоставлено было, до совершеннолетия его наследника, супруге покойного, вдовствующей владетельной княгине при посредстве однакож особо утвержденного правления из природных тамошних князей. В 1828 г. владетельница Гурии, по неблагоприятию своему к российскому правительству, связав против оного народное возмущение, убежала в Турцию, вместе с малолетним своим наследником и дочерью. Такой поступок вынудил начальство принять меры, как с враждующею областю, и двинуть в сие княжество российские войска; учрежденное же тогда с высочайшего разрешения, временное правление сохраняло необходимый в то время внутренний порядок сей области. Правлению сему даны были, для руководства в действиях составленные г. Управлявшим Имеретиею, некоторые правила, и вменено в обязанность действовать именем малолетнего наследника Гурийского княжества. Правление состояло под председательством российского штаб-офицера и из двух членов из тамошних князей. Помянутые правила основаны на правах высочайше дарованных гурийскому владетелю при утверждении просительных пунктов. Таким образом правлению, между прочим, предоставлены суд и расправа, сообразно с статье сих пунктов, т. е. оно разбирает по обычаям земли, споры об имуществе, ссоры и драки, не имевшие

важных последствий, но дела всех тех, кои окажутся в разных грабежах, смертоубийствах, увечье, пленникопродавстве и посегательстве во вреде княжеству и правительству, — отсылает для суда к Управляющему Имеретиею. Правлению также вменено в обязанность вести записку о своих занятиях и стараться о благе княжества. Впоследствии, по просьбе жителей, прибавлено в правление еще два члена, по примеру того, как составлялся суд при покойном гурийском владетеле из 4-х мдиванбегов. Но когда потом замыслы гурийской владетельницы против российской правительства явно обнаружилось, то в 1830 г. последовало высочайшее повеление о присоединении сего княжества к России, наследник и сестра его, за участие их в поступках матери своей, лишены всех прав как на принадлежавшее им наследие, так и на вознаграждение за оное; а князьям находящимся за границую виновникам возмущения в сем княжестве, воспрещено возвращение в отечество и имение их предписано раздать ближайшим родственникам. По обнаружении в Гурии сего высочайшего повеления, жители ее приведены к присяге на верность российской державе, и затем гурийское временное правление оставлено в своем виде и без всякого изменения, поручено только правителю Имеретии, если он найдет необходимым составить проект преобразования того правления, и представить оный на утверждение г. Главнокомандующего.

Из крепости св. Николая, следуя уже по гурийскому княжеству, граф Кутайсов посетил Озургеты, место где гурийский владетель проживал в летнее время. Здесь, между прочими строениями, нашел он каменный дворец, начатый покойным владетелем, но остающийся неоконченным; в нем помещаются значительные запасы провианта, под охранением небольшого отряда российских войск, а по прочному устройству он мог бы быть употреблен начальством с пользою; другой казенный деревянный дом совершенно пуст.

Из Озургет отправился гр. Кутайсов в Нагомары, местопребывание бывшего владетельного князя в зимнее время, где помещено гурийское временное правление. Из ревизии сего правления открылось: 1) что в оном, по данным Управляющим Имеретиею правилам, решаются дела по большинству голосов присутствующих; и 2) для записки поступающих дел и учиненным по оным резолюций, хотя и заведен реестр но в оном не найдено ни одного дела записанным; в такой же неисправности

найлены и реестры для записки входящих и исходящих бумаг. В правлении, с самого учреждения оно не было назначено секретаря, но всего важнее, что в оном не было никогда ни одного писца; словом — гурийское временное правление носит только название Присутственного места, дела в оном могут решаться только словесно и без всякой отчетности, ибо с начала учреждения правления не было дано средств даже к отписке бумаг. Прикомандированный к правлению переводчик грузинского языка (14 класса Лалалзев) едва ли не последний из знающих посредственно русский язык и потому исправность в течении дел лежит как бы на одном председателе, (майоре Челаеве) занятом сверх того, распорядительную часть по заведываемой им области. Все сие убеждает г. г. сенаторов к следующему заключению: Главноуправлявший в Грузии, и правитель Имеретии быв заняты военными действиями с Турцией, не имели времени дать временному правлению в руководства полные правила и заняться самым устройством оного, к чему не представляли действительной необходимости и неизвестность о присоединении навсегда гурийского княжества к России. В этом удостоверены навсегда вышеизложенные правила, подобные коим едва ли были даваемы, для руководства в действиях одному человеку. В них не обозначено главного порядка перехода дел из сего правления, в случае неудовольствия тяжущихся, разрешение дел, хотя и обозначено, что должно быть по тамошним обычаям, но в случае если встретятся обстоятельства, не могущие разрешиться местными обычаями, то о порядке решения дел при сем ничего не упомянуто. Самые обычаи могут быть известны только членам правления, избранным из коренных гурийских жителей; но председатель из российских штаб-офицеров, имея по званию своему важный вес в решении дел, может ли знать с точностью все обычаи народа? — Сверх того в сих наставлениях неопределенно, к какой степени Присутственных мест принадлежит гурийское временное правление, кому оно подчинено, и какого рода должны быть сношения с прочими Присутственными местами. Такое неустройство правление должно приписать одной лишь небрежности Управлявшего Имеретиею, обязанность коего была, по окончании военных действий с Турциею немедленно приступить к правильному устройству того правления, необходимого во всяком вновь завоеванном крае, тем более, что он имел на сие от Главноуправлявшего предписание.

За всем тем граф Кутайсов поручил лично г. Председателю гурийского временного Правления составить ведомость нерешенным делам и проект об образовании канцелярии сего Правления и представить оные на рассмотрение; по неполучении оных, подтверждено 27 июня и 11 октября 1830 г. и наконец от 11-го декабря того же года сообщено Управлявшему Имеретиею о строгом подтверждении председателю Правления на счет скорейшего доставления требуемых сведений, с таким напоминанием, что ежели он и за сим не пришлет тех сведений, то будет предан суду, как ослушник предписаний начальства, но все сии настоянии оказались тщетными (особое дело за № 172). Кроме сего от 2-го июня 1830 г. гр. Кутайсов относился еще к управлявшему Имеретиею о том, не сделано ли со стороны его каких либо распоряжений о назначении в Правление секретаря и достаточного числа писцов, но на сие и от него никакого уведомления не получено, тогда как для объяснения сего не должно было быть ни малейшего отлагательства. Что касается до достоинства и способностей присутствующих в Правлении, то по краткости пребывания, о сем ничего достоверного нельзя было заметить впрочем общие слухи о беспристрастии и деятельности и военные заслуги майора Челаева рекомендуют сего чиновника с выгодной для него стороны; прочие же 4 члена, избранные по предписанию Управлявшего из преданных и усердных российскому правительству гурийских жителей, как полагать должно, соответствуют цели их назначения в сии должности. Во временно Правление передана опись имениям гурийской владельницы, поступившим в казну после ее измены. При ревизии Правления, между сими вещами, найдены знамя и грамота, высочайше пожалованные гурийскому владетелю и официальные бумаги здешнего начальства. Что касается до климата и положения гурийского княжества, то в сравнении с низменными частями Имеретии и Мингрелии, оно считается лучшим: протекающие во множестве горные речки доставляют чистую и здоровую воду, а самые произведения сей области, и в особенности изобилие растущего там винограда и других южных деревьев, возвышенные поверхности земли, и много хороших лесов, делают тамошнюю природу чрезвычайно растительною.—Народонаселение в Гурии невелико. Большая часть жителей занимается хлебопашеством, которое, не смотря на плодоносную землю, находится еще в колыбели, по бедности. Для переписи народной

или камерального описания, командирован был туда чиновник Ивин, состоящий при Управлявшем Имеретию, и хотя занятия его в то время были начальны, однакож и посему мог заключить граф Кутайсов, что чиновник сей исполнял возложенную на него порученность с усердием и надлежащею исправностью. До того времени, все казенные доходы собирались с жителей гурийского княжества сообразно того, как оные поступали при владетельных князьях на каждое мауравство или отдельную часть сего владения определена особая плата, или хлебная подать, но к полному исчислению всех таких доходов еще не преступлено и уравнильной системы в податях там вовсе не существует. Посему все казенные подати остаются на вере сборщиков, ибо по неопределительности оной, нельзя приступить к правильности учетов. Все денежные подати отсылаются для хранения, в Имеретинское временное Правление, прочие же сборы остаются в распоряжении тамошнего гурийского начальства.— Не существует ни одного города; а гурийские князья и дворяне, словесно просили графа Кутайсова, о ходатайстве об основании города в сем княжестве ибо они все потребности, необходимые в домашнем быту, должны закупать в Кутаисе, находящимся в довольном расстоянии от Гурии, и при сем изъявило готовность свою к постройке там домов; место же для города они признают лучшим Озургеты, как по климату, так и потому, что оное находится в самой середине Гурии.— Между прочими предположениями Управлявшего Имеретию относительно устройства заведываемых им областей, он нашел нужным учредить в гурийском княжестве временный карантин, дабы не могли вторгнуться в Имеретию из пределов Турции чумная зараза, почти беспрестанно там существовавшая (особое дело при Имеретинском отчете).

Все эти замечания были сообщены Главноуправлявшему в Грузии князю Варшавскому, в отношении от 31-го марта и 20 апреля 1831 г. за №№ 237, 418, и 419 и при этом случае г. г. сенаторы полагали: 1) хотя неустройство гурийского временно-го Правления в самом составе оного, и найденные беспорядки необходимо требуют исправления, но как в составленном или обще с его светлостью проекте об образовании Закавказского края, предоставленном тогда его императорскому величеству изъяснены также некоторые предположения в отношении об образовании гурийского княжества, то до приведения оных в исполнение, оставить там настоящее управление, с тем однакож,

чтобы правила, правителем Имеретии, были дополнены и определено бы было, что в случае неудовольствия тяжущихся на решение того правления могут они приносить апелляционные жалобы правителю, от которого уже дела переходят далее по существующему в Имеретии порядку; срок подачи такой жалобы по необычности тамошних жителей, на первый раз назначить двух месячный. Дальнейшее же образование Гурийского княжества предоставить предполагаемому верховному правительству Закавказского края. 2) находя главною причиною в неисполнении гурийским временным Правлением даже незначительных предписанных оному форм, то, что оно не имет никаких способов для безостановочного течения дела, они г. г. сенаторы также просили Главноуправлявшего в Грузии о немедленном распоряжении его в отношении образования канцелярии гурийского Временного Правления. 3) Поступок председателя сего Правления майора Челяева, в отношении неудовлетворения вышеупомянутых требований, предана благоусмотрению его же Главноуправлявшего, но, убедившись общим слухам о беспристрастии деятельности Челяева, они г. г. сенаторы поставили себе в обязанность ходатайствовать о смягчении строгости закона, с тем однакож, чтобы требуемые от него ведомости о решенных и нерешенных делах Правления была немедленно доставлена. 4) Также просили они сенаторы Главноуправлявшего о том, чтобы хранящиеся в гурийском временном Правлении: знамя, грамота и рескрипт, высочайше пожалованные владельтельному князю, возвращены были кому следует, ибо оставление сих монарших знаков, без должных почестей, не прилично и не соответствуют настоящему их значению. Что же касается до прочих документов, находившихся в Правлении, как бы в числе вещей, оставшихся после побега владетельницы, они г. г. сенаторы считали нужным сдать оные в Архив дел Правления, или отдать для сохранения Управляющему Имеретиею, ибо в оных могут находиться такие обстоятельства, которые должны быть известны только главному начальству, прочие же вещи, вовсе бесполезные казне и могущие подвергнуться порче, продать с аукционного торга. 5) Если камеральное описание гурийского княжества приведено уже к окончанию, то немедленно снабдить оным гурийское временное Правление, для правильного взимания с тамошних жителей казенных податей. 6) В отношении основания в Гурии города, они г. г. сенаторы просили ходатайства Главно-

управлявшего, с тем однакож, что место для него они полагали-б назначить в Озургетах, куда перевести и временное Правление, которое можно будет с удобством поместить в находящемся там каменном дворце и 7) Находя предположение Управлявшего Имеретию об учреждении в Гурии карантинна основательным, они г. г. сенаторы сообщили Главноуправлявшему и притом полагали, чтобы карантин сей принадлежал штатным, а не временным, ибо через сие может предохраниться не одна только Имеретия от влияния заразы, но и гурийское княжество, а может быть и весь Закавказский край. Вследствие сего командовавший войсками и Управлявший гражданскою частью в Грузии и в Закавказском крае генерал лейтенант Понкратьев дал знать от 8 мая 1831 г. за № 2669, что по приказанию г. генерал-фельдмаршала, от того же числа предписано им к исполнению Управлявшему Имеретию генерал майору Гессе; согласно вышеизложенному отзыву их г. г. сенаторов. Хотя же из помянутого предписанию Управлявшему Имеретию видно, что от майора Челяева велено истребовать ведомости о нерешенных делах по гурийскому Временному правлению и представить оную немедленно по принадлежности, но таковой ведомости и до сих пор не доставлено; основание в Озургетах города г. Главноуправлявший в Грузии оставил до общего образования Закавказского края, относительно же учреждения в гурийском княжестве карантинна и хранящихся в таможенном правлении некоторых документов и вещей он же г. Панкратьев, от 27 июня за № 3863, дал знать, что вследствие приказания г. генерал фельдмаршала по предмету предложено от него Комитету, учрежденному для охранения Грузии от влияния заразительных болезней 20 мая за № 2988, сделать согласно сему отношению надлежащее распоряжение, а по последнему предписано также для исполнения Управлявшему Имеретию от 20-го же мая № 2994.

Замечания графа Кутайсова по осмотре им берегов Черного моря в Закавказском крае и портов Редут-Кале и Поты, сообщены г. министру финансов при отношении от 28 октября 1831 г. за № 511.

Правительствующий Сенат, указом, состоявшимся в 11 день мая 1832 г. за № 3563, определил: как из рапорта г. г. сенаторов графа Кутайсова и Мечникова, об осмотре первых из них двух портов Редут-Кале и Поты, а также княжества Мингрелии, Гурийского владения, видно, что они о замечаниях своих

по сим местам и о самых предположениях по оным к устройству некоторых частей, отнеслись куда следует по принадлежности, то за таковым распоряжением их г. г. сенаторов, рапорт сей, как не требующий со стороны Сената разрешения, кроме нижеследующей статьи, принят к сведению. Затем хотя по предмету устройства в Гурии карантинна г. г. сенаторами предположения их сообщено Главноуправлявшему в Грузии, но о том чтобы и министру Внутренних дел, по состоянию в ведении его карантинной части, доставлено было по сему предмету уведомление из донесения их г. г. сенаторов не видно, то о сем уведомить его г. министра от Правительствующего Сената.

(Центр. Гос. Арх. Вн. Пол. Культ. и Б. Ф. Кавказ. Комит., г. 1832, к № 12-б прил. 1-е, л. 10—14).

ДВЕ ЗАПИСКИ ЦАРЕВИЧА ДАВИДА
„О ЛУЧШЕМ УСТРОЙСТВЕ ГРУЗИИ“

Подготовил к печати

И. К. ЕНИКОЛОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Замечательный полководец, государственный деятель, писатель-вольтерианец, царевич Давид сказался и как замечательный историк, прекрасно разбирающийся в прошлом и современном ему состоянии Грузии.

Его «Нарквеви», изданные в Тбилиси в годы своего правления (1800 г.), особенно ценны фактическим материалом эпохи, которую он застал.

Характерно, что в наиболее интересной заключительной части истории, где он сам, как правитель Грузии (после смерти Георгия XII) принимал главенствующую роль, он высказывается, из скромности, сжато и более чем объективно.

Будучи выслан из Грузии в Петербург в 1803 г. и поселясь там на постоянное местожительство, он не прерывает своей историко-литературной работы. Переводы лучших классических произведений, ряд своих прозаических сочинений и стихотворений, наряду с блестящими по своему изложению письмами, отправленными своим друзьям в Грузию, свидетельствуют о непрерывной творческой работе его.

Из исторических его произведений за данный период известна его „Краткая история о Грузии“, написанная им (в 1805 г.) по русски и изданная Академией Наук.

Из других его исторических трудов заслуживает внимания записка—проект «О лучшем устройстве Грузии», нигде до сих пор не напечатанная. Извлечена она мною в 1939 г. в Ленинграде из архивных дел канцелярии Министерства внутренних дел по Грузии за 1812 г., хранящихся в Государственном архиве внутренней культуры и быта за № 348.

Записка царевича Давида, составленная в 1812 г., являлась как нельзя кстати. Обычно, при назначении главноуправляющих Кавказским краем никаких твердых инструкций по гражданскому управлению им не давалось, все предоставлялось усмотрению каждого. При беспрестанных войнах в первые годы утверждения русского владычества на Кавказе, гражданская власть фактически оставалась на попечении старших

чиновников, действующих за собственный страх. Частые смены главноуправляющих еще более вносили путаницу в управление. Все это вызывало недовольство населения, с оружием в руках защищавших свои права: восстания, умирямые огнем и мечом, возобновлялись с еще большим воодушевлением, через самый короткий промежуток времени.

Первая попытка внести ясность в формы гражданского управления краем явилась у правителя Грузии Литвинова—опытного чиновника. Представленный им в 1809 году проект детально разбирался главноуправляющим Гудовичем и затем Торماسовым и был направлен с их замечаниями в Петербург для рассмотрения. Этот проект не встретил сочувствия у министра внутренних дел Куракина, не получил одобрения и в Государственном совете и был оставлен без последствий, однако-ж он возбудил интерес к данному вопросу и решено было тогда-же «собирать от всех министров сведения к тому относящиеся...».

Большое внимание было обращено также на возможность применения в судопроизводстве законов царя Вахтанга VI, с каковой целью приступлено было к их переводу. Рассмотрение этих переводов было поручено особому комитету в Петербурге, с участием царевича Давида.

Записка царевича Давида адресована О. П. Козодавлеву, тогдашнему министру внутренних дел. Сам грузин, из потомков переселившихся грузин в Россию в 1724/25 гг., Козодавлев отлично разбирался в вопросах касающихся Грузии, заведая этим отделом, входившим в министерство, еще до своего назначения, министром.

Получив «Записку» Козодавлев представил ее Александру I и от себя ходатайствовал... «обратить оный (проект) прежде к главноуправляющему в Грузии на рассмотрение и с замечанием его присовокупить к прочим сведениям до Грузии относящимися, для внесения в свое время в Государственный Совет». Тут же он предлагал «повелеть царевичу Давиду Георгиевичу за труд и усердие его объявить монаршее благоволение».

Однако же царь распорядился: „препровдить проект к генерал-лейтенанту маркизу Пауллучи на рассмотрение с тем, чтобы он мне доставил свое по сему мнению“.

«О „благоволении“ за „труд и усердие“» царевичу Давиду—ничего не говорилось. Не выполнил царь и первое пожелание Козодавлева—направить проект к главноуправляющему Грузии, каковым в ту пору был ген. Ртищев, а распорядился дать его на рассмотрение маркизу Паулуччи, уже покинувшему этот пост.

11 октября 1812 года Козодавлев в письме на имя маркиза Ф. О. Паулуччи, находящегося в ту пору в Петербурге, препроводил проект царевича Давида с тем, чтобы он доставил «по содержанию одного» свое «мнение». Очень скоро (17 октября) от маркиза Паулуччи получен был ответ—возражение, по пунктам разбирающего проект. Ответ Паулуччи представляет немаловажный интерес. В некоторых частях он справедливо обрушивается на высказывания Давида; в других—видна его осведомленность (знание законов царя Вахтанга и др.).

Конечно, трудно предположить, что ответ Паулуччи составлен им собственноручно или выражает его мысли. Паулуччи пробыл в Грузии всего без малого год, своим неумением подойти к народу вызвал восстание в Кахетии. К тому же знал он русского языка (как утверждает это Давид).

Можно предположить, что автором ответа Паулуччи был его бывший правитель канцелярии, способный чиновник П. Могилевский (если только он сопутствовал маркизу в его поездке в Петербург), не раз исполнявший уже ответственные поручения и показавший свое хорошее знакомство с краем при последующих главноуправляющих.

Некоторое участие в составлении ответа Паулуччи мог принять и известный писатель и общественный деятель Е. Г. Чилиев (Чиладзе), основательно знакомый с историей Грузии и участник перевода законов царя Вахтанга на русский язык.

В описываемую пору Чилиев жил в Петербурге и как приверженец царевича Вахтанга был в натянутых отношениях с Давидом.

Замечания маркиза Паулуччи, министр Козодавлев нашел «весьма основательными». Вместе с проектом царевича решено было их «присовокупить к прочим сведениям до Грузии относящимся, для внесения в свое время в Государственный Совет».

Проект-записка царевича Давида так и остался проектом, сданным навсегда в архив.

Вторая записка царевича Давида, представлена им по прошествии 4-х лет. Она заметно отличается от первой. Хотя он отмечает в ней на первом месте «пользу для казны и успокоение тамошних народов», на самом деле записка касается более его лично.

Записка эта слушалась в Комитете министров (20 марта 1817 года). Мнение министра было таково: 1) «что присоединение царства грузинского к империи Российской последовало по желанию последнего покойного царя Грузинского Георгия»... 2) что «царевичу Давиду Георгиевичу так и прочим царевичам еще в 1804 г. по высочайшему повелению решительно объявлено, что они не могут возвратиться в Грузию»... 3) что «вообще бывшему царскому грузинскому дому оказаны государем чрезвычайные милости и щедроты...» 4) и что «пожалованные им капиталы и пенсии слишком вознаграждают их за доходы, какие получили они с уделов принадлежавших им в Грузии...»

Тогда же Комитет 20 ноября 1817 года постановил: «в просьбе сей царевичу Давиду Георгиевичу согласно мнения министра внутренних дел—отказать».

Когда же год спустя Давид снова напомнил о себе, то получил (через Козодавлева) от всесильного тогда временщика графа Аракчеева, уведомление, что он «приносит просьбы вовсе неосновательные и что если и после сего не будет жить спокойно, тогда последует уже повеление, чтобы отставить его от службы и выслать из Петербурга».

В 1819 году царевич Давид скончался.

И. К. Ениколопов.

*Милостивый государь
Осип Петрович,*

Препровождая при сем некоторые примечания о Грузии и составленной мною проект к лучшему устройству тамошнего края клонящийся, я покорнейше прошу ваше превосходительство представить бумагу сию на высочайшее усмотрение и уважение. Я счастливым себя почту ежели представляемый мною план удостоится апробации. Ваше превосходительство и сами изволите усмотреть что главнейшее его содержание есть при сокращении чрезвычайных расходов по части военной и гражданской на Грузию употребляемых—соединить обоюдные выгоды чрез некоторые перемены в управлении. Впрочем что касается до личности моей то я здесь ни чего не желаю и не ищю; ибо при благодетельной попечительности государя императора судьба моя устроена, и я совершенно доволен настоящим своим положением. В сем уважении долг всеподданнейшей моей благодарности и усердия к его императорскому величеству всемилостивейшему моему государю возлагают на меня священную обязанность представить на внимание включаемую здесь бумагу основанную на высоких пользах Империи всероссийской и сохранении интереса государственного. Что же касается до тех статей, которые по существу своему имеют некоторую связь с внешними обстоятельствами Грузии, то я вместе с сим препроводил для рассмотрения ноту к господину государственному канцлеру, одинакового с прилагаемою здесь бумагою содержания.

Пользуюсь случаем повторить пред вами милостивый государь искреннейшее мое почтение и преданность с коими навсегда имею честь пребыть к особе вашей милостивый государь вашего превосходительства покорнейший слуга
царевич Давыд.

С.-Петербург 1812 г.
Его превосходительству
О. П. Козодавлеву.

(УЦГАЛ, АВШКиБ, фонд Канц. Мин. внутр. дел, по управлен. Грузии д. № 348, 1812 г. л. 167).

Состояние царства Грузинского до присоединения его к державе Всероссийской

Грузия, как и все прочие известные народы выводит свое начало от самой отдаленнейшей древности. Грузия при начале имела правление народное, потом имела она правителей, или судей, в коих заключалась власть законодательная, а с эпохи разделения последовавшего по смерти Александра великого, сделалась уже совершенно государством монархическим и стала управляться царями.

В продолжении сего времени Грузия имела непрерывный союз с сильнейшими соседственными народами, смотря по обстоятельствам, и чрез несколько столетий при всех отечественных преимуществах была в покровительстве Персидского престола. Незыблемость малолюдного и окруженного отовсюду хищными врагами царства Грузинского, ограждалась твердо древним персидским установлением по коему царю грузинскому наследственно присвоено было звание великого наместника монархии Персидской. Почему в случае ежели бы пресекалось поколение государей из рода Софи¹, то царь Грузии яко вассал Персидской державы и родственник дому Софийскому, как по вышепомянутому тамошнему коренному постановлению, так и утвердившемуся мнению в народе, должен наследовать престол и принять правление в Персии, до открытия ближайшего наследника из рода царствовавшего поколения Софи. Постановление сие царство Грузинское поставляло в совершенной безопасности со стороны Персидского государства, а вместе с тем покровительство и силы персидские удерживали покушение других держав и горских хищников к вторжению в ее пределы в таком положении Грузия оставалась до деда моего царя Ираклия.

Царь Ираклий по духу и уму известный в истории своего века, сохранил и даже распространил древние права

своих предков, как по внутренним, так и внешним отношениям. Благоразумным правлением и победами он сделался страшным соседям своим и самым персианам, при начинавшейся возникать там революции.

Когда безначалие возродившее дух несогласия и раздора в Персии, обняло во всем пространстве сего великую державу, когда мятежные искатели верховной власти разделясь на сильные партии чрез истребление друг друга, старались основать свое могущество, тогда царь Ираклий при всех ужасах революции, пребыл непоколебимым в своем духе, и верным союзником державших сторону прав народных и целой Адрибежан склонил в единомыслие с собою.

В сих крайних обстоятельствах, царь Ираклий желая оградить престол свой от всяких притязаний хищников персидских а с тем вместе даровать защиту верным союзникам своим адрибежанцам призвал на себя, на дом свой и на весь народ грузинский, покровительство императрицы Всероссийской Екатерины II.

Великая императрица Всероссийская положив священный обет с дедом моим заключенным в 1783 году трактатом излила милость и покровительство свое к царю и ко всему его народу. С появлением победоносных российских войск совершенно пресекались все крамолы и искательства противных. Адрибежан видя могущество Екатерины, признал над собою верховную власть императрицы Всероссийской. Устрашенные чрез то: Еривань и Ганжа сделались данниками царю Ираклию, да и прочие прилежащие к ним провинции присылали всякой год к моему деду, в знак покорности и повиновения по тамошнему обычаю богатые подарки (что продолжалось даже до времени правления моего Грузиею).

Среди течения сих дел, пресекалась жизнь царя Ираклия и первородный сын его царь Георгий, родитель мой вступил на престол своих предков.

Порта Оттоманская издавна завидующая победоносному оружию Российскому, и дабы более оградить от всяких покушений азиатские свои провинции, не оставила употребить всей своей хитрости чтоб склонить нового Грузинского царя на свою сторону. Ахальцихской паша Сабит², получил султанское повеление убеждать его к принятию покровительства Порты. Сверх подтверждения всех прав и преимуществ царя

9. მასალები საქართვე. და კავკ. ისტორიისათვის, 1942 წ. ნაკვ. I.

ства Грузинского, сверх удостоверения султанского об отличном уважении и милости к царственному дому, царю было обещано покорение силами турецкими Адрибежана, с тем что сия область навсегда будет упрочена династии Багратионовой. Но все таковыя предположения остались тщетными.

Царь Георгий отвергнув домогательство Порты, желавшей заключить союз с Грузиею, по силе священных обетов отца своего царя Ираклия с великою Российской императрицею Екатериною II заключенных, чрез нарочное посольство отправил к высочайшему Российскому двору всеподданнейшее прошение, о утверждении его на царстве Карталинском и Кахетинском. Государь император Павел первый подтвердив во всей силе дарованные всепресветлейшею родительницею его царю и царству Грузинскому привилегии, высочайшею своею грамотою в 18-й день апреля 1799 года данною, удостоверив царя императорским своим словом о всегдашнем к нему и ко всему его потомству милости и покровительстве.

По смерти родителя моего императору Павлу I угодно было повелеть своему иностранных дел министру графу Ростопчину по соглашению со мною составить особый артикул до устройства Грузии относящийся и служащий дополнением к прежнему трактату в доказательство всеподданнейшей моей к всемилостивейшим самодержцам Российским и к Империи преданности, я согласился на все изложенные в том артикуле пункты и тогда же подтвердил все то подписанием моим. Но прежде нежели акт сей принять мог свое действие, пресекалась жизнь императора Павла.

Состояние Грузии по открытии Российского правительства

Когда учредилось в Грузии Российское правительство, я пользуюсь удельными моими имениями (которые со стороны нового правления утверждены были за мною) оставался там в спокойном состоянии частного человека, до препоручения в сем краю главного начальства князю Павлу Дмитриевичу Цицианову. Князь Цицианов издавна преисполнен будучи личным неудовольствием ко всему нашему дому, потому что царь Ираклий наказал некоторых ближних его род-

ественников, избалованных в измене—употребил данное ему доверие и силу на чувствительное нам отмщение, руководствуясь в сем случае понятиями и нравами азиатскими не возбраняющими отыскивать крови за кровь чрез несколько колен по линии нисходящей.

Князь Цицианов, сверх многих огорчений и грубостей неприличных ни носимому им званию, ни достоинству членов нашего дома, не оставил вредить пользам нашим в своих представлениях тогдашней Министерии Российской. Происками своими нашел он средство удалить нас из отечества и лишить с крайнею обидою оставшагося там имени и уделов.

Между тем, как князь Цицианов высокомерным своим нравом огорчил все соседственные народы, а жестокостями стеснил грузинов, разлилась там чума со времен его до ныне свирепствующая, возник дух несогласия в народе и ненависть к русским, укоренившиеся в мыслях людских даже до настоящего времени.

Все распоряжения и меры князя Цицианова подали только повод и время усилиться и даже осмелиться противу стать великой Империи Российской, тем самым соседственным народам, которые в прежнее правление служили царям и платили дань Грузии, даже до управления моего чрез таковое направление обстоятельств расстроенная Грузия не могла уже войти в предположенное ей устройство. Все мудрые начертания и разные средства главнокомандовавших там после Цицианова, графа Гудовича и генерала Торماسова, остались без дальнего успеха. Наконец получивший в сем краю начальство маркиз Паулуччи, незная ни характера нации, ни же языка русского, чтоб можно было объясняться положил так сказать между собою и ими род некоторого недоразумения—кончившегося известными неприятностями.

Причины такового не устройства в Грузии по мнению моему произошли от нижеследующих обстоятельств:

1. Князю Цицианову отнюдь не следовало отправлять из Грузии царевичей, а тем еще мене лишать их уделов, ибо не обстоятельство имело крайне неприятное влияние на гру-

зинов и на народы соседственные*. Впрочем ежели бы кто подлинно нашелся неблагонамеренным высоким Российским интересам, то такового под видом будто уважения к дарованиям личным, определять к какой либо службе внутрь России, чрез таковой политической оборот, не было бы места роптанию и неудовольствию внутреннему, а окрестные народы обратили бы свое внимание к сему мнимому уважению, и были бы привержены и расположены к России.

2. Судя по местным обстоятельствам нужно было в помощь главнокомандующему придать одного из царевичей, которого тогда можно бы было на основании законоположения Персидского объявить там наместником до открытия законного наследника**, а по насилию и мятежу присвоил себе правление, то чрез объявление царевича грузинского яко родственнику до дому Софийскому наместником персидским, тамошние дела пришли бы в крайнее расстройство, и даже можно было ожидать совершенного низложения похитителя власти шахской.

3. Когда бы присоединен был в управление Грузиею один из царевичей, то Порты не имела бы вовсе права присвоивать себе Имеретию и Ахальцых, потому что по праву наследства принадлежат оные царскому грузинскому дому. Царствовавшая же в Имеретии фамилия не может присвоивать себе сего владения, как происходящая не от законных потомков Богратионовой фамилии, что известно всему тамошнему народу.

4. Не было надобности иметь там войск регулярных более того, сколько может совершенно содержать и продовольствовать Грузия, без помощи Российской, а вместо полков казачьих и драгунских можно было иметь войска из тамошних жителей; следовало только подтвердить установление царя Ираклия Мориге называемое, т. е. что во всей Грузии без исключительного каждый человек обязывался прослужить один месяц в году, имея впрочем свой провиант,

* Ибо сие даже противно было высочайшему указу в 24 день июля 1802 года генерал-лейтенанту Кнорингу командовавшему в Грузии данною, где именно предоставлялось, на собственную волю царевичей приезжать в Россию и обратно отправляться в свое отечество.

** Потому что нынешний правитель Персии Баба-хан не по праву наследства.

фуртаж и все снаряды, по прошествии месяца он отправился во свояси, а место его по расчислению занимал другой и так далее.

5. Для умножения в Грузии казенных доходов следовало усилить горную промышленность, и плавить руды в Грузии и Имеретии, также умножить и расширить возникающие в Тифлисе, Ганже, Шаке, Шамахии, Дербенте и Карабаге мануфактуры, на которых вырабатываются ковры и другие шелковые и шерстяные изделия. В Имеретии по местной удобности и большому изобилию, в лесах годных к строению кораблей, можно было учредить верфь для строения купеческих судов, на которых весьма удобно доставлять тамошние продукты по Черному морю в Крым. Тогда Россия всякой год получала бы из Имеретии в большом количестве водку, вино, красное дерево, шелк, разные фрукты, сарачинское пшено и проч. и проч.

Изъяснивши таким образом существенное положение Грузии и некоторые соотношения ее к сопредельным народам по долгу всеподданнейшей моей преданности его императорскому величеству всемилостивейшему моему государю и великой Империи Российской равно не менее и для блага своего отечества осмеливаюсь представить начальное начертание к устройству управления Грузией составленное, и сколько возможно к обстоятельствам и к свойству народному приспособленное.

I

Особу главнокомандующего именем его императорского величества действующего к высоким Российским интересам, утвердить навсегда для Грузии и всех тех мест, где ныне простирается власть его.

II

Регулярного войска содержать только сколько в состоянии совершенно продовольствовать Кахета, Карталия и весь новоприобретенный край, вместе с расходами предлагаемых в § III Департаментов, сие разумеется на счет доходов имеющих поступить в общую операцию, со всех мест подведомых Грузинскому управлению.

III

Для лучшего благоустройства и сокращения настоящих на Грузию чрезвычайных и несравненно доходы ея превышающих расходов, учредить там вместо существующего теперь верховного правительства и всех ведомых ему мест, два Департамента Грузинского правления под именем верхнего и нижнего. Верхний департамент управляет всеми вообще частями как то: исполнительною, казенною, хозяйственною, гражданскою, полицейскою и даже войскою по части полиции и продовольствия. В сем департаменте председательствовать лицу особенною монаршею доверенностью облеченному, по нем присутствовать одному из царевичей Грузинских, который признается к тому способнее и еще двум членам и одному главному казначею из русских 5-го или 6-го класса. В распоряжении коего особенно должны быть доходы собираемые с Грузии равно и расходы из оных; но иначе как именем и утверждением всего департамента. Нижний же департамент под дирекцию председательствующего в верхнем или присутствующего царевича, с двумя новыми членами, составить собственно суд уголовный, на том основании как существуют в России уголовные палаты. Но все решения уголовные и постановления генеральные, прежде исполнения, по обеим департаментам вносятся на утверждение главнокомандующего.

IV

Вместо нижних инстанций и земских полиций, по всем вообще уездам и селениям восстановить по прежнему Муравов⁴, которые управляя имениями заключают в себе и мирного судью, что для тамошнего края с издавна привыкшего к сему управлению, весьма полезно.

V

Для совершенного истребления несправедливых претензий и всяких доносов (кроме самоуважнейших и криминальных) оба департамента имеют по вступлении таковых бумаг, немедленно претенденту или доносителю, равно и ответчику давать очные ставки, и удовлетворяются тогда же есть ли позволит удобность, свидетельством посторонних лиц. По таком словесном разбирательстве в тоже время удовлетво-

рив обиженного, бумаги оставлять без дальнейшего суждения, записывая только в журнал заседания того дня и отмечая впредь для справок постановление судейское. В объявлениях словесных поступать таким же точно образом. Впрочем все бумаги требующие дальнейшего суждения и изыскания будут производиться своим порядком, и никто не должен лишиться при случае неудовольствия права апелляции. За несправедливость же апелляции и напрасную проволочку на виновного налагать особенный штраф, что обуздать других страхом.

VI

По таковом распоряжении, в пресечение всякого искаательства князей и дворян грузинских, о вознаграждениях за прежнюю службу, предоставить им право пользоваться тем, что прежде имели, а вместе с тем прекратить получаемые ими пенсии. Мера сия необходимо нужна к восстановлению доброго порядка, ибо когда сие по времени вскоренившееся зло, пресечется всеконечно; по Грузия увидит у себя умножающихся полезных граждан, которые ныне пренебрегая домашнее хозяйство и оставляя в растрействе дома и семейства толпами отправляются в Россию, доискиваться чинов и пенсионов, во все ими не заслуженных, которых никогда получить немогут, да и не должны.

VII

Равно и тем из членов царского Грузинского дома, которые пожелают жить в Грузии позволив сие возвратить их удельные имения, с тем чтобы назначенные на покупку крестьян в России капиталы, поверстать в ведомство казны.

VIII

Для совершенного же потушения несогласий и вредных замыслов учредить на Кавказской линии⁶ на счет доходов грузинского духовенства, яко богоугодное заведение, военную школу, куда можно согласить князей и дворян и даже мужиков сильных в народе, отдавать детей своих для обучения. Что будет некоторым образом залогом верности их отцов, и в последствии образуются хорошие кавалеристы для Российской службы.

IX.

Тех из князей и дворян, которые окажутся неблагонамеренными не отсылать ни в Сибирь, ни в другое место, ибо сие делает страх и неприятное влияние в тамошнем народе, а вместо того выселять навсегда в отдаленнейшие русские губернии с заменом там того что имели в Грузии, что уже отбирать в Казну, чрез сие не будет страха, а пресеется зло. Ибо посланный в Сибирь может возвратиться и более быть вреден, так что по свойству азиатских понятий во всем роде его сохранится злоба и мщение.

X

Устроив таким образом внутреннее управление Грузии для внешнего ограждения пределов края, сего, особливим манифестом объявить на вышесказанном мною основании, наместником в Персии находящегося в Грузии царевича, до отыскания ближайшего наследника из поколения Софийского, или из рода Шаха Надира имеющего также родство с нашим домом, что при дворе Персидском сделает сильное влияние и наведет страх покушаться на что либо против Грузии. Между тем также требовать у Порты султанского подтверждения присвоить царевичу по его праву Имеретию и Ахальцих, что без всякого сомнения может состояться в противном случае можно жаловаться всем Европейским государствам на явную несправедливость Порты.

XI.

Для усиления промышленности учредить торговый город и складку произведений сего края в Кутаисе, а для ограждения от набегов горских хищников построить уездный город в Чаре ⁶.

XII

Нераздельно с устройством дел Грузинских нужно так же дать образование Имеретии и другим вновь приобретенным местам в которых по причине непросвещения жителей, введение порядка подобного предначертанному для управления Грузиею, было бы противно и даже не совместно с понятиями народа живущего в сем краю.

В таком уважении можно сосредоточить все сии народы в главнейшем пункте общественного устройства на тамош-

них правах и обычаях основанного, разделением всей массы на три особенные чиновачалия, которые составят нижеследующие особы.

XIII

Управление верхнею частию Имеретии предоставить князю Церетели, а нижнюю Имеретию поручить князю Дадиану, со стороны же Гурии, то есть: Сапачио⁷ и Саджевахо с прилежащими к ней селениями дать начальство князю Гуриалу. Правители сии действуя во всем согласно с прежними обычаями, равно приспособляясь к нравам жителей и к местному положению, иметь будут во всех судах своих непосредственным участником командующего в тех местах войсками Российскими генерала, впрочем суждение дел уголовных немедленно должно быть представляемо Нижнему Грузинскому департаменту.

XIV

В Шуше, Карабаге и Шамахияе определить по прежнему ханов, на всех тех правах, какия имели их предместники, соединив между тем власть их управления вместе с командующим российским генералом. Находящиеся же там дела уголовные ведать Грузинскому департаменту.

XV

Вместо утвержденного по высочайшей воле правителем в Шаке Джафаре-Кулихана⁸ не обходимо нужно возстановить там прежнего Магмед-Гасан Хана, потому, что народ Шакинской, как и прочие находящиеся там магометане держащиеся секты Омаровой⁹, немогут терпеть утверждающих учение Алиево¹⁰, к которому принадлежит сей новый их правитель. То причина такового разнообразного понятия веры, есть причину многих неустройств и вечной вражды между подданными и их владетелем. По сему уважению отозвав Джафар-Кулихана из сего ханства можно определить ему личную достоинству его пенсию из доходов Шакинского владения. Затем управление всех тамошних дел препоручить прежнему хану с начальствующим там русским генералом исключая однакож уголовного суда, который отнесется к департаменту грузинскому.

МНЕНИЕ НА ОНОЕ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА МАРКИЗА ПАУЛУЧЧИ

*Краткое изложение
грузинского царевича
Давыда Георгиевича*

Историческое описание о грузинском царстве.

1-е. Сие описание в коротких словах истории о грузинском царстве делает честь царевичу Давыду Георгиевичу которому нельзя не отдать справедливости и за прежнее сочинение им истории о сем же царстве, так как оное было первое на Российском языке, коему он живя в России мог научиться и чрез то доставил себе неоспоримое право на первого сочинителя истории о своем отечестве, едва ли сохранившем в подробности тот порядок древнего в нем правления, и каковым описывает он его от народного до монархического, составившегося по словам его, после смерти Александра великого.

О соседственных союзах Грузии с державами и о древнем состоянии ее в покровительстве Персии.

2-е. Весьма естественно, что Грузия могла иметь союзы с соседственными народами, но описываемое царевичем покровительство персидского престола чрез несколько столетий при всех отечественных преимуществах, не было в таком виде под коим он сие разумеет. Ежегодные дани платимые ею Персии постыдным для человечества образом, то есть: отсылкою туда юных дочерей и сыновей отнимаемых от любви родителей дают совсем иное понятие о мнимом покровительстве, которое справедливее можно назвать рабством. Ибо, кроме сего Грузия, по принятому Персиею еще в 16-м столетии правилу, обязана была платить дань деньгами и пышным товаром, и на случай войны выставять для Персии 12 тыс. войска на своем иждивении; а в залог сего должна была она отсылать старшего царского сына к персидскому двору, где он был воспитыван и изучаем в магометанской вере, чему примером служит дед царевича царь Ираклий.

О древнем персидском постановлении насчет признания ею наместником своим грузинского царя и о сродстве между ими.

3-е. Не опровергая сродства грузинских царей с персидскими государями по дому Софийскому, так как из первых были такие, кои отступив от христианской религии принимали магометанскую веру. Следует однако ж остановить царевича Давыда на мнении его о праве, каковое будто грузинские цари с издревле имели на наместничество в персидском престоле. Нет ничего лестнее для видов царевича, как выказывать себя из числа родственников и наследников персидскому престолу. Но для сего не безужно бы было, есть ли бы он поставил в пример хотя одного из предков своих, который требовал бы такового права на наместничество, так как были времена, в кои персидской престол был пуст, или доставался сильнейшему но из дому Софийского. Кроме сего весьма убедительного доказательства, царевич кажется запомнил: какое различие имеют между собою религии христианская и магометанская; ибо есть ли он же сам не ожидает хорошего правления провинциею держащеюся Омаровой секты, есть ли владетель оной провинции есть Алиева учения (мнение царевича в § XV) то можно ли подумать, что б магометане могли добровольно подчиниться христианину, когда сия последняя религия нетерпима первую более нежели протчие. Сие могло бы разве тогда случиться, есть ли бы Грузия овладела Персиею или была бы в силах победить ее, чего однако ж не было. Положим что и было с издревле таковое постановление о наследстве Грузинских царей на персидской престол, но разве не уничтожилось оное чрез поступки самых же сих царей, которые неоднократно то отлагались от зависимости Персии, то поддавались туркам и постепенно опять переходили к персианам. Следовательно мнимое право их наследства на наместничество тогда же утрачено. О, есть ли бы теперь каким либо случаем дошло до сведения нынешнего владетеля Персии о таком совместничестве с ним грузинских царевичей в персидском престоле, то сей владетель непременно бы дяде сего царевича находящегося теперь в Персии царевича Александра не только удалить от толь но и живого щитал бы его для себя опасным во всяком месте.

О правлении царя Ираклия Грузиею, о состоянии ее в сие время, и о начальном покровительстве ее России.

4-е. Царевич Давид, описывая благо разумное правление и храбрость деда своего царя Ираклия, чернит его в мыслях своих за то, что сей невоспользовался раздором и безначалием в Персии быв по словам его, наследник, которому, казалось, право сие дало бы все способы иметь влияние на устройство в оной. Но напротив того сей храбрый царь Ираклий не упустил случай сей употребить в свою пользу, свергнув лиш с себя иго персиян, призвав сильное покровительство России, коя единственно по единоверию приняла Грузию под свою защиту и оказывала оную ей столько, что царь Ираклий сделался страшным для соседей и получал дани с Ганжи и Еривана. Но после такового состояния Грузии сей—царь в преклонности лет испытал еще нещастие чрез нашествие персидского владетеля Аги-Магомед-хана, разграбившего столицу его Тифлис и уведшего в плен 8 тыс. семейств; и все сие произошло от того, что он будучи в крайней старости поручил детям своим управление провинциями, и что некоторые из них несодействуя отцу невыслали следующего числа войска на защищение противу неприятеля, и оставались спокойными зрителями всех разорений столицы.

О правлении Грузиею царя Георгия и о преклонности его к обольщениям Порты.

5-е. Весьма правдоподобно, что отец царевича Давида, царь Георгий был при глашаем турками к принятию покровительства их над Грузиею, делая обещание покорить в пользу Грузии персидскую провинцию Адрибежан. Но характер и свойство царя Георгия поставляли его в невозможность предпринять что либо отличное, кроме довершить то, что отец его начал, то есть: поручить себя и Грузию в непосредственное распоряжение России. Сей царь при всей слабости своей видел, так сказать, висевшую над главою его погибель от раздоров и несогласия между братьями его, которые усилиясь в своих провинциях, прокладывали явно дорогу к престолу и право сильного из них доставило бы таковому в руки правление, может еще при жизни его, есть ли бы она продлилась. Таковой раздор между царевичами наиболее усилился когда сделалось гласным, что после царя Георгия будет наследником сын его (тепе-

решный претендатель на персидской престол) царевич Давыд, и когда бабка сего последнего царица Дарья, женщина хитрая, имевшая влияние на правление и на народ, и склонная к интригам, приняла сторону детей своих, а не внуков.

О дополнительных артикулах составленных царевичем Давыдом после смерти отца его нащоу устройства Грузии.

6-е. По неизвестности содержания тех артикулов, на кои царевич Давыд в лице, как понимать можно, наследника Грузии согласился, немогу дать какого либо заключения, кроме, что есть ли сии артикулы содержат в себе на счет подтверждения управления в Грузии царями, то теперь таковые пункты уже несильны потому, что они небыли утверждены, и что со смертью царя Георгия Грузия торжественно приняла новое правление с устранением царского.

О причинах мщения князем Цициановым над членами царского дома.

7-е. Вместе со введением в Грузию Российского правительства благосостояние сего края, а не мщение князя Цицианова, требовало удалить из оного всех членов царского дома, так как народ сколько по не привычке к новому правлению, столько по легковерию не мог бы оставаться спокойным, видя между собою царевичей, кои пользуясь привычкою народа на уважение к ним и имея родственные с князьями связи, легко могли подстрекать народ разными образами и вперячь негодование противу России и правительства ея. Доказательством сему послужат бунты бывшие в 802 и 804* годах, в коих главными начальниками были царевичи Александр, Иулон, Парнаоз и Теймураз. Следовательно князь Цицианов, как благоразумный и усердный России чиновник, желавший добра для самой Грузии, должен был стараться о удалении сих вредных для всего краю людей. Приписываемое же в сем случае царевичем Давыдом князю Цицианову мщение над царским домом за какое то наказание царем Ираклием родственников сего князя, есть явная и грубая несправедливость царевича Давыда к заслугам сего чиновника, которого память не только Грузия, но даже враги ее и теперь уважают, чему я был свидетель, и которой весьма дорого заплатил жизнью своею единственно для доставления Грузии благоденствия. Но все

* Здесь и в дальнейшем Паулуччи сокращенно пишет года, не стави тысячу.

сие на царевича Давида не имеет повидимому никакого влияния. Князь Цицианов, родясь и взросши в России и получив хорошее воспитание, образовавшее в нем обыкновенные способности великого человека, едвали мог следовать употребляемому между азиатами (соотечественниками царевича) правилу мстить кровь за кровь, как царевич сие приписывает ему.

О не уважении князем Цициановым членов царского дома и об оставленных ими в Грузии удельных имениях.

8-е. Не отнимая достоинств от членов царского Грузинского дома, можно против сего пункта необинуясь сказать: что всякой другой начальник, лишь бы был столько усерден, предан России и беспристрастен как князь Цицианов, тоже бы сделал с сим домом; члены коего раздорами между собою, бунтами и смертоубийствами очернили свое высокое звание в пример сему последнему происшествию поставляю мачеху царевича Давида царицу Марью, которая своеручно заколола кинжалом российского генерал майора Лазарева. За оставленные царевичами в Грузии удельные имения они вознаграждены от российского правительства столько что самые имения их никогда не будут сравниваться с получаемыми царевичами и царевнами ныне пенсионерами и другими милостями, кои изобильно от всемилостивейшего нашего государя на них излианы.

Об огорчении князем Цициановым соседственные народы, и о разлилии по Грузии чумы.

9-е. Князь Цицианов неогорчил, а устранил и побеждал соседственные народы, кои при бывших царях пили, так сказать кровь жителей Грузии; — грабили их в домах и везде, а правители и не думали об отвращении сего зла. Неговоря о Персии и Турции, кои периодически терзали Грузию, достаточно будет указать не одних лезгин, кои были бичем для грузин, недаввали им нигде ни покою, ни ходу, и даже самых царей запырвали в Тифлисе. Но теперь сии самые для грузин пьядицы уже нестрашны, и они платят дань в доход грузинской. О заразе существующей в Грузии, как царевич пишет, со времен князя Цицианова несправедливо. Хотя она и была в 803 повсеместно, а в 808 годах в одной провинции, но вскоре прекращалась, последняя же открылась в исходе 810 года.

О жестокостях князя Цицианова против грузин, о стеснении их, и о возникшем духе несогласия в народе и ненависти к русским.

бунты с 802-го года и ненависть к русским, то напрасно царевич Давыд приписывает сие к жестокостям князя Цицианова, кои он насчет сего почтенного и беспристрастного чиновника не может доказать, сколь бы ни был худо к нему, расположен за удаление из Грузии.

Разве забыл царевич Давыд, что дяди его царевичи Александр, Иулон, Парнаоз и брат Теймураз, раздув пламя бунта, бежали в Персию. Проникший во все сии обстоятельства, князь Цицианов и уstraшенный уже первым бунтом, боясь впоследствии времени напрасного пролития крови российских войск, введенных для внутренней безопасности грузинского народа и защиты от внешних неприятелей, невидел других средств к прекращению зловредного беспорядка, как удалить в Россию весь грузинской царской дом, во время похода российских войск в 804 году, под Еривань бежавший царевич Александр находился непрестанно в персидском противу нас войске, и по переписке с царевною Кетеваною, своею сестрою, сия успела сделать бунт в Осетии и Карталинии, и в то же время по его сношениям с князьями сделался вторичной уже и в Кахетии, равно и в дистанциях Казахской и Бомбакской. И так вся Грузия объята пламенем мятежа, князья и дворяне внутренно утешали себя искоренением российских войск, но с возвращением храброго князя Цицианова в Грузию все крамолы утушены им, царевичи Иулон и Парнаоз пойманы с оружием в руках и отправлены в Россию, осетинцы и гудомакарцы строго наказаны и кахетинские бунтовщики посажены под караул.

Я оставляю судить всем и каждому, какая личность могла заставить князя Цицианова действовать против грузинского царского дома. Есть ли царевич Давыд почитает бунты и беспокойства затеянные его дядями, теткою и братом пустыми предлогами, то пролитие крови с оными последовавшее недолжны оставаться без принятия мер, к скорейшему прекращению, а кто же оному был причиною как не

оне. Защита Грузии сим генералом известна всем и пребудет в летописях Российских ясным доказательством его усердия к пользам государя, храбрости, дарований и беспристрастия, и никакое перо грузинских царевичей не в состоянии помрачить той славы, с кою он покоится.

Есть ли бы царевичу Давиду, по мере участия какое он берет о благосостоянии Грузии, удалось когда либо посмотреть все акты и показания грузинских князей и разных участвовавших в сем бунте лиц, собранные особо составленною без пристрастием князя Цицианова из российских и грузинских чиновников секретною комиссиею, тогда бы он совершенно переменял свое мнение и перестал бы злоречить князя Цицианова, ибо нет ничего легче как иметь прощения на умершего, будучи уверен, что сей не сделает против него оправдания. Секретная сия Комиссия не восприняла своего окончания по порядку и по ходатайству графа Гудовича все бунтовщики получили высочайшее прощение, коего им испрашивать не следовало, хотя и были на сие в пользу грузин сильные убеждения, то есть: что они по глупости своей и по дикости в нравах склонились на обольщения царевичей, и что таковой народ, который не знает что значит слово: отечество и нет сего значения на их языке, должно победить милосердием, а сие самое оне помнят и может быть надеясь на таковое же прощение вздумали еще бунтовать.

О народах плативших Грузии дань и от распоряжения князя Цицианова вооружившихся против России. 11-е. Народами платившими прежде дань Грузии, а будто от распоряжений князя Цицианова усилившимися и вставшими противу России, царевич разумеет осетин живущих в соседстве Карталинии. Не оспаривая против того, что сии народы платили когда либо дань Грузии, должно однакож сказать, что пламя бунта между сим народом развели дядя его царевич Иудон живший в Цхинвале, имевший влияние на сей народ и сделавшийся бунтовщиком против России по Карталинии и Осетии еще с 1802-го года. И хотя в 805-м году был он пойман, однакож наследовал ему сын его Леван который скрывшись от поисков жил в Осетии и возмущал их и тагаурцов, делая набеги на Карталинию. Все сие прекратилось вместе с жизнью сего Левана, который по разбитии российскими войсками собранной им толпы хищников

убит в 1811-м году на дороге лезгинами неприличным званием его образом как бродяга.

О недоразумении между народом и мною царевич Давыд, что случившийся в мое командование в Грузии бунт произошел от незнания будто мною русского языка и последующего от сего между жителями и мною недоразумения. Разве мнение его основано на том, что я не отвечал на пять его писем почитая просьбы его несправедливыми, и как может он судить о знании моем, когда ни разу со мною неговорил. Но как бы то ни было,—однакож следует заключить, что для грузин и всех тамошних народов все равно кто бы главнокомандующим у них ни был, то есть: природной ли россиянин или иностранец незнающий русского языка (буди таковой может иметь честь быть главнокомандующим в Грузии) ибо князья и народ никогда с ним не объясняются иначе, как на своем природном языке чрез переводчиков.

Относительно бунту, так как царевич Давыд почитает оный происшедшим в мое командование от какого то недоразумения, то я и почитаю себя обязанным вразумить его следующим:

ему небезизвестно, что бунты в Грузии начались как и вышезначит, с первого года по открытий в ней русского правительства, и сколько припомнить могу 1-й в 802 году в Кахетии, и Осетии. 2-й в 804 году повсеместно в Грузии в татарских дистанциях и в Тагаурском ущелье, а 3-й в 810-м году в Карталинии и Осетии и по всеместной в Имеретии. Хотя же действия сих бунтов заводимых царевичами прекращались, но совершенно потушены не были и царевич Александр поддерживаемый Персиею и Портою непрестано дует на тлеющие еще искры оставшиеся от сих мятежей. И так Грузия всегда была и долго будет театром бунтов. Последний же затеянный весьма давно обнаружился за два месяца прежде, чем я принял командование Грузиею. Первые причины сему были, как и всегда 1-е честолюбие царского грузинского дома управлять оною, и которому главнейшая нить основана в Санктпетербурге, 2-е интриги приближенных к сему дому и персиан, кои непрестанно изыскивают способы, дабы ослабить силы российские в Грузии расположенные.

3-е беспокойный и непостоянный нрав жителей и наконец 4-е строгие меры, какие требовались для прекращения чумы опустошавшей землю и для продовольствия войск во время большого неурожая и почти голода. Причины сии были желаемым поводом дабы возбудить народ против российского правительства. Бунт сей давно затеянный, о котором я уже писал г. министру полиции от 26 марта сего года имел целью изгнание всех российских войск из земель владеемых Россиею между Черным и Каспийским морями, и обнаружился всеобщим действием в Дагестане в ноябре месяце 811-го года Шах Али ханом по соглашению с персидским двором и Сурхай-ханом Казыкумицким, дабы опустошить провинции Кубинскую, Бакинскую и Дербентскую, и оттянуть туда Российские войска. Все сие было знаком мятежа, который должен был начатся и в других местах. Впоследствии: Дагистан был усмирен, неприятель разбит, пространная и богатая провинция Кубинская отнятая у лезгин присоединена к Российской империи в генваре месяце сего года. В сие время персиане впали в Карабаг, где они имели партию из бунтовщиков составленную к сей экспедиции, в то же время и в Кахетии бунт открылся, и тогда же турки употребили усильнейшие меры дабы отнять крепость Ахалкалак, которая открывала им дорогу в Тифлис и вела бы в сношения с татарами борчалинскими, шамшадильскими и казахскими, куда персидской двор отправил своих лазутчиков и фирманы для поощрения к бунту. Вместе с сим жители Грузии отправили для сего же посланцов, к жителям гор Кавказских, так же и к полковнику Казбеку, который великое влияние имеет на жителей Тагаурского ущелья. Дабы преградил русским дорогу чрез Каишсуо, как одну коммуникационную линию между Россиею и Грузиею, предлагая означенному полковнику Казбеку быть царем в Грузии.

Если подробности сих обстоятельств и оригинальные документы представленные мною к его императорскому величеству при рапорте от 26 марта сего года доказывают, что тайной заговор был с давнего времени, то они же доказывают и несправедливое возражение сделанное по пустому на меня от царевича Давида. Но как *li vaghj d'Asinon montasio incelo*, то я совершенно равнодушен к его хуле, как бы был и похвале от него. Сверх сего надобно простить царевичу

Давиду и потому, что он давно уверяет что русские не умеют управлять Грузиею. Огорчение которое он показывает в том, что я успел не только прекратить бунты, на кои он полагал может быть большие надежды, уповая на вышнюю десницу, но еще и в том, что главная часть грузинского народа сама познав, что она была жертвою некоторых неблагонамеренных людей, кончила тем, что не только имела ко мне уважение, но и оказала самую чувствительную печаль при отзыве меня в Россию, что и служит ясным доказательством, что я знал характер народа.

Об ошибке князя Цицианова сделанной чрез высылку из Грузии членов царского дома и о правилах, как должно российское правительство с ними поступать, есть ли они соделаются изменниками.

13-е. Отправление из Грузии царевичей и всего царского дома было необходимо нужно по объясненным выше сего обстоятельствам, достаточно доказавшим, что большая их часть вошли в духа непристойные, развратили народ ложными внушениями, и наконец от сего произошли бунты пролившие кровь человеческую, и естли сие было противно как царевич полагает, высочайшему указу в 24-й день июля 1802 года генералу Кноррингу данному, то оно сделалось необходимым в то время, когда царевичи приступили правила отдав себя в подданство Российскому императору. Определение царевичей в России к должностям естли усмотрятся в них дарования, но отнюдь не в Грузии доколе Россия не переменит теперешних к ней расположений, зависит от высочайшей воли государя императора, но что бы при благовременном назначении царевичам места за противозаконные их поступки, могли окрестные народы обратить внимание к сему мнимому уважению, я весьма сомневаюсь, но скорее полагаю, что царевичи имея связи по перепискам с народам, который нередко сами возбуждали к впадению в Грузию, наши бы и в сем уважении со-всем противное.

О назначении царевича в помощники главнокомандующему и о провозглашении такового царевича наместником на персидский престол.

14-е. Самые местные обстоятельства и непостоянный характер грузинской нации, происшествиями обнаруженный, не могут позволять иметь в Грузии когонибудь из царевичей, а того менее назначать такового в помощь главнокомандующему, потому, что кто б из них таковой

помощник избран ни был, то ежели не само собою, то приближенные к нему не упустят перетолковать сие легковерному народу «что правительство российское предполагая отдать Грузию в управление царя, понемногу вводит царевича в правление и что народу остается только устоять в своих беспокойствах дабы заставить и совсем сей край оставить на прежнем до введения российского правления положении». Предполагаемое же царевичем в-месте с сим объявление такового царевича наместником персидского престола, есть мнение незнающего совсем о теперешнем правлении в Персии, где владетель довольно силен и провинции его покойны. Странное дело:—не быв грузинским царем желать быть персидским наместником!! Впрочем по мнению моему для России все равно, настоящий ли наследник или похититель владеет персидским престолом, лишь бы достиг до предполагаемой цели возстановить между Грузиею и сим государством границы и водворить спокойствие.

О соединении Имеретии и Ахалцыха под власть Грузинского царя. 15-е. В сем пункте царевич Давид мечтает о принадлежности Имеретии и Ахалцыха к Грузии, по тому что некогда были сии провинции под владением грузинского царя. Но так как впоследствии времени грузинские цари сами по слабости своей выпустили из рук оные из коих первая составила особым царством признанным от России, а последняя гнездом разбойников терзающих Грузию, то кажется неследовало бы уже царевичу выставять древнее могущество грузинских царей, когда потомки их постепенно делались слабее предков своих.

О излишнем содержании России войск в Грузии, и о возстановлении прежнего грузинского войска. 16-е. Царевичу Давыду, как не воинскому человеку и давно уже отлученному из Грузии, следственно не имеющему сведений ни о теперешнем состоянии Грузии, ни о намерении России с каким она ввела туда много войск, не нужно бы считать излишним то число войск, какое по мнению его не может Грузия продовольствовать. Есть ли бы царевич сей предложил способ совсем не иметь русских войск в Грузии, непеременив теперешнего ее положения, то сие более бы было полезно для России, нежели збережение издержек, кои она поднесь нещадит. Предполагаемые царевичем одномесячные из грузин

воины несообразны с родом войны, которая теперь со стороны Грузии и соседственных держав продолжается, и не могут они быть полезны ни для себя, ни для российских войск. Своенравность их и необузданность конечно заставят начальство принять приличные меры для удержания их в обязанностях сколько нибудь свойственных нашим казакам, но совершенно принаровить их к какому либо роду службы, по теперешнему с ними обращению, есть дело невозможное, что испытано моими предместниками, и я сам лично был оному свидетель в несколько компаний в Грузии сделанных. В пример сему поставляю расположение самих князей составить милиционный из грузин полк. Но когда князь Цицианов сего от них потребовал, то никто из них ни одного человека не выставил. Равномерно и при генерале Торماسове, те же князья изъявили готовность дать детей своих на составление при государе императоре эскадрона на отличном преимуществе, но в последствии и от сего отказались под ничтожными предложениями.

По сим примерам неследует однако ж заключать, что грузины не способны вовсе для регулярной службы; ибо заведение теперь персианами регулярного войска из своих природных жителей, сходствующих с грузинами в характере и образе жизни, удостоверяет, что и из грузин можно иметь регулярных солдат, лишь стоит только предпринять решимость с предосторожностью и меры соответствующие такому переобразованию, не усиливая нации.

О горной промышленности в Грузии.

17-е. Царевич Давыд, неимея никаких основательных сведений о состоянии в Грузии горной части предполагает усилить промышленность сию и плавить руды. А я утверждаю, что от сей части доходов для казны не будет, покуда сия часть не перейдет в частные руки, о чем обстоятельно известно г. министру финансов, у коего имеются и мои по сему предмету отношения.

О умножении мануфактур.

18-е. Называемых царевичем Давыдом мануфактур в Грузии и в ханствах никогда не было, а занимались прежде и теперь занимаются жители рукодельем весьма в малом виде, который не требует особенных занятий и привилегий от начальства; ибо не было еще примера, чтоб кто либо из ка-

питалистов как из грузин, так и протчих народов пожертвовал своим капиталом на заведение мануфактур, для коих рук недостаточно и жители более упражняются в земледелии, да и сами грузинские цари едва ли знали, что значит мануфактура.

О заведении в Имеретии верфи для построения судов.

19-е. Касательно построения в Имеретии судов для торгу с Крымом, я должен сказать, что покойный князь Цицианов, быв большим хозяином, сам обратил внимание на сей предмет, желая доставить имеретинскому народу дохода с их произведений, и вытребованный им флота капитан лейтенант Панафило осматривая леса в Имеретии нашел, что большая часть оных произрастает в болотах, а по свойству и доброте неспособны к построению судов; некоторая же часть хотя и на горах, но доставление их до морского берега, где бы можно было строить суда, не только затруднительна, но даже не возможно по неимению дорог и крутизне гор. Сплав оного по рекам, в особенности по Риону, так же неудобен потому, что оные выходя из гор нередко спускаются водопадами с такой вышины и силою и упавая на каменя, что всякое бревно раздробляют. Наконец российское общество обратило внимание на торг с Имеретиею, и насчет сего учреждена в Черном море компания, которая может быть и найдет способ разменивая свои товары на разные продукты в Имеретии приобрести некоторые выгоды, — а по крайней мере в равновесии сохранить свой торг, который вероятно более сделает пользы жителям Имеретии, нуждающимся во многом, чем Крыму изобилующему почти теми же продуктами. А что б имеретины или грузины могли удерживать торговлю с Крымом в своих руках, то неспособность их возбраняет сие в пример сему послужит то, что никто из них не взяв акции при приглашении их означенною Черноморскою компаниею.

Причины заставившие царевича Давыда составить мнение для устройства в Грузии управления.

20-е. При составлении царевичем Давыдом начертания о устройении управления в Грузии руководствовался он не преданностью к России, но склонностью завести между российским в Грузии правительством совместничество в правлении чрез помещение туда одного из царевичей, от чего по мнению моему не может

быть ни пользы, для России, ни блага для его соотечественников. И так как я в бытность главнокомандующим в Грузии сам нашел образ теперешнего правления не соответствующим характеру народа и местным обстоятельствам, то при первом представившемся случае я сделал некоторую перемену, которая влияние имела на усмирение бунта. Мнение же мое по сему предмету состоит в следующем:

§ I. О утверждении навсегда особы главнокомандующего в Грузии.

21-е. Особу главнокомандующего в Грузии не утвердить навсегда, как царевич Давыд полагает, а сколь можно удерживаться · переменять таковую часто, и надобно увеличить власть ее; ибо народ держащийся и поныне прежних обыкновений начинает почти всегда иск свои с просьбы главнокомандующему; следовательно при таковых случаях народ делается к новому начальнику недоверчив, а из сего возникает некоторый ропот, пока привычка к таковому начальнику и познание его склонностей не поставит его в прежнюю степень. Повторение новому начальнику просьб по делам оконченным предместниками его, есть непоследняя склонность сего народа, и примеры перевершения таковых дел усугубили их происки и умножили надежды, с коими не отстят они от сего правила.

При сем случае не неприличным считаю поместить замечание одного глубокомысленного политика, «что частая перемена правителей над народом, есть одна из причин, от коих возникают бунты».

§ II. О ненужности содержать войск более, чем Грузия довольствоваться может.

22-е. О числе регулярных войск в Грузии не нужно подавать какого либо мнения, так как сие число должно быть соразмеряемо с надобностью для защиты границ Грузии, или для удержания соседних державы в страхе и почтении. Есть ли границы Грузии упрочены будут и персияне сделают мир с Россиею, тогда можно несколько войск от толь вывезть, но и при сем должно иметь в виду то, что в отношении к пользам службы полк легче вывезть из Грузии, чем ввести оный туда из России; ибо нововведенный в месте службою должен привыкать к климату и принаравливаться к неприятелю и образу мыслей жителей.

§ III. О правительстве, какое царевич предполагает в Грузии учредить.

23-е. Теперешнему в Грузии правительству необходимо нужно сделать реформу и устроить правление сколько можно сходственнее с обычаями и умоначертанием народа, который чрез 12-ти летнее российское правление не только не привык к теперешнему, но еще вновь имеет ропот на продолжительные формы нашего суда, и скорее он согласится остаться равнодушным к злоупотреблению, которое самый закон царя Вахтанга, коим они судятся позволяет «царю получив подарки переменить закон» нежели доказывать правость дела своего по нашим формам.

Есть ли начальство согласится на таковую реформу то самое начертание порядка для нового судопроизводства в Грузии несоставит большого затруднения; предполагаемого же царевичем правления одобрить не можно потому, что в нем назначены места царевичам, и что некоторые судилища со всем ненужно иметь в Грузии.

§ IV. О восстановлении власти моуравов вместо земских полиций.

24-е. В бытность мою в Грузии я нашел необходимым восстановить в некоторых местах прежних моуравов вместо бывших до сего исправников и земских полиций кои по разным случаям вооружили против себя негодование самых жителей, имевших с одной стороны справедливые причины быть недовольными таковою полициею. Однако ж власти моурава следует предписать правила, так как сие звание знает свою должность единственно по изустному преданию.

§ V. О судопроизводстве и порядке дел в новом правительстве.

25-е. Есть ли принято будет начальством мнение о реформе в Грузии правительства, и когда начертан будет образ судопроизводству, тогда порядок для дел также сам по себе должен быть объяснен по местном соображении.

§ VI. О получаемых князьями и дворянами пенсиями.

26-е. Конечно с восстановлением моуравства и других должностей бывших при царях, и удобовозможных иметь при новом правлении, должны пресечся многие получаемые князьями и дворянами пенсияны, определенные им от российского правительства в замен доходов, которые они с народа получали по тем должностям, и судя по неблагодарности народа не понимающего таковой благодати к нему все-

милостивейшего государя, оградившего его от разорения и грабительства самыми моуравами, к чему они с издревле привыкли и не считают сего тягостью, я заключаю: что б отдать их в руки тем же князьям, то есть: возстановить прежние частные и общие власти.

Признательность царевича касательно получения грузинами чинов и пенсионов не по заслугам, есть одно из справедливых суждений его. При сем следует заметить, что если бы сии без заслуг люди не употребляли ходатаями за себя членов царского дома живущих в Санктпетербурге, и всегда готовых дать протекцию соотечественнику своему, то едва ли бы они успевали в своих желаниях, например: царевич Давыд оказал сильное ходатайство о пенсионе для человека, который во всю свою жизнь упражнялся в игрании пред царевичами на балалайке. Мера же предполагаемая им для умножения полезных граждан из соотечественников его не оправдится в последствии. Ибо грузины как прежде так теперь и долго будут пренебрегать хозяйством в коем они имеют самые ограниченные понятия, и склонность их к праздной жизни при самых умеренных желаниях насчет содержания себя с семействами, могла бы тогда только, так сказать переродиться в них, когда они не будут полагать надежд на пенсии и моуравские доходы, или чрез честолюбие вместе с просвещением приобретут они истинные понятия о правилах доброго хозяина, мирного гражданина и полезного сына своему отечеству; а что всево важнее, то чтоб почитали достояние свое прочным для себя, и истребили страхи о нашествии неприятеля и об отнятии имущества. Ибо сие последнее заглушает в них прочие чувства.

§ VII. О возвращении членов царского дома в Грузию. 27-е. Выше сего в разных местах по приличию упомянуто сколь возвращение в Грузию членов царского дома вредно для Грузии, а теперь дополню, что пребывание их и в Санктпетербурге весьма вредно для России, где число их приудобном случае готово будет составить род партии. Доказательством сему послужить может приметная наклонность царевича Давыда возстановить в Грузии по прежнему царя, и таковым замыслам своим делает теперь, так сказать, пробу, в том предположении, что есть ли воспримут проекты его желаемый успех, то никому более неприлично восполь-

зоваться сею честью, как ему пользовавшемуся некогда титулом наследника и менее участвовавшему в бунтах. И так сообразя все сие предсказываю: есть ли с сим домом заблаговременно nebude предпринято приличных мер осторожности, то когда нибудь сделает оный России большой вред.

§ VIII. О заведении военной школы для грузин, и о содержании в залоге детей их.

В сем пункте царевич Давид кажется метит на тот предмет что б самым неприметным образом поставить Грузию в виде державы, состоящей в России под покровительством, а не в совершенном подданстве, ибо дети от народа в залог берутся только в первом случае. А что б детей их по изучении сделать полезными для службы то непременно должно служить им с начала в полках в России находящихся, и сим познакомить их с Европейскою жизнью.

§ IX. О неотсылке неблагонамеренных князей и дворян в Сибирь и о замене имений таковым в России.

Мера наказания, определенная не благонамеренным князьям и дворянам, отсылая их за преступления в Сибирь, есть одна из необходимейших и приличных для удержания сколько нибудь сего необузданного сословия в пределах обязанности их и усердия к России и царевичу Давиду не следовало бы стараться о уничтожении сего правила, от коего и русские неизземлются. У него должно быть еще в памяти, что при царях за неблагонамеренность к своему отечеству лишали самых знатных князей жизни, или кололи им глаза, и рубили руки и ноги, или отрезывали нос, из коих некоторые получают теперь пенсии дабы сим несколько вознаградить их несчастье. Отобрание в казну имений таковых князей не Россиею введено, а было сие наблюдаемо строго и при царях, и в законах царя Вахтанга есть на сие самые ясные и не извинительные законоположения. Есть ли же делать по мнению царевича, таковым князьям замены в имениях в России, то сколько одни ни боятся высылки их из Грузии, столько другие употребят средство сие в свою пользу, и обратятся к преступлению, лишь бы найтить способ ничтожные имения свои в Грузии променять на Российские.

28-е. Школу военную по представлению генерала Торماسова предположено уже устроить в Тифлисе, и сие более полезно нежели иметь ее на Кавказской линии.

29-е. Мера наказания, определенная не благонамеренным князьям и дворянам, отсылая их за преступления в Сибирь, есть одна из необходимейших и приличных для удержания сколько нибудь сего необузданного сословия в пре-

§ X. О способах за-
сти раздор между пер-
сидским народом, и
теперешним владете-
лем там.

сие оставить без всякого внимания, хотя царевич и выказы-
вает себя знающим связи между европейскими державами,
для коих грузинские дела ни мало не-интересны.

§ XI. О назначении Ку-
таиса торговым горо-
дом и о складе, в
нем товаров.

Кутаиса торговым горо-
дом и о складе, в
нем товаров.

30-е. Так как царевич Давид в сем
пункте все свои обширные мечтания ос-
новывает на правах царя, которому по
теперешнему российскому управлению,
ненахожу я места в Грузии, то и следует

31-е. Город Кутаис в Имеретии не-
может быть торговым городом и учре-
дить в нем складку товаров неудобно,
потому 1-е, что одне тамошние произве-
дения малозначуши, 2-е, что затруднительная дорога из Гру-
зии в Имеретию препятствует обратиться грузинскому и пер-
сидскому купечеству с торговлею чрез Имеретию, имея боль-
ше удобства перевозить свои товары в Россию сухопутно
по дороге, чрез Тагаурское ущелье стоящей для России ста
тысяч рублей серебром и охраняемой постами, и 3-е, что
для перевозки товаров от Кутаиса до портов мало имеется
средств, и судоходства по реке Риону сделать не возмож-
но, что испытано чрез перевозку из Поти в Кутаис казен-
ного провианта.

О построении в Чаре
уездного города.

32-е. Относительно же до предпо-
ложения царевича построить в Чаре уезд-
ный город, то царевич прожектируя о
сем предмете затмил словами смысл такового мнения: уезд-
ный город ненужно строить, а только наименовать какое
либо селение городом, каковой однакож не может служить
ограждением от горских хищников. Есть ли же он под сим
названием хотел сказать о построении крепости, то о сем
нужно местное соображение начальства, а не проекты част-
ного человека.

§§ XII, XIII. О разделе-
нии в Имеретии внут-
реннего управления.

33-е. Разделение управления в Име-
ретии на участки, есть предмет ничтож-
ный и основанный на наклонности царе-
вича Давыда (как я уже сказал) видеть возстановление в
Грузии царской власти. В Имеретии и теперь управляют
своими именными домами Дадиана и Гурьала, кои весьма ма-
ло уважали власть бывшего Имеретинского царя; в самой
же Имеретии или верхней, как царевич называет, равно и

над сими владениями управляет под властью главнокомандующего российской чиновник, с усердием коего к пользам России и благоразумием в правлении, не может сравниться ни князь Церетель, хотя впротчем преданный к России чиновник, и вообще никто из грузинской и имеретинской нации:

§ XIV. О восстановлении власти ханов.

34-е. В Шаке, Карабаге и Шемахе, всегда были ханы и теперь есть и власть при них оставлена таже самая, какую и прежде имели, кроме что отнято у них варварское право распорядать жизнь своего подданного и делать безчеловечные наказания, как то: колоть глаза и рубить руки и ноги. Впавшие в уголовные преступления судятся военным судом, а гражданской суд состоит во власти хана.

§ XV. О смене Шакинского Джафар-Кули хана и о поручении сего ханства прежнему владельцу.

35-е. Неограниченное к России усердие теперешнего хана в Шаке генерал-лейтенанта Джафар-Кули хана, и заслуги оказанные им князю Цицианову и всему Российскому войску во время первой Эриванской экспедиции, за что он пользуется милостями государя императора, возродили ненависть и злобу против его не только царевича Давыда, но и протчих из его родственников и соотечественников и все они на перерыв стараются чернить его у каждого главнокомандующего и в Санктпетербурге. Однако ж сей хан пренебрегая всеми происками против него, стоит непоколебимо при одинаковом усердии и верности, и заменяя несходственность религии его и порученного ему народа благоразумным управлением утешает все крамолы, кои против его со стороны Грузии и Персии возставят. Прежний хан сего ханства Магомед-Асан хан, на коего царевич указывает, есть человек слепой, коему брат его выколол глаза. Он живет ныне в Тифлисе и получает пенсию. Весьма бы полезно было переселить его в Россию, по крайней мере в Астрахань, и сим отнять у неблагонамеренных людей способ ходатайствовать в пользу самого его, или детей его; ибо сей слепой хан обещевает большие подарки тому, чьим ходатайством доставится ему в управление сие ханство, и мне таковы были предлагаемы, а может быть сии же причины подвигли теперь царевича Давыда на таковое ходатайство в пользу сего хана.

§ XVI. О воспитании ханских детей. 36-е. Царевич Давид полагая воспитывать детей ханских и тамошних вельмож в магометанской школе в Тифлисе, прочит их для Персии, а не для России. Но как бы то ни было, однако ж весьма странно, что сей царевич не нашел между прочим воспитанием сих детей другого важнейшего предмета, как учить их одной медицине. Вот таковы то понятия всех азиатцов. Они прожектируя о составлении благоденствия соотечественников своих, а между тем быв сами чужды почти самых необходимейших понятий о науках приличных состояния человека, не могут лучшего желать и для детей своих.

§ XVII. О восстановлении в Грузии сбора называемого Салекко. 37-е. В Грузии все сборы с народа, существовавшие при царях давно уже приведены в известность,—и все те кои признаны были необходимыми и справедливыми поступают теперь в казну, а другие как приличные для одних царей уничтожены, и некоторые натурою царями взимаемые обращены в деньги. При каком случае я полагаю не упущено без рассмотрения и о сборе Салекко, о коем царевич говорит. О чем должно быть известно г-ну министру финансов.

Генерал-лейтенант маркиз Паулуччи.

(УЦГАЛ, АВПКиБ, ф. Канц. МВД по Грузии, д. № 438, 1812 г. лл. 200—222).

*Ваше превосходительство
милостивый государь Осип Петрович.*

Имею честь приложить при сем прошение на высочайшее его императорское величество имя, полагаясь с твердою надеждою на ваше превосходительство, как на моего особенного благодетеля, представить оное прошение или самому государю императору лично или в Комитет гг. министров, или как вашему превосходительству заблагоразсудится, и не оставить меня в сем случае вашим покровительством, ибо по моему мнению в просьбе сей нечто иное заключается, как польза для казны и успокоение тамошних народов.

С истинным к вам почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего превосходительства милостивого государя покорнейший слуга царевич Давыд.

11-го марта 1817 года.

Помета: Подлинное прошение или письмо отослано к государю императору, 18 марта 1817 г.

(УЦГАЛ, АВПКиБ, ф. Канц. МВД по Грузии, д. № 300, 1816 г. л. 312).

Верно—подпись.

*Всеавгустейший монарх,
всемилоостивейший государь.*

Благость сердца вашего и правосудие, ваше признанное целым светом дает мне смелость всеподданейше донести вашему величеству о нижеследующем:

Расположение Иверской земли определило ей чтобы она была под покровительством одного великого государя. Иверия прежде царей управляема была старшинами и была под покровительством великого Ушанга, Семирамиды, Сезостриса, Кира, Дария и Александра. Сии великие государи, бывши покровителями Иверии предоставляли всегда оной ее конституции и никогда не переменяли ее старшин. Но после Александра учредились там цари существовать, хотя они были подвластны генералам Александра, однакож и при них народ Иверский имел всегда своих царей и свою конституцию. А как усилились римляне, то цари Грузинские быв подвластны им, отправляемы иногда были консулами и императорами римскими в Рим и вводимы были для честолюбия их скованными в город с триумфом; однакож никогда не была уничтожена от римлян ни конституция Иверская, ни цари Иверские.

Когда из Хосройнского поколения никого не оставалось в Иверии царствующего, тогда Иверия находилась под покровительством греческой империи; тогда Иустиниан великий не только не уничтожил конституцию и царство Грузинское; но еще послал туда нового царя от которого происходит поколение Багратионское, и сверх того снабдил своим законом. Сие единственно Иустиниан учинил для того, поелику предвидел, что народ тамошний nebude никому полезен без своего прежднего права и без своей конституции.

Царь Арчилл, бывши неблагодарен за усердие поданных своих, безо всякой причины оставил царство свое Картелию, Кахетию и Имеретию, и приехал в Россию, и всему свету известно, с какими почестями был принят он в России, и какие получил награды.

После сего не мужественный дух царя Вахтанга принудил его оставить свое царство и приехать в Россию. Россия так щедро наградила его крестьянами и прочим, что внучата его теперь блаженствуют здесь.

Когда упал дом Шаха Надира, то разные лица стали просвоять себе Персию, и тогда дед мой царь Ираклий, побужденный мужественным духом наложил дань на Еревань, Ганжи и на Карабаг;—не мог бы далее распространять сил своих, если бы не покровительствовал ему какойнибудь христианский государь в то время дед мой царь Ираклий взошел под покровительство христианской государыни императрицы великой Екатерины и ее величеству благоугодно было заключить трактат между Россиею и Грузиею; которого трактата в 6-ом пункте ее величество ручается как за себя, так и за преемников своего престола, чтобы сохранять, как царя Ираклия, так и наследников его на законном их Грузинском престоле ненарушимо.

Обет сей исполнил, блаженной памяти и родитель вашего величества государь император Павел I-й, ибо по смерти деда моего царя Ираклия послал он родителю моему царю Георгию царские регалии и грамоту, утверждающую, как его царем, так и наследника его на Грузинском престоле, которая грамота и по ныне хранится у меня.

Напоследок родитель мой царь Георгий просил еще вновь 16-ти пунктов в добавок и во 2-м сказано: «всподданнейше просит „чтобы при вручении царства его был оставлен“ а по нем и наследники его на престоле с титулом царей дивровольно подвергших себя и царство подданству всероссийской империи и иметь им царям главные в своем царстве правление по тем законам, кои от Всероссийского двора даны быть имеют».

Сии 16-ть пунктов просьбы родителя моего по смерти его были посланы ко мне от графа Раstopчина, и по сим трактатам 1783 года заключенного между Россиею и Грузиею вступил я в управление Грузии и ожидал только утверждения моего на престоле от Вашего императорского величества; но сверх ожидания моего, генерал Кнорринг приехавши в Грузию учредил там присудственные места и от решил меня от правления, оставя только за мной удел мой.

Потом в 1802-м году последовал высочайший указ, от вашего императорского величества, чтобы мы все царские члены имели свободу приезжать в Россию и опять возвращаться в Грузию, как в наше отечество, и того же 1802 года по высочайшему повелению вашего императорского величества объявлено было мне чрез графа Кочубея приехать в Россию на некоторое время, а потом объявлено чрез него ж, графа Кочубея, что мне пожаловано триста тысяч рублей банковыми ассигнациями на покупку двух тысяч душ крестьян, за каковую сумму и по ныне не мог я купить означенного числа крестьян.

Великий государь. Твое имя прославленное пред целым светом победами, правосудием и попечением о благе не только верноподданных твоих, но и упавших внешних держав, которые изнемогали от бедствий, воскресши ныне получили прежний свой вид. Уже дворы Римского императора, прусского, французского, испанского и португальского королей и других премных Германских владетельных принцев, при цветущем их состоянии ныне за освобождение их, увенчав победоносными лаврами Александра императора, благословляют его вместе с верноподанными своими мирными оливами и жертвами сердечных их чувствований: но Грузинский дом наш процветавший 1266 лет под покровительством великих государей и императоров, ныне остается увядшим. Грузинский дом наш добровольно преклонивший скипетр свой и корону пред святым и великим твоим и всея России престолом, ожидает еще по священным правам, дарованным ему, блаженной памяти императрицею Екатериной великою, родителем вашим Павлом I-м и ныне существующим в вожделенном здравии императором Александром I-м, в правосудного, по величию души его, своего восстановления.

Тогда Грузия отерши слезы свои восторжествует с прочими бывшими упавшими, ныне цветущими паки царствами и будет вместе с ними, преклоня пред тобою свои колени благословлять имя твое за великие дела твои, правосудие и общее благо для всего человечества.

Если благоудно будет вашему императорскому величеству даровать Грузии прежний ее вид, по силе просьбы покойного родителя моего царя Георгия, в 16-ти пунктах состоящей, блаженной памяти к императору Павлу I-му на-

чертанной графом Растопчиным 1800 года ноября 23-го дня и по смерти родителя моего присланы те же пункты ко мне чрез князей посланников царя родителя моего Георгия, Авалова и Паловандова, которые пункты в оригинале и до ныне хранятся у меня.

Если удостоится нынешняя Грузия сего высокомонаршего вашего величества благосоизволения, то в благодарность будет платить России каждый год по миллиону рублей ассигнациями и будет содержать шесть тысяч человек Российского пехотного войска на своем коште в Грузии для общественного блага, и в случае нужды в тамошних краях, в Турцию, или Персию, всегда готова будет послать вместе с Российским войском своих воинов на своем собственном содержании, а для всеподданнейшей нашей верности к высочайшему престолу вашего величества запечатаем мы то присягою и дадим Амонатов из царевичей и из знатнейших наших вельмож Грузинских, и все находящиеся там крепости в полное распоряжение Российского храброго воинства, по силе 5-го из оных же 16-ти пунктов, просьбы родителя моего.

Если же не воспоследует на то вашего императорского величества высочайшего соизволения, а угодно будет чтобы я здесь был до времени: то всеподданнейше прошу вашего императорского величества возвратить мне в Грузии удел мой, утвержденный высочайшим манифестом вашего величества 12 сентября 1801 года и ту пенсию, которую по высочайшему же повелению генерал Кнорринг определил мне, или содержать меня здесь как посредственные русские вельможи живут, доколе я здесь буду, а если не возвратится вечно Грузинскому царскому дому нашему законное его право: то благоволите ваше императорское величество меня и братьев моих наградить соответственно взамен наследственного имения нашего, чем бы мы и потомки наши могли содержать себя в России, прилично нашему сану и званию безо всякой нужды, поелику не безызвестно вашему императорскому величеству, что в нынешнее время по причине усиливающейся дороговизны на все жизненные припасы и возвышения курса, едва мы можем против прежнего содержать себя с нуждою, настоящими нашими доходами.

Да не будет от вашего императорского величества, все-милостивейшего и человеколюбивейшего государя, импера-

тора и августейшего монарха, причтено мне сие чистосердечное и откровенное изложение мыслей моих в дерзость, а вменено во всеподданнейшее мое благоговение и преданность к вашему императорскому величеству.

Воззри великий государь! милостивейшим и справедливым оком на мои слова, и да благословится память твоя святая в роды родов.

Вашего императорского величества всеавгустейшего монарха верноподданнейшей царевич Давыд.

Марта 11 дня

1917 года.

(УЦГАЛ, АВПКиБ, ф. Канц. МВД, по Грузии д. № 300, 1816 г. лл. 316—321).

Верно—подпись.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Династия в Иране, давшая 11 шахов за время с 1502 по 1722 гг.
 2. Сабид-Мегмет-паша—помимо Ахалциха, управлял и Чалдырским и Фашским (Рионским) округом; из ренегатов грузинских князей—атабегов Джакели.
 3. П. Д. Цицианов (Цицишвили)—главноуправляющий Кавказским краем с 1802—1806 гг.
 4. Гражданская должность правителя определенной местности, переходящая по наследству из рода в род.
 5. Ряд крепостей, построенных с 1784 г. для сообщения Грузии с Моздоком.
 6. Джаро-белокавский район.
 7. Сапайчаво—сел. Кутаисского района.
 8. Джафар-Кули-хан Хойский возведен в звание шекийского хана в 1805 г. за услуги оказанные ген. Цицианову в 1804 г. под Эриванью. Скончался в 1814 г.
 9. Последователи сунны—толкования Корана преемниками Магомета—Абубекром, Омаром и Османом.
 10. Племянник и зять Магомета; шииты считают Али преемником Магомета и своим первым имамом.
 11. Сбор на уплату жалования лезгиан, главным образом их хану Омару.
-

ИСПРАВЛЕНИЕ ЗАМЕЧЕННЫХ ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
5	4 сн.	XVIII в. в Закавказье	В XVIII в. в Закавказье
6	16 сн.	В „рассуждении и способах	В „рассуждении о способах
6	14 сн.	составленный	составленном
12	3 сн.	⁴ Там же, № 794, стр. 401.	⁴ Там же, № 698, стр. 345.
13	15 сн.	отряды.	отряды ³ .
13	5 сн.	и Вардцихе ³ .	и Вардцихе.
19	5 сн.	¹ Акты, т. IV, № 395, стр. 256	¹ Акты, т. IV, № 335, стр. 256.
20	11 сн.	110 „податных дворов и все“	110 „податных“ дворов и все
20	6 сн.	¹ Акты, т. IV, № 564.	¹ Акты, т. V, № 564.
26	11 сн.	(грузинского и армяно-айсорского) ² ,	(грузинского и армяно-айсорского) ¹ ,
26	4 сн.	¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XVI, ч. II, стр. 7.	(лишнее)
26	3 сн.	² Бутков.	¹ Бутков.
32	1 сн.	⁴ Дубровин. Закавказье, стр. 371.	⁴ Акты, т. II, № 667, стр. 333.
34	17 сн.	т. II, 287).	т. II, № 295).
34	9 сн.	(Акты, т. II, № 1096. Дубровин, т. III, стр. 293—295).	(Акты, т. II, №№ 293-297, 300, 301, 303. Дубровин, III, стр. 293—295).
36	9 сн.	(т. IV, № 284), Симоновича и Могилевского (№ 311, стр. 231)	(т. IV, №№ 278, 284), Симоновича и Могилевского (№№ 310, 313, стр. 230—231)
37	15 сн.	Юлона и Парнаоза ³	Юлона и Парнаоза
37	14 сн.	с имеретинских крестьян.	с имеретинских крестьян ³ .
46	1 сн.	³ Акты, т. II, № 232,	³ Акты, т. II, № 932,
49	2 сн.	³ Рапорт	⁴ Рапорт
42	1 сн.	⁴ Там же	³ Там же, стр. 270.
53	2 сн.	² Акты, т. IV, № 208.	² Акты, т. IV, № 288.
53	3 сн.	стр. 290 и 380.	стр. 289—290.
55	1 сн.	См. начало гл. II	(лишнее)
57	2 сн.	Дубровин, т. V, стр. 325	Дубровин, т. V, стр. 335.
59	6—7 сн.	правительством	правительством“ ¹
59	7—8	Соломона“ ¹	Соломона.
61	2 сн.	стр. 397—403;	стр. 396—403;
75	8 сн.	стр. 388—389.	стр. 389—391.

198

Подписано к печати 25.VI.42 г.
Количество печатных форм 11
Количество авторских форм 11
УЭ 1140. Зак. № 820. Тир. 1000.

Типография Академии Наук Грузин-
ской ССР, ул. Церетели № 7.

БУКВИЦІ

Погодин № 23

СЛІДЦІВНИ

№ 12

1907-60K

505
—
211

Издательство Академии Наук Грузинской ССР
ул. Дзержинского, 8.